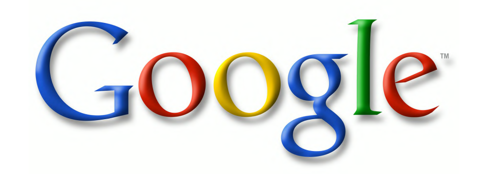

RUSSKOE PROVINTSIAL'NOE OBSHCHESTVO VO VTOROI POLOVINE XVIII VEKA S. PETERBURG BALASHEV, 1889

CHECHULIN

РУССКОЕ ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Н. Чечулинъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева. Екатерининскій каналъ, 78.
1889.

Chechulin, N. D.

РУССКОЕ
ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. Чечулина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева. Екатерининскій каналъ, 78.
1889.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1889 г.

Оглавленіе.

I.

Провинціальное общество, въ томъ приблизительно смыслѣ, какъ понимаемъ мы это слово теперь, образовалось въ Россіи только во второй половинѣ XVIII вѣка; только въ эту пору явилось въ провинціи довольно значительное число дворянъ, людей по тогдашнему интеллигентныхъ, проводившихъ тутъ всю свою жизнь, а не только годы старости послѣ тяжелой службы; только въ эту пору дана была и дворянамъ, и городскому сословію извѣстная, даже довольно большая, доля участія въ мѣстной администраціи, указаны общіе интересы дворянству, общіе интересы купечеству, указаны извѣстныя цѣли, извѣстныя обязанности сословію, какъ цѣлому, а не отдѣльнымъ только лицамъ, какъ прежде; все это мало по малу сплотило въ общество прежнее населеніе; къ концу вѣка мы видимъ въ провинціи дѣйствительно довольно развитую жизнь и бо́льшую часть дворянства; къ концу вѣка тутъ главная масса тогдашней нашей интеллигенціи, отъ которой ведетъ свое происхожденіе и большинство современной намъ. Изслѣдованіе быта, нравовъ этого общества, его развитія съ самыхъ первыхъ моментовъ его возникновенія въ провинціи, конечно, представляетъ значительный интересъ и важность для изученія, можно сказать, всѣхъ сторонъ исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ; этого не нужно будетъ разъяснять далѣе, если мы повторимъ, что къ концу вѣка тутъ сосредоточивалась главная масса тогдашней интеллигенціи. И изученіе именно провинціальной жизни представляетъ интересъ, быть можетъ, еще бо́льшій, чѣмъ изученіе жизни столичной—вопервыхъ, потому, что въ провинціи развитіе

шло несравненно медленнѣе и менѣе поддавалось вліянію разныхъ временныхъ причинъ, вовторыхъ, потому, что жизнь тутъ въ общемъ однообразнѣе, такъ что яснѣе можно разсмотрѣть и главные пути ея движенія, и наиболѣе общія подробности; замѣтное отличіе общества провинціальнаго отъ столичнаго указывали часто и сами современники, такъ что жизнь дворянства провинціальнаго можно изучать отдѣльно отъ жизни въ столицахъ, тѣмъ болѣе при первыхъ почти шагахъ такого изученія, чтобы, разобравъ спачала подробно и всесторонне ту и другую, потомъ уже нарисовать общую картину всего тогдашняго общества, всего внутренняго положенія Россіи. Но на сколько важно подобное изслѣдованіе, на столько же оно и трудно, требуетъ многихъ подготовительныхъ работъ и прежде всего многихъ еще матеріаловъ, хотя ихъ извѣстно уже и теперь не мало— и офиціальнаго, и частнаго характера; для полной исторіи общественной жизни въ XVIII в., быть можетъ, еще не пришло и время, но извѣстный уже матеріалъ представляетъ все-таки достаточно данныхъ, для того, чтобы нарисовать картину тогдашняго общества приблизительно вѣрную, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ; и намъ кажется, что подобная работа вполнѣ своевременна и желательна, потому что многіе, писавшіе по исторіи XVIII вѣка, касались тогдашняго общества, сдѣлали уже нѣсколько характеристикъ его, къ сожалѣнію, не вполнѣ удовлетворительныхъ. Правда, главнѣйшая причина этой неудовлетворительности заключается прежде всего въ самыхъ свойствахъ задачи, въ обиліи и разнообразіи матеріаловъ и въ отсутствіи критической обработки ихъ, въ невыработанности методовъ ихъ изученія; но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что характеристики эти часто предпринимались съ какими-нибудь заранѣе поставленными цѣлями, находившимися внѣ задачи изученія самаго быта дворянъ XVIII вѣка: или хотѣли указать причину сатирическаго направленія журналовъ того времени, или ярче освѣтить положеніе крѣпостныхъ, или указать причины и поводы Пугачевскаго бунта и т. п. Конечно, никакъ нельзя возставать противъ стремленія объяснять что-либо историческимъ изученіемъ, и должно, напротивъ, признать положительную обязательность такого направленія; но нельзя не замѣтить, что при этомъ весьма легко впасть въ крайность, перейдти законные предѣлы его приложенія, что мы дѣйствительно нерѣдко и видимъ: изслѣдователи, коснувшись вопросовъ, недостаточно еще изслѣдованныхъ, обыкно-

венно уклоняются отъ строгой объективности и вмѣсто того, чтобъ изслѣдовать и раскрыть тогдашнія, своеобразныя условія и отыскивать связь и зависимость между ними и вліяніе извѣстныхъ факторовъ, навязываютъ прошлому эту связь; вмѣсто того, чтобы объективно изучить тогдашнее отношеніе разныхъ факторовъ и признать ихъ самостоятельную жизнь, самостоятельныя и своеобразныя ихъ отношенія, отличныя отъ обычныхъ для насъ теперь, въ нашихъ условіяхъ,—изслѣдователи придаютъ силу только такимъ указаніямъ, которыя, при обычной намъ обстановкѣ, при условіяхъ современныхъ, а не тогдашнихъ, могутъ дать основаніе для того вывода, который видѣнъ иногда уже какъ ранѣе готовый у автора, и для котораго только подыскиваетъ онъ объясненіе.

Въ нашей ученой литературѣ представили въ послѣднее время характеристики русскаго общества XVIII в. гг. Незеленовъ, В. Семевскій, Дубровинъ и Гольцевъ. Взгляды г. Незеленова сводятся къ слѣдующему [1]: „Это“, говоритъ онъ,—„былъ вѣкъ поразительнаго невѣжества и замѣчательно низкаго уровня нравственности“. Авторъ разъясняетъ, что уровень нравственности нужно опредѣлять прежде всего тѣмъ, какіе нравственные идеалы живутъ въ данное время въ обществѣ, и находитъ, что въ нашемъ обществѣ XVIII в. замѣтно „отсутствіе нравственныхъ идеаловъ, что его нравственные очи были слѣпы, и зло не казалось ему зломъ“; затѣмъ онъ нападаетъ на роскошь, на продажность и недобросовѣстность судей и особенно на жестокое отношеніе къ крестьянамъ, при чемъ считаетъ даже, что было не мало людей „подобныхъ“ Салтычихѣ; младшую сестру ея онъ видитъ въ г-жѣ Простаковой. „Въ общемъ“, говоритъ г. Незеленовъ,—„картина будетъ весьма непривлекательная; предъ нами поразительно невѣжественное и грубое общество, лишенное руководящаго свѣта нравственныхъ идеаловъ, предается разгулу животныхъ страстей. Внѣшній, мишурный блескъ принимаетъ оно за блескъ красоты и увлекается имъ. Для утоленія жажды чувственныхъ наслажденій оно приноситъ въ жертву честь и совѣсть; казнокрадство, взяточничество и безумное угнетеніе народа служатъ обильнымъ источникомъ средствъ для разгульной жизни; изъ этихъ источниковъ черпаютъ совершенно легкомысленно, не думая, что они могутъ изсякнуть. Въ противоположность

---

[1]) *Незеленовъ*. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785. С.-Пб. 1875, 1, 16, 68, 77, 119.

веселому разгулу общества, народъ изнемогаетъ подъ тяжестью гнета и доходитъ порой до отчаянья, до пугачевщины, грозящей цѣлости государства". Немного далѣе авторъ находитъ человѣка XVIII вѣка „сорвавшимся со всякихъ нравственныхъ основъ, отупѣвшимъ въ развратѣ"; въ тогдашнемъ обществѣ г. Незеленовъ видитъ сходство съ обществомъ временъ паденія Римской имперіи, но почему-то заключаетъ, что „развратъ русскаго общества екатерининскаго вѣка не имѣлъ такого грознаго значенія". Г. Семевскій, въ своемъ изслѣдованіи „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II", коснувшись дворянства весьма слегка и говоря только объ отношеніяхъ его къ крестьянамъ, и то преимущественно по уголовнымъ дѣламъ архивовъ, высказываетъ такое обобщеніе [1]): „Мы невольно поражаемся умственнымъ и нравственнымъ убожествомъ господствующаго сословія. Въ нравственномъ отношеніи они гораздо ниже тѣхъ, надъ кѣмъ имъ приходится властвовать, въ умственномъ—нисколько не выше ихъ.... Въ этой атмосферѣ, пропитанной невѣжествомъ, самодурствомъ и развратомъ, росли и дѣти". Болѣе подробно останавливается на томъ же вопросѣ г. Дубровинъ. Въ четырехъ главахъ перваго тома своего труда „Пугачевъ и его сообщники", посвященныхъ характеристикѣ тогдашняго общества [2]), онъ рисуетъ всѣ недостатки, иногда даже уродливости тогдашняго воспитанія, увлеченіе наружнымъ лоскомъ и пристрастіе ко всему французскому, яркими красками описываетъ паденіе семейнаго начала. „Сластолюбіе разливалось повсюду и волокитство было общимъ развлеченіемъ и цѣлью жизни", говоритъ онъ.— „Молодой человѣкъ погрязалъ въ пустотѣ праздной и безцѣльной жизни. Онъ жилъ минутой, изо дня въ день и ничѣмъ, кромѣ чувственныхъ наслажденій, не увлекался. Хорошо поѣсть, разсѣять скуку шатаніемъ изъ дома въ домъ, поиграть въ карты, посплетничать—вотъ вся цѣль, которую суждено было ему преслѣдовать". Затѣмъ г. Дубровинъ подробно, говоря преимущественно о Потемкинѣ, Безбородкѣ, Орловыхъ, Зубовѣ и другихъ, занимавшихъ первыя мѣста въ тогдашней аристократіи, разказываетъ о роскоши жизни того времени: „Вино и званые обѣды заполняли пустую и праздную жизнь испорченнаго вѣка", узнаемъ мы; не мало страницъ удѣ-

---

[1]) *В. Семевскій*. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, С.-Пб. 1881, 159—212, особ. 188—189.

[2]) *Дубровинъ*. Пугачевъ и его сообщники. С.-Пб. 1884, т. I, 273—369; особ. 286, 288, 295.

лено и тутъ описанію взяточничества, безпорядковъ въ дѣлахъ и жестокаго отношенія къ крестьянамъ. Наконецъ, въ книгѣ г. Гольцева: „Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка“ 18 страницъ отведено характеристикѣ нравовъ въ царствованіе Екатерины II [1]). Упомянувъ, что „пр. Градовскій говоритъ, что созданіе нашей общественности справедливо приписывается Екатеринѣ, а г. Кобеко настаиваетъ на темной сторонѣ царствованія“, г. Гольцевъ указываетъ на испорченность двора, на его роскошь, на паденіе семейнаго начала и пустоту общественной жизни, при чемъ повторяются указанныя выше слова гг. Семевскаго и Дубровина; авторъ находитъ также, что дворъ „отличался жестокостью и цинизмомъ“, и что „просвѣщенія придворный людъ не долюбливалъ“.

Вотъ какимъ изображается намъ русское общество всего какихъ-нибудь сто лѣтъ тому назадъ. Я привелъ только общіе отзывы, обобщенія упомянутыхъ авторовъ, не касаясь многихъ отдѣльныхъ, частныхъ случаевъ, указываемыхъ ими какъ основанія для такихъ заключеній; если же собрать вмѣстѣ всѣ эти случаи, то предъ нами явилось бы общество не людей, а какихъ-то особенныхъ существъ, соединяющихъ грубость и умственную тупость животнаго со всѣми видами разврата, существъ, вся цѣль жизни которыхъ сдѣлать какъ можно больше зла и другимъ, и самимъ себѣ, и современникамъ, и потомкамъ; и еслибы мы повѣрили, что большинство, масса тогдашняго общества были таковы, какими ихъ намъ рисуютъ указанные писатели, то не нашли бы въ своихъ предкахъ ни одной положительной черты, ничего, что̀ могло бы дать хоть надежду на возможность улучшенія, движенія впередъ, не нашли бы ничего, изъ чего могло бы развиться что-либо хорошее, жизненное; мы невольно остановились бы предъ вопросомъ: когда же, въ какую эпоху и какимъ образомъ въ теченіе ста только лѣтъ явились у насъ въ Россіи хоть порядочные люди—не говоря уже о замѣчательныхъ—изъ этого стада животныхъ? Что̀ составляло содержаніе тогдашней умственной жизни, чѣмъ жили тогдашніе русскіе люди, и неужели государство можетъ существовать, если все интеллигентное общество живетъ лишь зваными обѣдами и волокитствомъ? А вѣдь были же у насъ потомъ и великіе писатели, и знаменитые ученые, и замѣчательные общественные и государственные дѣятели. Откуда же

[1]) *В. Гольцевъ*. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII. М. 1886, 55—73, особ. 55, 61, 122.

они взялись, какъ выросли, кѣмъ и на чемъ воспитаны? Если только не вернуться къ такому научному анахронизму, какъ культъ героевъ, если только признавать, что исторію создаютъ не одни выдающіяся личности, что общественныя явленія въ жизни каждаго народа тѣсно связаны между собою, то можно заранѣе утверждать, что безъ какого-нибудь чуда изъ того общества, изъ той обстановки, при томъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ, какія намъ рисуютъ въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, ничего хорошаго, не только замѣчательнаго, великаго выйдти не могло. Однако, и государство существуетъ, и общество проявляло много разъ замѣчательныя силы, и было въ немъ не мало замѣчательныхъ людей на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Отсюда прямой выводъ: намъ невѣрно рисуютъ русское общество XVIII вѣка. И дѣйствительно, были уже и у насъ высказаны взгляды на общество и общественную жизнь конца XVIII вѣка, совершенно расходящіеся съ приведенными выше, такъ что, слѣдовательно, тѣ взгляды никакъ не должно считать за установленные въ наукѣ, и авторы ихъ не доказали невозможности, неосновательности иного взгляда. Наиболѣе авторитетно тутъ замѣчаніе графа Л. Н. Толстого, который, какъ самъ онъ пишетъ, изучалъ конецъ XVIII и начало XIX вѣка весьма тщательно по первымъ источникамъ, и объ исторической вѣрности великой эпопеи котораго, кромѣ ея жизненной правды, свидѣтельствуетъ еще и извѣстный ученый спеціалистъ Ал. Н. Поповъ, говорившій, что постоянно справлялся съ книгой „Война и Миръ", когда писалъ свое изслѣдованіе о 1812 годѣ. Вотъ что говоритъ гр. Толстой, отвѣчая на нѣкоторыя замѣчанія критики въ статьѣ: „Нѣсколько словъ по поводу книги „Война и Миръ" [1]): „Характеръ времени, какъ мнѣ выражали нѣкоторые читатели при появленіи въ печати первой части, не достаточно опредѣленъ въ моемъ сочиненіи. На этотъ упрекъ я имѣю возразить слѣдующее: Я знаю, въ чемъ состоитъ тотъ характеръ времени, котораго не находятъ въ моемъ романѣ,—это ужасы крѣпостнаго права, закладываніе женъ въ стѣны, сѣченіе взрослыхъ сыновей, Салтычиха и т. п.; и этотъ характеръ того времени, который живетъ въ нашемъ представленіи,—я не считалъ вѣрнымъ и не желалъ выразить. Изучая письма, дневники, преданія, я не находилъ всѣхъ ужасовъ этого буйства въ большей степени, чѣмъ нахожу ихъ теперь или когда-либо. Въ тѣ времена также

---

[1]) *Русскій Архивъ*, 1868 г., ст. 516; статья эта пропущена въ собраніи сочиненій гр. Л. Н. Толстого.

любили, завидовали, искали истины, добродѣтели, увлекались страстями, та же была сложная, умственно-нравственная жизнь, даже иногда болѣе утонченная, чѣмъ теперь въ высшемъ сословіи. Ежели въ понятіи нашемъ составилось мнѣніе о характерѣ своевольства и грубой силы того времени, то только оттого, что въ преданіяхъ, запискахъ, повѣстяхъ и романахъ до насъ доходили только выступающіе случаи насилія и буйства. Заключать о томъ, что преобладающій характеръ того времени было буйство — также несправедливо, какъ несправедливо заключилъ бы человѣкъ, изъ-за горы видящій однѣ макушки деревъ, что въ мѣстности этой ничего нѣтъ, кромѣ деревьевъ. Есть характеръ того времени (какъ и характеръ каждой эпохи), вытекающій изъ бо́льшей отчужденности высшаго круга отъ другихъ сословій, изъ царствовавшей философіи, изъ особенностей воспитанія, изъ привычки употреблять французскій языкъ и т. п. и этотъ характеръ я старался, сколько умѣлъ, выразить". Затѣмъ, Лонгиновъ, не говоря въ подробностяхъ объ обществѣ XVIII вѣка, прекрасно очерчиваетъ его въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: „Новиковъ и московскіе мартинисты" [1]), когда рисуетъ всю дѣятельность Новикова не какъ какую-то получудесную, исключительную, стоящую въ противорѣчіи съ жизнью, не какъ борьбу одного человѣка среди господствующаго разврата, невѣжества, жестокости, цинизма, а можно сказать, какъ общественную эпопею. Разказывая просто, безъ всякихъ подчеркиваній, описывая факты во всей подробности, онъ даетъ читателю ясное представленіе, что̀ это была общественная дѣятельность, въ которой принимала участіе масса лицъ, притомъ не сосредоточивавшихся исключительно въ Москвѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Новикова и Шварца, а жившихъ по разнымъ мѣстамъ и городамъ Россіи; Новиковъ, этотъ человѣкъ, дѣйствительно, необыкновенно высокой нравственности, честный, талантливый и энергичный двигатель истиннаго просвѣщенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, человѣкъ, по истинѣ достойный быть предметомъ народной гордости, Новиковъ, какъ ясно видно изъ книги Лонгинова, не стоялъ совершенно особнякомъ, а находилъ массу лицъ, ему сочувствовавшихъ, его поддерживавшихъ очень дѣятельно, даже самоотверженно, лицъ, которыхъ онъ самъ глубоко уважалъ; одна сумма долговъ Новикова — приблизительно до четырехъ

---

[1]) Новиковъ и московскіе мартинисты. Изслѣдованіе *М. Н. Лонгинова.* М. 1867.

или пяти милліоновъ рублей на наши деньги — доказываетъ, что въ его дѣятельности принимало участіе множество другихъ лицъ. Наконецъ, не касаются прямо общества XVIII вѣка заключительныя замѣчанія кн. П. А. Вяземскаго, въ его чрезвычайно интересной книгѣ „Фонъ-Визинъ", но ихъ очень не мѣшаетъ вспомнить послѣ того, какъ мы указали изображеніе нравовъ XVIII вѣка въ трудахъ гг. Незеленова, В. Семевскаго, Дубровина и Гольцева. Вотъ что̀ говоритъ кн. Вяземскій, постоянно обращаясь къ своимъ противникамъ даже во второмъ лицѣ, начиная полемику съ молодыми, слишкомъ падкими на новое въ литературѣ и мало цѣнящими великія созданія прошлаго, а затѣмъ обращаясь и вообще къ людямъ, слишкомъ жаждущимъ новаго, слишкомъ гордящимся умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ настоящаго и слишкомъ отрицательно относящимся къ прошлому [1]): „Избави Боже отказываться отъ прошлаго, отрекаться отъ преданій, отъ наслѣдства, завѣщаннаго предшественниками. Напротивъ, въ нихъ видятъ они („истинные просвѣтители и двигатели") пособіе для нынѣшняго дня, на нихъ основываютъ надежды завтрашняго... Разумѣется, время идетъ; но если оно идетъ нынѣ, то оно шло и прежде. Или предполагать, что оно получило способность ходить только съ той поры, какъ вы стали на ноги? Идетъ оно, можетъ быть, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ вѣкомъ скорѣе и успѣшнѣе, не спорю, но именно оттого, что заимствуетъ себѣ вспомогательныя, переносныя силы отъ прошедшаго, которое сводится и сосредоточивается въ немъ. Отнимите эти наслѣдственныя силы, разорвите цѣпь послѣдствій и преданій, и время, или успѣхи его, то-есть, время въ духовномъ значеніи своемъ, закоснѣетъ и придетъ въ совершенный застой. Только у необразованныхъ, дикихъ людей нѣтъ прошедшаго. Для нихъ вѣкъ мой, день мой. Ниспровергая, ломая все прошедшее на сквозь, какъ уже отжившее и ненужное, вы сами, не догадываясь о томъ, обращаетесь къ первобытной дикости... Не только въ области наукъ и искусства, но и въ самой политикѣ, только тѣ перевороты благонадежны и плодотворны, которые постепенны и необходимы. Главное условіе прочности ихъ есть то, чтобъ они развивались изъ нѣдръ прошедшаго, изъ святыни народной, изъ хранилища исторіи и опыта. Не говорятъ вамъ: сидите на мѣстѣ, но говорятъ: не пускайтесь въ путь безъ запасовъ, не сооб-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій кн. *П. А. Вяземскаго*, т. V. С.-Пб. 1880, стр. 192—194.

ражаясь съ путемъ, который перешли до васъ трудолюбивые и усердные подвижники. Разумѣется, время идетъ, разумѣется, просвѣщеніе продирается нетерпѣливо все впередъ и впередъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что необходимо каждые десять лѣтъ выбрасывать все старое и до-чиста заводиться новыми понятіями, новымъ языкомъ, новыми великими людьми... Никакое поколѣніе не подкидышъ, или случайный выскочка на распутіи человѣческаго рода. Какъ ни значительны, какъ ни велики дѣянія котораго-нибудь изъ нихъ, какъ съ перваго впечатлѣнія ни ослѣпляй они своею изумительною нечаянностью—а опытный и зоркій взглядъ отыщетъ въ нихъ непримѣтную для толпы связь, соотвѣтствіе, родство съ предыдущимъ. Каждое поколѣніе, каждый вѣкъ есть сынъ и внукъ своихъ предшественниковъ. Святая заповѣдь: „чти отца своего и матерь и долголѣтенъ будешь на землѣ" можетъ примѣняема быть и къ народамъ, и къ представителямъ ихъ на разныхъ поприщахъ гражданственности и просвѣщенія. Горе народу, не почитающему старины своей! Горе поколѣнію, отвергающему завѣты родоначальника своего! Горе писателямъ, которые самонадѣянно предаютъ забвенію и поруганію дѣла доблестныхъ отцовъ. Ни тѣмъ, ни другимъ не бывать долголѣтними на землѣ!"

Вотъ что̀ высказано, съ другой стороны, о нашемъ обществѣ XVIII вѣка и по поводу отрицательнаго къ нему отношенія. Въ свою очередь мы не можемъ не сказать, что, по нашему глубокому убѣжденію, истина если не прямо совпадаетъ со словами гр. Толстаго, то всего ближе къ нимъ. Въ слѣдующихъ главахъ, при изложеніи того, что̀ представлялось намъ какъ общее въ ту эпоху, какъ характеризующее ее, на основаніи изученія всѣхъ источниковъ для избраннаго вопроса, намъ вовсе не придется отмѣчать особыхъ фактовъ разврата, жестокости и т. п., потому что мы встрѣчали ихъ слишкомъ рѣдко и особнякомъ, чтобы признать ихъ господствующими; они выступали предъ нами на общемъ фонѣ рисуемаго тѣмъ или другимъ свидѣтелемъ общества, какъ факты исключительные, единичные, рѣдкіе, самими современниками отмѣчаемые именно потому, что они необыкновенны, иногда даже какъ преступленія, подобно тому какъ и теперь, по любой большой газетѣ за десять, пятнадцать лѣтъ можно указать не мало возмутительныхъ фактовъ и грубости, и жестокости, и безчестности, которыми, однако, никакой безпристрастный человѣкъ не станетъ характеризовать наше время, потому что они вовсе не господствуютъ теперь, а указываютъ лишь

отрицательныя стороны, тогда какъ характеристика непремѣнно должна изобразить стороны положительныя. Чтò же даетъ намъ право дѣлать такую жестокую несправедливость относительно людей, давно уже умершихъ?

Но разсмотримъ ближе, откуда и какъ явилось это, сколько мрачное, почти столько же и невѣрное изображеніе русскаго общества XVIII вѣка.

Изъ обнародованныхъ доселѣ матеріаловъ для изученія общества XVIII вѣка первое мѣсто, по количеству сообщаемыхъ свѣдѣній и по важности ихъ, занимаютъ мемуары, записки и воспоминанія современниковъ; затѣмъ, чрезвычайно важные выводы для характеристики общества можно, конечно, извлечь изъ изученія нашей тогдашней литературы; но намъ кажется, что доселѣ при изученіи и того, и другаго источника въ нашей ученой литературѣ шли не тѣмъ путемъ, какимъ можно придти къ болѣе правильнымъ выводамъ; съ своей стороны мы попытаемся указать, какъ, по нашему мнѣнію, надобно пользоваться мемуарами и другими подобными памятниками и данными изъ литературы XVIII вѣка, чтобы воспроизвести болѣе вѣрную картину тогдашняго общества.

Первою и главною ошибкою большинства изображеній общественной жизни въ XVIII вѣкѣ слѣдуетъ признать невѣрное опредѣленіе того, чтò должно быть принимаемо за характерное для той эпохи. Въ нашей исторической наукѣ примѣняется обыкновенно совершенно невѣрный методъ изученія исторіи общества. Еще такъ недавно привелось намъ встрѣтиться со слѣдующею формулировкой его въ сочиненіи г. Голицева „Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка“: „Характеризуя нравы даннаго общества, можно принять случайное за обычное, а иной разъ впасть въ противоположную ошибку. Числомъ собранныхъ фактовъ подобной ошибки устранить не возможно, потому что въ такомъ случаѣ необходимо было бы сосчитать всѣ факты и опредѣлить, за какимъ явленіемъ стоитъ ихъ большинство. Такой пріемъ не возможенъ и теперь, при сильномъ распространеніи и точныхъ способахъ метода статистическаго; про времена давно прошедшія, стало быть, нечего и говорить. Вывести изъ затрудненія при этихъ условіяхъ могутъ лишь косвенныя соображенія и доказательства отъ противнаго: если какое-либо явленіе отмѣчается современникомъ, какъ необычное, то это свидѣтельство драгоцѣннѣе тысячи фактовъ, о которыхъ мы не имѣемъ никакого своевременнаго отзыва. Само собою разумѣется, что требуется провѣрка показаній самого со-

временника и ихъ сопоставленіе съ другими источниками" [1]). Примѣненіе этого метода въ формахъ болѣе или менѣе рѣзкихъ создало тотъ слишкомъ мрачный образъ XVIII в., который до сихъ поръ почти господствуетъ у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ почти трудахъ по исторіи того времени на все общество распространяется значеніе отдѣльныхъ, отмѣчаемыхъ современниками темныхъ, иногда даже ужасныхъ и возмутительныхъ фактовъ; провѣрка этихъ фактовъ бываетъ часто или не возможна, или даже и излишня: фактъ, дѣйствительно, едва ли былъ выдуманъ свидѣтелемъ. Сопоставленіе съ другими источниками состоитъ обыкновенно въ томъ, что изъ другаго источника приводятъ факты подобные же, и при этомъ совершенно не останавливаютъ своего вниманія на томъ фонѣ, на которомъ сами современники рисуютъ эти факты. Но притомъ забываютъ, что пока мы собираемъ лишь отдѣльные факты, хотя бы и въ очень большомъ количествѣ, а не обратимся къ изученію тѣхъ современныхъ свидѣтельствъ, которыя въ немногихъ словахъ сообщаютъ намъ результаты и впечатлѣнія массы наблюденій, и которыя, высказываемыя совершенно спокойно, хладнокровно, иногда даже мимоходомъ, рисуютъ намъ именно то, что̀ преимущественно окружало автора, что̀ было для него совершенно обычно,—до тѣхъ поръ никакого вывода научнаго, близкаго къ истинѣ сдѣлать нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же обществѣ встрѣчаются совершенно противоположные факты, самими современниками отмѣчаемые, какъ особенные, выдающіеся, такъ что на всякій фактъ дурной можно привести и противоположный ему хорошій; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ разныя времена повторяются одинаковые въ общихъ чертахъ факты грубости, разврата, неумѣренной роскоши, продажности и т. д. такъ что если ими характеризовать эпохи, то не только характеристика одной и той же эпохи будетъ всегда заключать много несогласимыхъ противорѣчій, но и характеристики эпохъ совершенно различныхъ будутъ имѣть очень много общаго, сходнаго, и въ теченіе длиннаго періода времени въ общественной жизни окажется столь незначительное движеніе къ лучшему, что рѣшительно не будетъ возможности указать, когда же образовалась та огромная разница, которая ясна между обществомъ нашего времени и тѣмъ обществомъ XVIII, напримѣръ, вѣка, какое рисуютъ намъ, идя въ изученіи источниковъ такимъ путемъ. Затѣмъ, едва ли можно оспаривать, что

---

[1]) *В. Гольцевъ.* Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в. 8—9.

отдѣльные рѣзкіе факты могутъ быть вѣрно поняты и правильно оцѣнены лишь на общемъ фонѣ своей эпохи, что одинъ и тотъ же фактъ можетъ въ исторіи одной эпохи являться признакомъ грубости, испорченности, даже косности, а въ другую эпоху или у другаго народа указывать замѣтное, можетъ быть, даже очень большое, движеніе впередъ,—тогда, конечно, оцѣнка такого факта не можетъ быть въ обоихъ случаяхъ одинакова; такое замѣчаніе, конечно, не нуждается въ примѣрахъ или доказательствахъ и не можетъ быть даже названо парадоксомъ; оно также подтверждаетъ мысль о необходимости изучать самый фонъ, рисуемый въ томъ или другомъ источникѣ; характеристика же эпохи по однимъ выдающимся рѣзкимъ фактамъ, только распространяя главную черту этого факта на все остальное общество, есть способъ на столько очевидно неправильный, что съ трудомъ вѣрится въ возможность широкаго его приложенія; но какъ это ни покажется страннымъ, нельзя не отмѣтить, что, напримѣръ, г. Незеленовъ въ своей характеристикѣ нравовъ XVIII вѣка только разъ, и то по самому частному случаю, цитуетъ записки Болотова, этотъ фундаментальнѣйшій источникъ для исторіи русскаго общества XVIII в. [1]), а наибольшее число своихъ заключеній основываетъ на письмахъ посланниковъ, на анекдотахъ Карабанова и т. п., а соотвѣтственно этому и изъ записокъ Державина, Добрынина, Энгельгардта и другихъ, которыми пользуется, онъ заимствуетъ не то, о чемъ авторы разказываютъ и что̀ описываютъ совершенно хладнокровно, какъ обычное для нихъ, слѣдовательно, окружавшее ихъ въ большинствѣ случаевъ, а лишь отдѣльные факты, наиболѣе рѣзкіе, при чемъ вовсе не обращаетъ вниманія на отношеніе автора къ нимъ, хотя это отношеніе можетъ гораздо вѣрнѣе охарактеризовать понятія и взгляды того времени, чѣмъ отдѣльный рѣзкій фактъ. Г. Незеленовъ, напримѣръ, указываетъ назначеніе епископомъ Аѳанасія Вальховскаго и поведеніе епископа Кирилла Флоринскаго (о чемъ и мы скажемъ нѣсколько ниже), но онъ совершенно не обращаетъ вниманія на то, что Добрынинъ, разказывающій объ этомъ какъ замѣчательный юмористъ, едва ли безъ нѣкоторыхъ прикрасъ, притомъ говоритъ: „Тутъ рождается вопросъ: какъ это могло статься, чтобъ въ царствованіе Екатерины Великой былъ архіерей безграмотный?“ А изъ этихъ словъ ясно видно, что прочіе іерархи, масса ихъ не были такъ

[1]) Н. П. Новиковъ, издатель журналовъ, 39.

невѣжественны. Точно также и разказы о Кириллѣ Флоринскомъ, приведенные отдѣльно, даютъ совершенно не то представленіе о тогдашнемъ духовенствѣ вообще, какое получается, если остановить вниманіе на отношеніи къ Кириллу другихъ духовныхъ лицъ. Ясно, кажется, какъ надо пользоваться этими указаніями для исторіи, а не для собранія анекдотовъ. Между тѣмъ у г. Незеленова они взяты именно отдѣльно, и по такому же методу построены всѣ его выводы [1]). Особенно ярко выступаетъ недостатокъ этотъ у г. Гольцева, который всѣ свои характеристики сплошь строитъ именно такимъ путемъ; кромѣ того, что онъ заимствуетъ и указанныя сейчасъ ошибки г. Незеленова, онъ изъ записокъ Болотова (которыми тоже пользуется очень мало, потому что Болотовъ сравнительно рѣдко разказываетъ факты выдающіеся, а предоставляетъ самимъ изслѣдователямъ дѣлать выводы изъ его простыхъ и подробныхъ повѣствованій о всемъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ) приводитъ, какъ характеристику дворянскихъ съѣздовъ, слѣдующія слова: „пьянство, буянство, собираніе бабъ, скачка, пляска и всякія гадости и безпутства"; между тѣмъ тутъ Болотовъ разказываетъ случай совершенно исключительный и именно какъ таковой. Нельзя не удивляться, какъ г. Гольцевъ, замѣтившій въ запискахъ Болотова это мѣсто, едва ли не единственное у него въ этомъ родѣ, просмотрѣлъ десятки, даже можно сказать, сотни мѣстъ, гдѣ Болотовъ рисуетъ намъ дворянскіе съѣзды, занятія и интересы помѣщиковъ совершенно въ другомъ свѣтѣ [2]). В. И. Семевскій приводитъ довольно много (около двадцати пяти или тридцати) фактовъ для подтвержденія своей мысли о жестокости отношеній къ крестьянамъ и о низкомъ вообще уровнѣ нравственнаго и умственнаго развитія дворянъ, но, повторяю еще разъ, что во всѣхъ памятникахъ XVIII вѣка, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, указанія на такую жестокость и буйство мы встрѣчаемъ очень рѣдко; помимо даже того, что каждыя записки, мемуары, которые мы прочитываемъ въ недѣлю, рисуютъ намъ то, что̀ видѣлъ и узналъ авторъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ жизни

---

[1]) Новиковъ, издатель журналовъ, 4—5; Аѳанасій Вальховскій получилъ епископскую каѳедру потому, что мать графа А. А. Безбородко требовала у сына каѳедры для этого Аѳанасія, своего бывшаго духовника, угрожая иначе даже проклятіемъ; *Добрынинъ*, Истинное повѣствованіе, *Р. Старина*, т. IV, 308; т. III, 150 и др.

[2]) *В. Гольцевъ*. Законодательство и нравы, 64; *Болотовъ*. Жизнь и приключенія. С.-Пб. 1870—1873, IV, 61.

и въ сношеніяхъ съ сотнями людей; я положительно утверждаю, что рядомъ со взглядомъ, что крестьянъ можно и даже должно наказывать, если они провинятся, въ умахъ тогдашнихъ людей никогда не было представленія, что мучить крестьянъ ничего не значитъ, что они почти не люди; напомню здѣсь, что еще профессоръ Романовичъ-Славатинскій, поставившій даже эпиграфомъ своей исторіи дворянства, которой все-таки нельзя отказать въ значительной объективности, слѣдующія слова: „ненадобно взводить на древнихъ русскихъ людей обвиненія почти бездоказательныя; и безъ того въ нихъ было много жестокости и варварства", говоритъ однако: „Бѣдствія положенія крѣпостныхъ крестьянъ не могутъ быть вмѣнены цѣлому сословію. Кто не знаетъ тѣхъ помѣщиковъ, которые радѣли о своихъ крѣпостныхъ какъ о собственной семьѣ, для которыхъ продовольствіе крѣпостныхъ было святою обязанностью, самымъ честнымъ образомъ ими исполняемой? Народъ, по крайней мѣрѣ, зналъ такихъ помѣщиковъ и сложилъ про нихъ поговорку: „не станетъ хлѣба—баринъ дастъ". Народъ любилъ такихъ помѣщиковъ и не радъ былъ даже отмѣнѣ крѣпостнаго права, прекращавшаго исконную связь съ батюшкой-бариномъ. Такіе помѣщики особенно часто встрѣчались въ Великой Россіи; менѣе знала ихъ Малороссія, помѣщичій классъ которой подлежалъ въ своемъ историческомъ образованіи вліянію польскихъ шляхетскихъ началъ" [1]). Главный источникъ, говорящій о такихъ дѣлахъ,—уголовныя дѣла; злоупотребленія, конечно, были, и при существовавшемъ тогда порядкѣ даже не могло ихъ не быть; но едва ли можетъ быть по два отвѣта на каждый изъ двухъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) чѣмъ надо характеризовать тогдашнее общество—Салтычихой ли и княгинею Козловскою, или тѣмъ, что подобные и даже гораздо болѣе слабые ужасы были преслѣдуемы закономъ и правительствомъ и вызывали общее негодованіе всѣхъ, кто слышалъ о нихъ; и 2) можно ли дѣлать характеристику сословія по уголовнымъ дѣламъ вообще, а особенно для сравненія его съ другими, когда эти другія сословія не изучаются съ этой новой точки зрѣнія?

Повторяю, совершенно невѣрное въ большинствѣ случаевъ опредѣленіе того, что должно быть считаемо господствовавшимъ и характернымъ, было первою причиною невѣрнаго, слишкомъ

---

[1]) *Романовичъ-Славатинскій*. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостнаго права. С.-Пб. 1870, 331.

мрачнаго изображенія тогдашняго русскаго общества. Поэтому я считаю особенно нужнымъ указать, что наибольшее вниманіе при изученіи исторіи общества надо обращать на тотъ фонъ, на которомъ выступаютъ выдающіеся факты, обыкновенно останавливающіе вниманіе изслѣдователей, потому что именно этотъ-то фонъ и будетъ изображать наиболѣе обычное, то-есть, именно то, что̀ и нужно изучать и изслѣдовать преимущественно, если изучать жизнь общества, ставить себѣ цѣли болѣе общія, широкія; вѣдь не все то характеризуетъ эпоху, что̀ поразительно, необыкновенно; характеризуютъ ее то, что̀ повторялось въ теченіе ея наиболѣе часто или очень часто при самомъ обычномъ теченіи жизни, что̀ было въ свое время совершенно естественнымъ, нормальнымъ, но потомъ, въ силу измѣненія обстоятельствъ, стало встрѣчаться рѣже, или вовсе не встрѣчается болѣе, или встрѣчается въ измѣненныхъ формахъ. Я вовсе не отрицаю, что можно приводить для характеристики и отдѣльные, рѣзкіе факты, но—лишь тогда, когда тщательное изученіе общаго характера явленій избранной эпохи дастъ возможность съ увѣренностью сказать, что именно приводимый фактъ выражаетъ съ наибольшею яркостью то, что̀ было господствующимъ, подобно тому, какъ близкое знакомство съ современною жизнью своего отечества даетъ намъ возможность отмѣчать отдѣльные характерные факты, а напримѣръ, отдѣльные факты, отмѣчаемые иными путешественниками относительно странъ, мало имъ извѣстныхъ, часто указываютъ несущественныя стороны и невѣрно освѣщаютъ описываемую землю. Чтобы правильно изобразить общій, господствующій и отличительный характеръ эпохи, необходимо придавать наибольшее значеніе описаніямъ, а не восклицаніямъ современниковъ: описанія, повѣствованія гораздо чаще бываютъ безпристрастны; въ нихъ иногда, даже противъ воли и безъ сознанія автора, прорываются интересныя указанія на современное общество, его понятія, а всякія восклицанія, особенныя указанія и отмѣтки очень часто бываютъ сдѣланы подъ вліяніемъ возбужденія. Можно еще при этомъ замѣтить, что, по самому свойству человѣческой натуры, естественно ожидать больше восклицаній и яркихъ характеристикъ, усиливающихъ дурныя, темныя стороны, чѣмъ хорошія, похвальныя, потому что, исключая случаи, гдѣ замѣшанъ—въ ту или другую сторону—личный интересъ свидѣтеля, человѣкъ гораздо легче можетъ быть доведенъ гнѣвомъ или неудовольствіемъ до пристрастно строгаго приговора, нежели чѣмъ-нибудь пріятнымъ—до приговора пристрастно благосклоннаго;

Кромѣ того, если гдѣ-либо, то конечно, тутъ имѣетъ значеніе замѣчаніе, что голоса нужно не считать, а взвѣшивать, именно потому, что сосчитать всѣ факты не возможно, а взвѣшиванія-то голосовъ почти и не дѣлалось, и въ существующихъ характеристикахъ общественнаго быта въ XVIII в. гораздо болѣе основываются на свидѣтеляхъ, заслуживающихъ меньшаго довѣрія, но давшихъ много яркихъ фактовъ и рѣзкихъ отзывовъ, чѣмъ на свидѣтеляхъ весьма добросовѣстныхъ, но давшихъ болѣе спокойное изображеніе своего времени.

Второю, не менѣе важною причиною невѣрнаго изображенія общества въ XVIII вѣкѣ должно считать неправильное отношеніе къ даннымъ, представляемымъ тогдашнею литературой, которыми обыкновенно пользуются весьма широко [1]). О русской литературѣ XVIII вѣка, особенно журнальной, можно сказать такъ: если мы станемъ разсматривать ее какъ бытоописательный матеріалъ, то она заслуживаетъ совершенно не той оцѣнки, не той степени довѣрія, какой стóитъ въ томъ случаѣ, если мы станемъ разсматривать ее, какъ выраженіе тогдашняго міросозерцанія, тогдашнихъ идеаловъ. Мы разъяснимъ это замѣчаніе съ первой стороны сейчасъ, съ другой — ниже, говоря объ умственномъ и нравственномъ уровнѣ тогдашняго русскаго общества.

Когда говорятъ о трагедіяхъ, одахъ XVIII вѣка, о личностяхъ въ родѣ, напримѣръ, Дмитрія Самозванца, Стародума, Софьи, то всегда помнятъ, что тогдашняя наша литература была въ значительной степени подвержена вліянію псевдоклассицизма; сущность же этого направленія совершенно вѣрно опредѣлить, какъ преувеличеніе, крайность, какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону; въ ложноклассическихъ произведеніяхъ нѣтъ людей просто хорошихъ и просто дурныхъ, а есть лишь герои и злодѣи; жизнь рисуется не въ простомъ, естественномъ своемъ теченіи, а непремѣнно въ моменты исключительные, въ полномъ развитіи какой-нибудь страсти, поборающей все остальное. Можно спорить, пожалуй, о томъ, въ какой степени такой способъ изложенія мыслей былъ естественнымъ для тогдашнихъ людей, и нѣтъ ли тутъ извѣстной доли дѣланности; но мнѣ кажется, вѣрнѣе признать, что на извѣстной степени развитія и въ извѣст-

---

[1]) Считаю пріятнымъ долгомъ заявить здѣсь искреннюю благодарность Е. И. Якушкину, въ Ярославлѣ, за любезное разрѣшеніе пользоваться его прекраснымъ собраніемъ журналовъ XVIII вѣка, доставать которые вообще такъ трудно.

ныхъ обстоятельствахъ люди совершенно искренно склонны къ чрезвычайнымъ преувеличеніямъ, что чрезвычайно рѣзкія изображенія для нихъ совершенно естественны и даже необходимы. Мысль, что псевдоклассическій характеръ нашей литературы отражалъ господствующій характеръ общественной мысли вообще, уже давно высказывалась въ нашей литературѣ. Н. Н. Страховъ приводитъ очень хорошія соображенія въ доказательство того, что русская лирика XVIII вѣка не была чѣмъ-то дѣланнымъ, а находилась въ тѣснѣйшей, естественной связи съ тогдашнимъ состояніемъ Россіи, съ тѣми сказочными почти успѣхами, которые тогда у насъ были достигнуты во многихъ отношеніяхъ [1]). Князь П. А. Вяземскій еще раньше писалъ: „Если захотѣть найдти непремѣнно господствующую черту нашей литературы, то должно остановиться на поэзіи лирической.... Нѣтъ ничего общаго въ нравственныхъ свойствахъ, въ образованіи, въ частныхъ обстоятельствахъ жизни трехъ нашихъ лириковъ (Ломоносова, Петрова, Державина), но лира ихъ настроена почти на одинъ ладъ. Кажется, слышишь одни и тѣ же звуки, за исключеніемъ особенныхъ переливовъ и оттѣнковъ, которые образуютъ неминуемую принадлежность каждаго самостоятельнаго дарованія.... Царствованіе Екатерины Великой или Великаго, по счастливому выраженію принца де-Линь, должно было служить новымъ и сильнымъ побужденіемъ къ направленію поэзіи нашей, замѣченному выше. Сіе царствованіе громкое, великолѣпное, восторженное, имѣло въ себѣ много лирическаго“ [2]). Проф. Буличъ тоже совершенно основательно указываетъ, что для тогдашней публики нужна была въ большинствѣ случаевъ вывѣска, надпись надъ лицомъ, чтобы лицо это было понято; такою надписью служило часто самое прозвище, а всегда—крайность въ изображеніи избраннаго характера [3]); изъ тогдашней же литературы можно привести дѣйствительно доказательства, что безъ такой надписи иные еще не умѣли разглядѣть типа [4]). Этими замѣчаніями мы хотимъ указать, что и въ тогдашней бытоописательной, сатирической литературѣ, въ зави-

---

[1]) *Н. Н. Страховъ.* Борьба съ западомъ въ русской литературѣ. С.-Пб. 1883, II, статья „Ходъ русской литературы начиная съ Ломоносова“, стр. 12—17.

[2]) Кн. *П. А. Вяземскій.* Полн. собр. сочин. 1880 г., т. V, 5, 6.

[3]) *Н. Буличъ.* Сумароковъ и современная ему критика. С.-Пб. 1854, стр. 161.

[4]) *Свободные часы* 1763 г., 215—216; тутъ разказывается, что петиметръ и красавица были сначала довольны какою-то статьей, а потомъ нѣкто разъяснилъ имъ, что тутъ осмѣяны они сами.

симости отъ общихъ литературныхъ идей вѣка, была значительная доля преувеличенія. Если даже полагать, что такой методъ изложенія есть методъ совершенно искусственно созданный, то странно же въ самомъ дѣлѣ было бы думать, что тогдашніе писатели, принимаясь за оды или трагедіи, настраивали свою мысль, свой слогъ на псевдоклассическій ладъ, а все остальное писали совершенно просто, естественно, независимо отъ псевдоклассическихъ пріемовъ, и что читатели могли съ одинаковымъ интересомъ относиться къ написанному и такъ, и этакъ; что̀, напримѣръ, мы сказали бы, еслибы намъ теперь стали писать нѣчто въ родѣ монологовъ Дмитрія Самозванца (у Сумарокова) или пастушескія идилліи, такъ часто встрѣчающіяся въ тогдашнихъ журналахъ? Сами тогдашніе писатели, ни мало не скрываясь, говорили, что нельзя писать просто того, что̀ видишь: „иные писатели, что видятъ, то и бредятъ; иногда ихъ читаютъ, но никто имъ не отвѣтствуетъ", говоритъ Живописецъ, перечисляя неудачныхъ писателей [1]). Тогда чувства и характеры обыденные, простые считались совершенно не стоющими вниманія; всѣ пѣсенки Сумарокова, пользовавшіяся такимъ успѣхомъ въ свое время, представляютъ для насъ нѣчто чрезвычайно скучное, потому что вполнѣ неестественны, потому что въ нихъ описываются чувства именно пряничныя, какъ говоритъ проф. Буличъ [2]); но эта пряничность чувства есть лишь другой конецъ того направленія, которое даетъ намъ чрезвычайно мрачную картину, какъ только коснется чего-либо дурнаго. Всѣ журналы единодушно ополчились на Лукина, когда онъ сталъ высказывать требованіе, чтобы театральныя пьесы непремѣнно выражали наши нравы [3]); тогдашняя литература вообще, а также и журналы, сами не задавались цѣлью рисовать современные нравы и современную жизнь вполнѣ соотвѣтственно дѣйствительности; г. Незеленовъ замѣчаетъ между прочимъ: „Вѣрность произведенія нравамъ изображаемой жизни не была, кажется, въ глазахъ Новикова особеннымъ достоинствомъ" [4]). Замѣчаніе это совершенно

---

[1]) *Живописецъ*. Еженедѣльное сатирическое сочиненіе на 1774 г. Въ изд. 1793 г., 8. „Подражаніе есть лучшая добродѣтель стихотворцевъ", пишетъ *Курьеръ изъ ада съ письмами, Ѳ. Эмина*. С.-Пб. 1788, въ статьѣ, гдѣ сравниваются Ломоносовъ съ Сумароковымъ, 200—230.

[2]) *Н. Буличъ*. Сумароковъ и современная ему критика, 103, 104, 118.

[3]) Сочиненія В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова. С.-Пб. 1868 г.,—статья *А. Н. Пыпина* „В. И. Лукинъ".

[4]) *Незеленовъ*. Новиковъ, издатель журналовъ, 175.

основательно, и его слѣдуетъ распространить не только на журналы Новикова, но и на всю тогдашнюю литературу; къ сожалѣнію, этого не дѣлаетъ и самъ г. Незеленовъ, цѣликомъ заимствуя изъ литературныхъ произведеній самыя мрачныя картины, будто бы вполнѣ рисующія нравы общества. Тогда не считалось не только необходимымъ, но даже возможнымъ, выпускать акторовъ на сцену въ русскихъ костюмахъ [1]); извѣстно, какія странныя—греческія, латинскія — имена постоянно перемѣшивались тогда съ русскими. Въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ не описывали, не рисовали общественной жизни, а восхваляли или порицали ее, и вообще картины ихъ, несомнѣнно, чрезвычайно преувеличены какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, а потому для изображенія нравовъ должно пользоваться не только тѣмъ, что̀ выставляютъ на первый планъ сами авторы,—это непремѣнно преувеличено согласно тогдашнимъ литературнымъ требованіямъ,—а еще болѣе тѣмъ, что̀ говорится мимоходомъ, на чемъ авторы не сосредоточивали особенно своего вниманія; что̀ у нихъ, такъ сказать, проскальзывало, прорывалось: это скорѣе укажетъ намъ факты дѣйствительной жизни. Трутень прямо заявилъ, что хулятъ все и всѣхъ только вредные люди [2]); слѣдовательно, онъ вовсе не желалъ, чтобы рисуемыя имъ мрачныя картины были распространяемы на все общество; онъ, однако, не всѣми былъ понятъ: И то и сё находило, что онъ изображаетъ дѣйствительность уже слишкомъ черно и подкрашивая такъ, что если ему повѣрить, то нужно будетъ всѣхъ людей возненавидѣть [3]). Поэтому Живописецъ постоянно оттѣняетъ, что порицанія его относятся лишь къ людямъ худымъ, порочнымъ, а не къ хорошимъ, которыхъ у насъ тоже не мало [4]). Курьеръ изъ ада съ письмами и Собесѣдникъ любителей россійскаго слова также прямо признаютъ, что не мало у насъ есть и хорошаго, но что нужно все-таки постоянно нападать на худое, потому что этимъ похваляется хорошее [5]). Изъ Собесѣдника же можно узнать ясно, какъ сильно са-

---

[1]) Письма Пикара къ кн. А. Б. Куракину, *Р. Ст.*, т. II, 131.

[2]) *Трутень* 1769—1770, изд. 3-е, 1865, 18—25.

[3]) *И то и се* 1769, XXVIII л.

[4]) *Живописецъ* 1774 г., по изд. 1793, I, 73, 49—61; II, 34—35 и др.

[5]) *Собесѣдникъ* 1783 г., ч. II; стр. 10: „когда слабости и пороки не будутъ порицаемы, тогда и добродѣтель похваляема быть не можетъ; черезъ познаніе первыхъ послѣдняя познается“. *Курьеръ* 1788 г., стр. 240: „я на то согласенъ, что въ послѣднее счастливое время больше есть справедливыхъ судей, нежели

тира преувеличивала свои картины [1]). Тогдашніе журналы наши колебались между двумя крайностями — либо изображеніями близкими къ портретамъ, либо изображеніями недостатковъ и пороковъ самихъ по себѣ, со всѣми ихъ и возможными, а не только дѣйствительно существующими, проявленіями и слѣдствіями; первое исповѣдуютъ Трутень и Смѣсь, второе — Всякая всячина и потомъ Зритель [2]). Кромѣ того, чуть не у всѣхъ издателей тогдашнихъ журналовъ мы встрѣчаемъ искренній восторгъ предъ своимъ временемъ, сознательную гордость своими успѣхами. Такъ, Новиковъ во „вступленіи“ къ своимъ С.-Петербургскимъ ученымъ вѣдомостямъ 1777 г. пишетъ: „Къ чему Августы въ Римѣ и къ чему Людовики во Франціи приближались вѣками, къ тому премудрая Самодержица наша достигла полутормя десятилѣтіями. Чѣмъ славился древній Египетъ, чѣмъ Греція хвалилась, то все въ Россіи водворяется..... наступили въ Россіи дни златые: цвѣтутъ науки и художества: появляются россійскіе Орфеи, Архимеды, Птоломеи, Плиніи, Ливіи, Апеллесы и Праксители“. Въ Академическихъ извѣстіяхъ 1779 г. читаемъ: „Давно было примѣчено и сказано, что люди настоящимъ недовольны, почему? Потому, что воображеніе превзойдетъ всегда существенность. Понятіе о совершенствѣ и сравненіе сего понятія съ дѣйствительнымъ состояніемъ, каково бы оно выгодно ни было, оставитъ всегда свѣтъ въ неудовольствіи и роптаніи; но къ заключенію сему не приступятъ люди, управляемые разсудкомъ, сравненіе вещей дѣлающіе на обѣ стороны и съ тѣмъ, что бы онѣ быть могли и съ тѣмъ, что онѣ суть и были. Если сіе правило приложить къ

несправедливыхъ“—но все-таки дурныхъ надо порицать; *Аѳанасьевъ* въ своей книгѣ: Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. М. 1859, приводитъ (стр. 242), слѣдующія слова изъ *Всякой всячины* 1769 г.: „Человѣкъ, который съ молодыхъ лѣтъ привыкъ слышать и читать похвалу добродѣтелей и поношеніе пороковъ, несомнѣнно болѣе воздержанія имѣетъ отъ послѣднихъ, и болѣе почтенія къ первымъ, нежели тотъ, который почти различія не знаетъ между пороками и добродѣтелями“.

[1]) *Собесѣдникъ* 1783 г., ч. II,—21, говоритъ, что число бывшихъ въ Парижѣ относится къ числу не бывшихъ какъ тысяча къ одному.

[2]) Полемика по этому вопросу между тремя первыми изданіями изложена у *Аѳанасьева* „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. *Зритель* 1792 г. „Несправедливо ты (читатель) судить станешь, обидишь меня, ежели подумаешь, что я списываю лицо, а не пороки. Тотъ медикъ худо знаетъ свою должность, который но [illegible] горячкою судитъ, что весь міръ боленъ“ и т. д., 51—

нынѣшнему состоянію наукъ и всего общества, то тихій гласъ разума разсыплетъ и уничтожитъ шумный ропотъ на все негодующихъ, и не столько желающихъ лучшаго, сколько не любящихъ настоящаго и тужащихъ о прошедшемъ". Зритель въ 1792 году напечаталъ большую статью, исполненную патріотической гордости, гдѣ между прочимъ говоритъ: „Вся Европа, столица учености и вкуса, противу воли своей во многомъ отдаетъ справедливость Россіи, восхищается добродѣтелями ея, которыхъ внѣ Россіи нѣтъ.... можетъ быть нѣтъ народа, которому уступили бы мы въ дѣяніяхъ славныхъ и нѣтъ народа, который бы менѣе насъ разглашалъ о дѣлахъ своихъ... Россіяне ищутъ добродѣтелей великихъ, а обыкновенныя добродѣтели почитаютъ только долгомъ". Въ такомъ же духѣ не разъ высказывались и другіе журналы [1]; такъ выражались авторы журналовъ, изъ которыхъ считаютъ нужнымъ заимствовать лишь мрачныя картины,— не говорю уже объ одахъ и другихъ подобныхъ произведеніяхъ. Можно ли же согласить подобныя рѣчи съ мрачными и рѣзкими отзывами и встрѣчающимися въ тѣхъ же журналахъ картинами, не предполагая двуличности авторовъ, а этого дѣлать мы не имѣемъ ни малѣйшаго права, потому что среди нихъ стоитъ и Н. И. Новиковъ, и не имѣя въ виду господства въ тогдашней литературѣ—и не сатирической, и сатирической—ложно-классическаго направленія?

Наконецъ, помимо сознательнаго восторга предъ своимъ временемъ и помимо нескрываемаго преувеличенія темныхъ картинъ, мы легко можемъ замѣтить, что часто въ журнальныхъ статьяхъ рисуется фонъ, совершенно отличный отъ тѣхъ отдѣльныхъ фактовъ, которые, къ сожалѣнію, обыкновенно останавливаютъ на себѣ наибольшее вниманіе изслѣдователей, пользующихся этими журналами. Такъ, часто и много говорится тамъ о петиметрахъ, ихъ смѣшномъ поведеніи и пустой жизни; изъ этого торопятся сдѣлать выводъ о господствѣ этого типа въ обществѣ, а между тѣмъ не разъ, вслѣдъ за изображеніемъ какого-нибудь петиметра, авторъ немедленно говоритъ, что не всѣ таковы, какъ онъ, что всѣ надъ нимъ смѣются, его прези-

---

[1]) *С.-Петербургскія ученыя вѣдомости* на 1777 г., Н. И. Новикова; изд. 2-е, *А. Неустроева*. С.-Пб. 1873, 9—12; *Академическія извѣстія*. 1779 г. С.-Пб., 1—3 и далѣе д. 47. *Зритель*. Ежемѣсячное изданіе 1792 г. С.-Пб., 9—26, 163—181, особ. 10, 21, 23. См. также *Вечера*, ежемѣсячное изданіе на 1772 г. Изд. 2-е. М. 1788, 21, 47; *Живописецъ*. Еженед. сатирич. сочиненіе. Изд. 5-е. С.-Пб. 1793, II, 34—35, I, 71—73; *Трудолюбивая пчела*. 1759. С.-Пб., 101-

раютъ [1]). Берутъ часто изъ Трутня отдѣльные его „портреты“ „Безразсудъ“, напримѣръ, достаточно извѣстенъ, а описаніе его заканчивается такими словами: „Прочіе ихъ братья (крестьяне) у помѣщиковъ отцовъ наслаждаются вожделѣннымъ спокойствіемъ, не завидуя никакому въ свѣтѣ счастію, ради того, что опи въ своемъ званіи благополучны; то подумай, какъ должны гнушаться тобою истинные человѣки, человѣки господа, господа отцы своихъ дѣтей, а не тираны своихъ, какъ ты, рабовъ. Они гнушаются тобой яко извергомъ человѣчества, преобращающимъ нужное подчиненіе въ несносное иго рабства“. Какъ фонъ одной изъ темныхъ картинъ рисуетъ Трутень именно хорошее общество [2]). Какія только дурныя качества ни приписывались знатнымъ господамъ со словъ нѣкоторыхъ недовольныхъ ими современниковъ и со словъ журналовъ, а Трутень именно отъ своего лица доказываетъ, что средь нихъ много и очень хорошихъ людей, и что только благодаря очень видному ихъ положенію виднѣе и ихъ недостатки. То же повторяютъ и другіе журналы. Въ Живописцѣ также говорится, что его нападки касаются лишь дворянъ дурныхъ и ни мало не могутъ оскорблять дворянъ истинныхъ сыновъ отечества [3]). Сколько саркастическихъ отзывовъ и потѣшныхъ каррикатуръ на тогдашнее воспитаніе приводится изъ тогдашнихъ журналовъ, а есть изображенія и воспитанія очень хорошаго, и письма отъ разныхъ лицъ (дѣйствительно писанныя разными лицами, а не изложенныя только въ видѣ писемъ, какъ нерѣдко тогда дѣлалось), со здравыми идеями о воспитаніи. Въ одномъ журналѣ говорится, что общество презираетъ того, кто мало заботится о воспитаніи дѣтей [4]); журналъ Вечера упоминаетъ послѣ насмѣшекъ надъ времяпрепровожденіемъ отставныхъ и живущихъ въ деревняхъ дворянъ, что, впрочемъ, многіе изъ нихъ занимаются дѣломъ и приносятъ пользу и честь отечеству [5]). Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много; они ясно, кажется, доказываютъ, особенно вмѣстѣ съ восторженными отзывами о своемъ времени,

---

[1]) *Полезное съ пріятнымъ.* Полумѣсячное упражненіе на 1769 г. С.-Пб., 28—33; *Дѣло отъ бездѣлья,* 1792, I, 19; *Трутень* 1769, 200.

[2]) *Трутень* 1769, 148—149, 42.

[3]) *Трутень* 1769, 194—197; *Живописецъ* 1774, по изд. 1793 г., I, 70—77, 88—89; *Зритель* 1792, 19—202.

[4]) *Полезное съ пріятнымъ* 1769, л. II, 23—28. *Академическія извѣстія* на [illegible]—173. *Собесѣдникъ* 1783, ч. II, 8—10; *Живописецъ,* 49—61.

1772 г., I, 59—60.

что никто изъ тогдашнихъ журнальныхъ сатириковъ не относился къ своему времени вполнѣ отрицательно, хотя всѣ видѣли, конечно, разные недостатки въ обществѣ; писали часто вообще о томъ или другомъ недостаткѣ, безъ ближайшаго отношенія къ дѣйствительности и, въ силу господствовавшаго тогда ложноклассическаго направленія, обыкновенно преувеличивали.

Такой характеръ изображеній быта въ тогдашней литературѣ нельзя не имѣть въ виду, пользуясь картинами журналовъ для изображенія жизни общества; при правильномъ отношеніи къ нимъ мы получаемъ изображенія, весьма близкія къ тому, что̀ намъ даютъ мемуары и записки современниковъ. Но лица, писавшія по исторіи XVIII вѣка, никогда почти не дѣлаютъ ни малѣйшаго различія между фактами жизни, то-есть, находящимися въ мемуарахъ и другихъ подобныхъ источникахъ, и между фактами исторіи литературы, то-есть, словами Трутня, Живописца, сочиненій фонъ-Визина и т. п., совершенно не выдѣляя въ нихъ преувеличенія. Г. Незеленовъ, напримѣръ, какъ будто считаетъ Простакову, Скотинина лицами дѣйствительно существовавшими; онъ по крайней мѣрѣ, не дѣлаетъ различія между тѣмъ, что̀ разказываютъ Добрынинъ, Державинъ, Энгельгардтъ, какъ факты, и тѣмъ, что̀ влагаетъ фонъ-Визинъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ [1]). Г. Дубровинъ особенно много заимствуетъ изъ статьи Аѳанасьева „Черты нравовъ XVIII вѣка“, а статья эта представляетъ почти сплошь дословныя выписки изъ сатирическихъ журналовъ. На ряду съ фактами изъ мемуаровъ и безъ малѣйшихъ оговорокъ о происхожденіи выписокъ изъ журнальной сатиры, г. Дубровинъ приводитъ, между прочимъ слѣдующее: „Матушка моя, пишетъ современникъ, пришедши изъ конюшни, въ которой обыкновенно ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ бывало французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по русски ясно пересказываетъ“. „Отецъ мой дворянинъ, говоритъ современникъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ человѣкъ простаго нрава и сообразовался во всемъ древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сложенія тому совсѣмъ противнаго, отчего нерѣдко происходили между ними несогласія и всегда другъ друга не только всякими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня,

---

[1]) См., напримѣръ, Новиковъ, издатель журналовъ, 3, 6, 18.

чтобъ они между собою не дрались, или людей въ конюшнѣ плетьми не сѣкли. Я, будучи въ домѣ ихъ воспитанъ, и имѣя въ глазахъ такіе поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возымѣлъ къ нимъ склонность и положилъ за правило себѣ во всемъ онымъ слѣдовать. Намѣреніе мое гораздо было удачно, ибо я въ скорое время къ удивленію всѣхъ домашнихъ, уже совершенно выражалъ всѣ бранныя слова, которыя бывало отъ родителей своихъ слышу" [1]). Цѣликомъ изъ журналовъ взято описаніе двухъ или трехчасоваго туалета „русскаго дворянина прошлаго вѣка"; а „окончивъ туалетъ",— читаемъ далѣе—„франтъ садился въ маленькую карету, рыскалъ по городу, бѣгалъ изъ дома въ домъ, въ одной гостиной онъ самъ собиралъ новости, въ другой разказывалъ ихъ, въ одномъ домѣ онъ насмѣхался надъ тѣмъ, что̀ видѣлъ въ другомъ, а въ третьемъ прилыгалъ и разказывалъ даже и то, чего не видалъ. Онъ говорилъ всегда важно, съ достоинствомъ, имѣя въ карманѣ на всякій случай нѣсколько дешевыхъ эпиграммъ и пересыпая свою рѣчь иностранными словами". Г. Дубровинъ пишетъ даже: „По свидѣтельству Новикова, дамы, занимавшія почетное мѣсто въ обществѣ, и притомъ богатыя, не считали предосудительнымъ продавать свою любовь за деньги и въ одно и то же время принадлежать нѣсколькимъ" [2]). Мнѣ кажется, надо быть весьма невысокаго мнѣнія о нравственномъ достоинствѣ Новикова, чтобы предположить, что онъ могъ сказать это не какъ сатирикъ, въ зависимости отъ тогдашнихъ литературныхъ формъ, а какъ лично Новиковъ, и въ то же время писать то вступленіе къ Ученымъ Вѣдомостямъ, которое мы выше указывали. Наконецъ, если ужъ брать факты изъ литературныхъ произведеній, какъ факты дѣйствительно существовавшіе, то надо брать факты разнообразные, всякаго рода: приводя, напримѣръ, изъ „Разговора у княгини Халдиной" слова судьи, будто онъ такъ заспался во время чтенія дѣла, что очнуться не можетъ, и будто дѣлъ вообще не понимаетъ (эти слова приводитъ г. Незеленовъ) [3]), слѣдовало бы заимствовать и изъ комедіи „О время!", такъ расхваленной Новиковымъ, и считать за фактъ, что служанка читаетъ Ежемѣсячныя сочиненія

[1]) Пугачевъ и его сообщники, I, 282, 284; ссылокъ не сдѣлано,—а это дословно изъ статьи „Слѣдствія худого воспитанія", изложенной въ видѣ письма отъ этого самаго дворянина, въ *Живописцѣ*, по изданію *Ефремова*, 109.

[2]) Изъ *Трутня*, по изд. *Ефремова*, 227.

[3]) *Незеленовъ*. Н. И. Новиковъ, издатель журнала, 3.

и „Клевеланда“ [1]) и выставить положеніе: „Вообще тогдашняя прислуга отличалась удивительнымъ развитіемъ и была несравненно выше теперешней прислуги и своихъ господъ“. По крайней мѣрѣ, въ массѣ комедій мы видимъ именно такое изображеніе [2]), и трудно даже сказать, что мы встрѣчаемъ въ литературѣ чаще—изображенія ли несчастнаго положенія крѣпостныхъ, или изображенія такой умной прислуги.

Наконецъ, есть еще третья, уже болѣе частная причина невѣрнаго и слишкомъ мрачнаго изображенія общества XVIII вѣка у нашихъ историковъ: часто придаютъ общее значеніе фактамъ мѣстнымъ. Жители провинціи, особенно захолустья, тогда, какъ и теперь, отличались, конечно, бо́льшимъ сравнительно невѣжествомъ, большею грубостью; жители столицы, напротивъ, болѣе увлекались внѣшнимъ блескомъ, дѣйствительно слишкомъ поддавались французскому вліянію; въ большихъ городахъ, какъ всегда бываетъ, замѣчались чаще и безумная роскошь и болѣе легкіе нравы; въ столицѣ, дѣйствительно, нужно признать сильное паденіе семейной жизни, въ указаніяхъ на что сходятся и мемуары современниковъ, и журналы, съ теченіемъ времени все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе направляющіе свое порицаніе именно на это явленіе [3]). Точно также и по журналамъ, и по мемуарамъ совершенно ясно, что сами современники замѣчали въ деревняхъ, въ захолустьяхъ бо́льшую грубость, дикость; но обыкновенно такого различія въ этомъ не дѣлается, и спеціальные недостатки каждаго общества приписываются и тому, и другому.

Вотъ тѣ замѣчанія, которыя я считалъ необходимымъ представить противъ обыкновенно рисуемой картины нравовъ XVIII вѣка со стороны метода ея составленія.

Кромѣ того, надо отмѣтить еще, что въ изслѣдованіяхъ по исторіи XVIII вѣка обыкновенно ставится задачею только характеристика, а не описаніе быта тогдашняго общества или извѣстнаго класса, и притомъ въ извѣстный лишь моментъ; попытки же прослѣдить постепенныя измѣненія, ходъ развитія этого общества со стороны быта и со стороны нравовъ—между тѣмъ какъ особенно важно изслѣдовать вмѣстѣ то и другое—до сихъ поръ еще не сдѣлано. Въ книгѣ г. Гольцева, который имѣлъ это, по видимому, въ виду, характеристики эпохъ Петра Великаго, затѣмъ его преемни-

---

[1]) Сочиненія Екатерины II, С.-Пб., 1849, т. II, 10.

[2]) Постоянно встрѣчается это въ комедіяхъ императрицы Екатерины и Лукина.

[3]) Особенно *Курьеръ изъ ада съ письмами* 1788 г. и *Почта духовъ* 1789 г.

ковъ до Екатерины II и наконецъ—эпохи Екатерины [1]), вопервыхъ, слишкомъ коротки, вовторыхъ, далеко не выдержаны: г. Гольцевъ почти не обратилъ вниманія на то, чтобы прослѣдить постепенность и направленіе въ измѣненіяхъ однихъ и тѣхъ же факторовъ и сторонъ быта въ эти установленныя имъ эпохи, а просто приводитъ для каждой эпохи по нѣскольку выдающихся, самими современниками отмѣчаемыхъ, фактовъ; такимъ образомъ иногда одна эпоха оказывается обрисованною съ однихъ сторонъ, а другая—совершенно съ другихъ. Изъ существующихъ у насъ характеристикъ не получается никакого понятія, никакого даже представленія о постепенныхъ измѣненіяхъ общества, о постепенности и характерѣ его развитія; но если взять людей, уровень ихъ образованности, состояніе литературы, всю общественную жизнь 40-хъ—50-хъ годовъ XVIII вѣка и сравнить эти явленія съ людьми, съ состояніемъ образованности и литературы и со всею общественною жизнью конца XVIII вѣка, то огромная разница сразу кидается въ глаза; сильное движеніе впередъ произошло не только въ теченіе всей второй половины XVIII вѣка, но даже въ теченіе одной послѣдней четверти его, послѣ областной реформы. Все это обыкновенно совершенно не указывается въ „характеристикахъ“ общества XVIII вѣка, не смотря на то, что происшедшія перемѣны весьма крупны и чрезвычайно важны. Отмѣтить эти различія, указать ихъ возникновеніе и причины и прослѣдить путь ихъ движенія, въ общихъ хотя бы чертахъ, составитъ предметъ настоящей статьи. Конечно, полный разборъ постепенности прогрессивнаго движенія общественной жизни могъ бы быть задачею и цѣлаго большаго изслѣдованія; но мы рѣшаемся предложить здѣсь попытку такой работы въ виду указанныхъ выше причинъ. Не претендуя ни на какіе широкіе выводы, мы постараемся изобразить общественную жизнь въ провинціи въ половинѣ прошлаго вѣка и затѣмъ прослѣдимъ ее до конца столѣтія; мы остановимся при этомъ преимущественно на изображеніи провинціальнаго общества предъ манифестомъ 1762 г. и потомъ—послѣ введенія областной реформы; въ промежуткѣ же времени между 1762 г. и концомъ 70-хъ годовъ отмѣтимъ лишь въ общихъ чертахъ начало и характеръ совершавшагося общественнаго движенія. Мы будемъ говорить о бытѣ дворянъ только въ центральныхъ, великорусскихъ,

---

[1]) Законодательство и нравы, гл. II—IV, стр. 14—73.

по преимуществу дворянскихъ губерніяхъ: бытъ на окраинахъ всегда отличался большею грубостью, какъ бы отставалъ въ движеніи, а бытъ губерній малороссійскихъ имѣлъ свой особый характеръ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Кромѣ того, говоря о провинціальномъ только дворянствѣ, мы, въ зависимости отъ самыхъ фактовъ, будемъ говорить лишь о дворянахъ средняго состоянія и болѣе бѣдныхъ: дворяне богатые не жили въ провинціи, первоначально вслѣдствіе обязательной службы, а потомъ—привлекаемые дворомъ и недовольные тѣмъ, что при дарованіи дворянамъ правъ, они остались предъ закономъ совершенно равными съ рядовымъ, небогатымъ дворянствомъ и не получили никакого особаго значенія въ мѣстномъ самоуправленіи; аристократическія стремленія и отношенія аристократіи къ рядовому дворянству ясно указаны профессоромъ Романовичемъ Славатинскимъ [1]).

II.

До манифеста о вольности дворянства въ русской провинціи не было, можно сказать, никакого общества: провинціальные города были совершенно незначительны, населеніе ихъ—весьма немногочисленно и принадлежало почти сплошь къ низшему классу; административныхъ органовъ было очень мало, и дворяне почти не принимали въ нихъ участія,—дворянство почти все было на службѣ, то-есть, въ столицахъ, или гдѣ-нибудь у границъ въ войскахъ. Большинство тогдашнихъ городовъ, особенно по окраинамъ государства, почти не отличались отъ деревень: иные, даже обращенные потомъ въ губернскіе, состояли всего изъ одной улицы и имѣли по одной церкви; случалось, что городъ стоялъ на болотѣ — и ничего не предпринималось для его осушенія; встрѣчались въ городахъ такіе буераки, мимо которыхъ опасно было проѣзжать, или мосты, по которымъ нужно было отдѣльно переходить и переводить лошадей и экипажи; улицы, конечно, не были мощены, и лишь иногда главная устилалась бревнами; кажется, вслѣдствіе распространеннаго убѣжденія, будто каменные дома вредны для здоровья, жители неохотно строили ихъ, не смотря на побужденіе и даже поддержку со стороны правительства, — и большинство строеній составляли жалкія лачуги, въ малолѣсныхъ мѣстахъ крытыя соломою; подъ соломен-

---

[1]) *Романовичъ-Славатинскій.* Дворянство въ Россіи, 26, 69—70, 492 и др.

кою крышею помѣщался иногда даже магистратъ; во многихъ городахъ не было ни рынка, ни лавокъ, такъ что не въ базарный день было очень трудно что-либо купить; вмѣсто гостинницъ были лишь жалкіе постоялые дворы; ни аптекъ, ни докторовъ нигдѣ, кромѣ Петербурга и Москвы, не было, почтовыхъ конторъ въ большинствѣ городовъ — тоже. Вообще внѣшній видъ большей части тогдашнихъ городовъ напоминалъ, мнѣ кажется, окраины теперешнихъ маленькихъ уѣздныхъ; и можно, кажется, сказать, что каково теперь населеніе окраинъ въ уѣздныхъ городахъ, таково приблизительно было и все тогдашнее городское населеніе. Крайне немногочисленное — во Псковѣ, напримѣръ, было едва 450 горожанъ, въ Островѣ всего 150 домовъ съ 240 жителями и т. д.,—оно состояло почти сплошь только изъ мелкихъ купцовъ, мѣщанъ и небольшого числа низшихъ приказныхъ. Городское сословіе, предназначенное быть классомъ торговымъ и промышленнымъ, находилось еще въ очень жалкомъ положеніи: торговля и промышленность были еще въ зачаточномъ состояніи, и во многихъ мѣстностяхъ горожане занимались главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ [1]); вмѣстѣ съ крестьянами они были сословіемъ, которому почти вовсе былъ закрытъ доступъ къ образованію, такъ какъ спеціально для нихъ школъ не было, а всѣ существовавшія школы предназначены были каждая исключительно для опредѣленнаго сословія [2]), и общій уровень ихъ знаній и развитія былъ почти таковъ же, какъ у крестьянъ: очень не многіе изъ нихъ умѣли читать, писать и механически считать на счетахъ; въ Красномъ Холмѣ, напримѣръ, въ числѣ мѣщанъ былъ лишь одинъ грамотный; ихъ жизнь, обычаи въ это время и долго еще послѣ казались тогдашнему дво-

---

[1]) Вышеприведенный очеркъ составленъ по описаніямъ многихъ городовъ въ слѣдующихъ источникахъ: 1) *Бакмейстеръ*, Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской имперіи. С.-Пб. 1771; 2) Дневныя записки *Лепехина*, т. I, 2-е изд., 70, 84 — 85, 104, 233, 360 — 361; 3) Путешествіе *П. С. Палласа*, т. I, 2-е изд., 42, 73; 4) Путешествіе *С. I. Гмелина*, ч. I, изд. 2-е, 18, 30, 32, 35, 137; 5) Записки *Болотова*, т. II, 565—581, 839, 863, 974, 1014—1017; III, 73, 321, 627; IV, 971, 980 и друг.; 6) Записки фонъ-*Штрандмана — Р. Ст.*, т. XXXIV, 291—292; 7) Записки *Добрынина*, С.-Пб., 1872, 41; 8) Путешествіе *Кокса— Р. Ст.*, т. XVIII, 314—315. См. также статью *Д. И. Иловайскаго*—Графъ Яковъ Сиверсъ, Сочиненія, М. 1884, 495—501.

[2]) *М. Владимірскій-Будановъ*. Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в. Ярославль. 1874, 32—33, 141—142.

рянству слишкомъ грубыми, грязными [1]). Такова была масса городскаго населенія; представители администраціи, весьма немногочисленные, были также очень плохи; единственные административные органы, находившіеся въ провинціи до 1770-хъ годовъ—воеводскія или провинціальныя канцеляріи—не сосредоточивали въ себѣ людей даже по тогдашнему сколько-нибудь интеллигентныхъ: только воеводы были изъ дворянъ, да и то преимущественно изъ мелкихъ и не пользовавшихся уваженіемъ своихъ собратій; приказные долгое время были всѣми презираемы за свою алчность, недобросовѣстность и грубость. Такимъ образомъ ничто не привлекало дворянъ въ города, ничто ихъ тутъ не сосредоточивало; кромѣ того, дворяне вообще не охотно сходились съ лицами другихъ сословій; между тѣмъ своя деревня представляла возможность и ближе смотрѣть за хозяйствомъ, и повеселиться охотою, такъ что дворяне, получивъ отставку, немедленно разъѣзжались по своимъ деревнямъ; тамъ собирались такимъ образомъ отставленные уже отъ службы старики, да семейства служившихъ, не имѣвшія почему-либо возможности жить вмѣстѣ со служащими своими членами; большею частью причиною этого былъ недостатокъ средствъ [2]); съ описанія быта этого общества мы и начнемъ изученіе провинціальнаго дворянскаго общества второй половины XVIII вѣка.

И безъ того немногочисленное дворянское населеніе размѣщалось по уѣзду далеко не равномѣрно: мелкіе помѣщики—а такихъ было большинство—жили преимущественно, такъ-сказать, гнѣздами [3]), потому что обыкновенно дѣти-наслѣдники, раздѣливъ между собою имѣніе отца, оставались на прежнемъ мѣстѣ, только выстраивали себѣ новые домы, и случалось нерѣдко, что въ одномъ сельцѣ было три-четыре дворянскія усадьбы, шагахъ въ полуторастахъ одна отъ другой [4]). Тогдашнія усадьбы—совсѣмъ не то, что̀ привыкли мы представлять себѣ подъ этимъ именемъ въ позднѣйшее и нынѣшнее время. Дома помѣщиковъ ставились не на открытомъ мѣстѣ, съ красивымъ по возможности видомъ, а такъ, чтобы побольше было видно хозяйственныхъ построекъ [5]); по устройству эти дома были почти таковы,

---

[1]) Путешествіе *Кокса, Р. Ст.* XIX, 46; *Иловайскій*, Сочиненія, М. 1884, 499; *Болотовъ*, Памятникъ временъ протекшихъ. М. 1875, ст. 161.

[2]) *Болотовъ*, Жизнь и приключенія, I, 147.

[3]) *Болотовъ*, I, 148.

[4]) *Болотовъ*, I, 147—148; *Даниловъ*, Записки, 10—11.

[5]) *Болотовъ*, I, 155; II, 329, 801.

каковы теперь крестьянскія избы въ сѣверныхъ губерніяхъ: многіе состояли изъ двухъ только комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями, при чемъ одна служила зимнимъ, другая лѣтнимъ жильемъ и могла временно служить для помѣщенія гостей [1]); если и было въ домѣ больше комнатъ, то все-таки зимой многія семьи помѣщались въ одной; бóльшая часть дома обыкновенно занята была огромными сѣнями, кладовыми, дѣвичьею и большою, такъ-называемою переднею комнатою, почти сплошь уставленною образами, такъ что она походила на часовню [2]). Комнаты были чрезвычайно малы, тѣсны, низки и мрачны; не въ самомъ даже маленькомъ домикѣ можно было изъ окна рукою достать до земли [3]); полы, потолки, конечно, были не крашены, — полы иногда столь грязны, что почти не возможно было ихъ и отмыть, и притомъ съ огромными дырами отъ крысъ; крысъ и мышей всегда бывало множество, такъ что онѣ не только поднимали страшную возню и бѣготню, едва погашены были свѣчи, но иногда вскакивали на постели и даже кусали спящихъ [4]); стѣны домовъ у дворянъ небогатыхъ не были обыкновенно ничѣмъ обиты, въ маленькихъ окнахъ вставлены потускнѣвшія, темныя стекла; иногда не было зимнихъ рамъ, и на ночь окна жилой комнаты заставлялись для сохраненія тепла досками [5]). Тѣ старинные помѣщичьи дома, которые еще до сихъ поръ можно видѣть кое-гдѣ, были выстроены уже впослѣдствіи, въ 70—80-хъ годахъ „несравненно больше, и огромнѣе, и лучше хоромъ старинныхъ“ [6]), а мы знаемъ, какія и въ нихъ маленькія и низенькія комнаты. Не говоря уже о зеркалахъ и картинахъ, мебель и хозяйственная утварь имѣлись въ этихъ домахъ обыкновенно въ весьма ограниченномъ количествѣ. Во многихъ домахъ скамейки вдоль стѣнъ замѣняли всю мебель: нѣсколько стульевъ, столъ въ углу, какой-нибудь шкапчикъ, огромный кіотъ и полки для образовъ по стѣнамъ составляли убранство лучшей комнаты: у помѣщиковъ болѣе нерадивыхъ или долго бывшихъ въ отлучкѣ, въ домѣ часто не было „ни единой почти посудины, кромѣ немногой старинной и изломанной оловянной и нѣсколькихъ стакановъ и рюмочекъ, а изъ мебелей ни единаго почти стульца, ни единаго столика,

---

[1]) *Болотовъ*, II, 514; *Даниловъ*, 9—10.
[2]) *Болотовъ*, I, 151—154.
[3]) *Болотовъ*, II, 316.
[4]) *Аксаковъ*, Семейная хроника и воспоминанія, 139—140; *Болотовъ*, II, 307.
[5]) *Аксаковъ*, 139; *Благово*, Разказы бабушки, С.-Пб. 1885, 25.
[6]) *Болотовъ*, II, 797.

ни единыхъ креселъ и канапе, а о комодахъ и о прочемъ и говорить нечего"; въ рѣдкомъ домѣ можно было встрѣтить подъ самымъ потолкомъ какія-нибудь закоптѣлыя и запачканныя мухами картинки съ изображеніями событій изъ священной исторіи; огромная израсцовая печь, часто съ какою-нибудь затѣйливою топкой и отставленная нѣсколько отъ стѣны, занимала чуть не половину постоянно обитаемой комнаты; рядомъ съ нею помѣщались кровати [1]).

У помѣщиковъ болѣе зажиточныхъ бывало, какъ сказано, и болѣе комнатъ, но устройство и убранство ихъ было также до крайности просто; главнѣйшее отличіе ихъ отъ комнатъ въ домахъ помѣщиковъ небогатыхъ состояло въ томъ, что въ нихъ стѣны обивались холстомъ, по которому были написаны масляными красками разныя колонны или фигуры солдатъ и т. п.; роскошью уже было, если стѣны въ залѣ были росписаны, напримѣръ, охотой, въ гостиной—ландшафтами, въ другихъ комнатахъ—драпировками и т. п.; сами хозяева при этомъ видѣли, что это работа вовсе не особенно изящная, но довольны были тѣмъ все-таки, что писали это ихъ собственные крѣпостные [2]).

Внѣшній видъ домовъ соотвѣтствовалъ внутреннему устройству и обстановкѣ: сохранившіяся изображенія ихъ представляютъ намъ совершенныя подобія крестьянскихъ избъ; крыша изъ потемнѣвшихъ и поросшихъ мохомъ досокъ, безъ всякихъ украшеній; покосившееся крылечко, у котораго безцеремонно выбрасывались и выливались всякіе объѣдки и остатки отъ обѣда; если домъ былъ въ два этажа, то въ верхній лѣстница иногда устраивалась только съ улицы, внутри же ея не было; не при каждомъ домѣ былъ садъ, а если и былъ, то большею частью самый маленькій, ничтожный, но такъ почитался, что лѣтомъ калитка въ него запечатывалась воскомъ, чтобъ дворовые не могли туда ходить [3]).

Образъ жизни дворянъ по своей простотѣ соотвѣтствовалъ простотѣ ихъ жилищъ. День тогдашнихъ помѣщиковъ распредѣлялся приблизительно такъ: вставали они рано, часовъ въ пять, въ шесть, и утромъ завтракали; часовъ въ 12 обѣдали, потомъ, послѣ отдыха полдничали, потомъ иногда подавался чай, и, наконецъ, слѣдовалъ

---

[1]) *Болотовъ*, I, 153; II, 330; I, 235.

[2]) *Болотовъ*, I, 228; Разказы бабушки, 25.

[3]) *Болотовъ*, II, 514; *Аксаковъ*, 19; *Даниловъ*, 9—10; *Болотовъ*, II, 318; рисунокъ дома—у него же, I, 154.

ужинъ; часовъ въ 10 уже спали; таковъ же былъ порядокъ и въ домахъ болѣе зажиточныхъ, съ тою только разницею, что тамъ все шло часомъ позже [1]). Кушанья были обыкновенно самыя простыя: щи, окрошка, ветчина, солонина, каша и т. п., но подавалось всего очень много; о какихъ-нибудь приправахъ, даже о салатѣ, и не слыхивали; полдники, а тѣмъ болѣе ужины, почти всегда приготовлялись вновь и были не менѣе сытны, чѣмъ обѣды; былъ обычай сразу ставить на столъ всѣ кушанья, а не подавать ихъ постепенно; за зваными обѣдами бывало однако кушаньевъ до восьми и сидѣли часа три; лѣтомъ во время обѣда ставили иногда особаго человѣка съ вѣникомъ отгонять мухъ [2]); кромѣ завтрака, обѣда, полдника и ужина, при гостяхъ подавались еще разныя закуски, заѣдки, и кромѣ того, еще довольно часто выпивали по рюмочкѣ [3]).

Свободное отъ ѣды и немногочисленныхъ хозяйственныхъ заботъ время помѣщики употребляли преимущественно на разныя дворовыя игры, въ родѣ, напримѣръ, нашихъ городковъ, на качели, или отправлялись на рыбную ловлю, охоту, хотя охота тогда далеко еще не была такъ развита, какъ впослѣдствіи; встрѣчались тогда часто страстные охотники до собакъ, до голубей и т. п., такъ что у нихъ въ домѣ просто не возможно было бывать отъ шума и запаха разныхъ животныхъ [4]). Помѣщики вели жизнь почти уединенную, видались между собою очень рѣдко; не малою причиною этого было то, что владѣльцы, жившіе въ одной усадьбѣ, рѣдко находились между собою въ мирѣ, а чаще между ними были большіе нелады [5]); первый поводъ къ этому подавали обыкновенно самые раздѣлы, неопредѣленные точно закономъ и потому рѣдко обходившіеся безъ ссоръ, неудовольствій и иногда даже прямыхъ и грубыхъ столкновеній, да кромѣ того, и въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ не могло быть недостатка въ поводахъ къ неудовольствіямъ, уже хотя бы по одному тому, что тогда земли не были размежеваны, а большія дачи, пустоши находились въ общемъ владѣніи многихъ лицъ, и пользованіе

---

[1]) *Болотовъ*, I, 157, 256; *Аксаковъ*, 137, 216; Разказы бабушки, *Благово*, 8—9; 28—29.

[2]) *Болотовъ*, I, 256; *М. А. Дмитріевъ*, Мелочи изъ запаса моей памяти, 2-е изд. М. 1869, 17; Разказы бабушки, 8—9; *Аксаковъ*, 153; *Болотовъ*, II, 541; *Аксаковъ*, 27.

[3]) *Болотовъ*, I, 157; *Винскій*, Мое время, *Р. А.* 1877, т. I, 90.

[4]) *Болотовъ*, I, 238, 209, 255; 890—891.

[5]) *Болотовъ*, I, 148; *Даниловъ*, 10—11.

общими лѣсами и покосами вызывало постоянныя недоразумѣнія и неудовольствія [1]); часто ихъ старались поддерживать въ господахъ наиболѣе ловкіе изъ слугъ,—находя, вѣроятно, въ этомъ способъ играть нѣкоторую роль въ домѣ и хозяйствѣ [2]). Съ другими, болѣе отдаленными своими сосѣдями дворяне видались рѣдко; они съѣзжались обыкновенно на Рождество, на масляницу, на Святую, на храмовые и другіе большіе праздники, и тогда уже жили вмѣстѣ дня по три, по четыре и больше. Предки наши отличались вообще гостепріимствомъ; иные на воротахъ дома дѣлали надписи въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей: „Д. Л. (добро—люди, то-есть, добрые люди) милости просимъ", многіе сердились и считали за обиду, если гость пріѣзжалъ къ нимъ не къ обѣду, или мало ѣлъ за столомъ. Времяпрепровожденіе въ гостяхъ почти ничѣмъ не отличалось отъ обыкновеннаго; только еще немного болѣе ѣли и пили; никакихъ дальнихъ церемоній не полагалось; спали часто всѣ въ одной комнатѣ, на полу въ повалку [3]).

Содержаніе и характеръ бесѣдъ при этихъ съѣздахъ даютъ намъ довольно полное и въ общемъ совершенно вѣрное понятіе объ умственномъ кругозорѣ и объ интересахъ этихъ дворянъ. Обыкновенно разговоръ вертѣлся около хозяйства, около охоты, около какихъ-нибудь отдаленныхъ поѣздокъ; иногда вниманіе собравшихся занималъ своими разказами о приказныхъ дѣлахъ какой-нибудь „превеликій юриспрудентъ" или шутникъ потѣшалъ прибаутками всю компанію; у очень многихъ тогда въ ходу были разныя особенныя поговорки, часто ничего не значущія, иногда даже непристойныя, отъ которыхъ разказчикъ не умѣлъ, однако, удерживаться даже въ чужомъ домѣ, и рѣчь нѣкоторыхъ была по привычкѣ на столько вольна, что стѣсняла женщинъ; интересно также замѣчаніе одного современника, что тогда (въ Казанской гимназіи) особенное вниманіе обращали на то, чтобы научить „говорить по грамматикѣ", и слова другаго, который, вспоминая свою молодость, прошедшую въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, говоритъ, что тогда мало гдѣ умѣли правильно говорить и правильно мыслить; часто разговоры сосредоточи-

[1]) Много жалобъ на это въ наказахъ депутатамъ отъ дворянъ,—*Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, томы 4, 8, 14; *Болотовъ*, I, 650—651, 949; *Собесѣдникъ люб. росс. слова* 1783, ч. IV, 111—137.

[2]) *Болотовъ*, I, 148.

[3]) *Болотовъ*, I, 157, 161; *Аксаковъ*, 209; Разказы бабушки, 74—75; *Собесѣдникъ*, 1783, ч. IV, 111—137; *Болотовъ*, I, 157.

вались на пріѣздѣ какого-нибудь богатаго сосѣда, на чьихъ-нибудь похоронахъ, свадьбѣ [1]); по вечерамъ во многихъ домахъ сказки собирали всѣхъ; на Рождествѣ, на масляницѣ устраивались наряжанья игры, которыя, правда, принимали иногда характеръ не совсѣмъ благопристойный, но все-таки не всегда: С. Т. Аксаковъ и нѣкоторые другіе вспоминаютъ о нихъ чрезвычайно тепло и съ большимъ удовольствіемъ [2]).

Не многимъ отличался отъ описаннаго сейчасъ и образъ жизни помѣщиковъ болѣе достаточныхъ; главная разница была въ томъ, что они чаще видались между собою, собравшись заставляли дѣтей танцовать, дамы садились играть въ карты, мущины же, сидя за столомъ съ закусками и винами, кое о чемъ разговаривали, но, конечно, не о высокихъ предметахъ — о томъ же, о чемъ и помѣщики менѣе достаточные—и попивали, а подпивши, призывали дворовыхъ, заставляли ихъ пѣть, плясать, иногда и сами къ нимъ присоединялись; и среди этихъ помѣщиковъ попадались еще не имѣвшіе никакой склонности къ наукамъ, едва умѣвшіе читать и писать, и пользовались общимъ уваженіемъ и любовью [3]).

Указанное выше содержаніе бесѣды рисуетъ намъ умственный уровень провинціальныхъ дворянъ того времени. Дѣйствительно, среди ихъ, и не только среди мелкихъ, но и владѣльцевъ душъ до 200, не было еще, можно сказать, почти никакихъ умственныхъ, отвлеченныхъ интересовъ; хозяйство было главнымъ, у многихъ единственнымъ; интересы большинства не шли далѣе ихъ крайней рощи и послѣдняго поля; отчасти въ силу отсутствія опредѣленныхъ поземельныхъ границъ и столкновеній по хозяйству, многіе были большими охотниками судиться, тягаться, очень интересовались тяжебными дѣлами, находили, что знать приказныя дѣла да законы всего необходимѣе и даже на грамоту иные смотрѣли лишь, какъ на средство самому не попасть въ дѣлѣ въ просакъ, а дру-

---

[1]) *Винскій*, 189—190; *Болотовъ*, I, 155—156; *Лунинъ*, Жизнь стариннаго русскаго дворянина, *Р. А.*, 1865, 470; *Даниловъ*, 10; Разказы бабушки, 73; *Державинъ*, Записки, Полн. собр., т. VI, С.-Пб., 1876, 407; *Добрынинъ*, Истинное повѣствованіе, 64; *Праздное время*, 1759, I, 9; *Полезное съ пріятнымъ*, 1769, л. I, 28—33, лл. III, IV, V, VI—статья „объ обхожденіи“; *Собесѣдникъ*, 1783, IV, 111—137.

[2]) *Батенковъ*, Данныя, повѣсть о собственной жизни, *Р. А.* 1881, т. II, 259 260; *Болотовъ*, I, 240, 241; *Аксаковъ*, 267—268; *Винскій*, 91.

[3]) *Болотовъ*, I, 216—217; 212.

гаго провести. Людей, съ знаніями кромѣ необходимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ было еще очень не много; не рѣдкость было встрѣтить не грамотныхъ дворянъ [1]) и если, напримѣръ, въ своихъ запискахъ Болотовъ не упоминаетъ, въ числѣ своихъ знакомыхъ, людей, прямо возстававшихъ противъ образованія, то въ одномъ изъ другихъ своихъ сочиненій, въ которомъ довольно ясно видны портреты его знакомыхъ, выводитъ одну старушку, которая оспариваетъ пользу и необходимость ученія далѣе грамоты и говоритъ, что узнать приказныя дѣла—всего полезнѣе и важнѣе [2]); у многихъ вся ученость не шла далѣе четырехъ правилъ ариѳметики; знаніе ихъ, немного геометріи и фортификаціи, а также и приказныхъ дѣлъ, давало славу „ученаго человѣка и чуть не философа“ [3]); въ рѣдкомъ домѣ можно было найдти какую-нибудь книгу, и то преимущественно духовнаго содержанія; большинство дворянъ почти ничего не читало; иные думали даже, что слишкомъ прилежное чтеніе книгъ, въ томъ числѣ и Библіи, сводитъ человѣка съ ума [4]); нечего и говорить, что не было никакихъ понятій объ изящныхъ искусствахъ, что къ природѣ относились тогдашніе помѣщики почти такъ, какъ теперь большинство крестьянъ, и что люди, выросшіе въ это время, впослѣдствіе изъ книгъ учились понимать красоты природы [5]).

Люди того времени отличались чрезвычайнымъ почтеніемъ ко всему старинному, сдѣланному предками и какою-то боязнью перемѣнъ, нововведеній; измѣнять что-либо въ своемъ домѣ и хозяйствѣ, „священныхъ отъ древности“ казалось тогда большинству „смертнымъ грѣхомъ и невиданнымъ, отважнымъ предпріятіемъ“; старики и вообще старшіе пользовались чрезвычайнымъ почтеніемъ, очень не высокій чинъ—капитанскій, напримѣръ—дѣлалъ обладателя его человѣкомъ, увѣреннымъ въ себѣ, давалъ ему вѣсъ и право на общее уваженіе въ околодкѣ; лица начальствующія представлялись

---

[1]) *М. А. Дмитріевъ*, 15—16; *Винскій*, 91; *Лунинъ*, 434; Первое ученіе отрокомъ, 1782, стр. 5; *Болотовъ*, I, 155—157 и др.; указаній на неграмотность нѣкоторыхъ дворянъ довольно много въ наказахъ депутатамъ, *Сборн. Русск. Ист. Общ.*, т. 4, 8, 14; *Болотовъ*, I, 212; *Парнасскій Щепетильникъ*, 1770, 16—17.

[2]) Дѣтская философія М., 1774, I, 120—130, II, 370—385.

[3]) *Аксаковъ*, 213; *Болотовъ*, I, 156.

[4]) *Болотовъ*, I, 232; *Аксаковъ*, 92; *Лонгиновъ*, Новиковъ и московскіе мартинисты, 192.

[5]) Путешествіе *Кокса*, XIX, 47—48; *М. А. Дмитріевъ*, 15—17; *Болотовъ*, I, 960.

нерушимымъ авторитетомъ [1]). Здѣсь же кстати упомянуть объ интересномъ взглядѣ на службу, проходящемъ почти черезъ весь XVIII вѣкъ и почти одними и тѣми же словами выраженномъ чуть ли не у десяти свидѣтелей; вотъ эти слова: „Ни на что въ службѣ не набиваться и ни отъ чего не отбиваться“ [2]), — а служба дворянства была иногда не легче крѣпостной зависимости [3]); приведенныя слова указываютъ, на сколько въ тогдашнемъ русскомъ дворянствѣ распространено было, съ одной стороны, сознаніе обязанности дворянина служить своему отечеству, а съ другой—чувство благородной гордости, запрещавшее какія бы то ни было въ этомъ дѣлѣ заботы о своихъ личныхъ выгодахъ и удобствахъ.

Переданное предками благочестіе, конечно, хранилось свято; благочестіе тогдашнихъ помѣщиковъ и особенно помѣщицъ при отсутствіи образованія соединено было съ неменѣе искреннимъ суевѣріемъ: часто ходили въ церковь, служили всенощныя на дому, „поднимали“ на домъ образа, предпринимали поѣздки и хожденія въ отдаленные монастыри [4]) — и вмѣстѣ съ тѣмъ боялись лѣшихъ, букъ, вѣрили всякимъ примѣтамъ, снамъ, гаданьямъ, иные носили съ собою разные корешки, камешки, обходили бумажки, попадавшіяся на полу или на землѣ, опасаясь, что, быть можетъ, это нарочно кѣмъ-нибудь подброшенная бумажка съ наговоромъ, а тогда наступить на нее считалось опаснымъ; ходило множество самыхъ нелѣпыхъ, но всѣми почти принимаемыхъ за истину, разказовъ о сестрахъ лихорадкахъ, о чудесныхъ силахъ разныхъ травъ, о коровьей смерти, то-есть, чумѣ рогатаго скота, бѣгающей по полю въ видѣ бѣлой жен-

---

[1]) *Болотовъ*, II, 400, 513; *Батенковъ*, 254—256; *Добрынинъ* — Истинное повѣствованіе, 286; *Лунинъ*, 457; *Болотовъ*, III, 1115, 1118.

[2]) *Н. Поповъ*, Татищевъ и его время, М. 1861, 13—14; *Татищевъ*, Духовная по изданію 1885 г., Казань, 13; *Болотовъ*, I, 694, 743; *Державинъ*, Полн. собр. сочин. VI, 637 — тамъ же приведены въ примѣчаніи подобныя слова А. И. Бибикова и кн. Репнина; *Энгельгардтъ*, Записки, М. 1868, 69; *Тимковскій*, Записки, *Русск. Архивъ* 1874, 1427; тоже въ „Былыхъ и небылицахъ“, *Собесѣдникъ*, 1783, ч. IV, также у *Пушкина*, въ повѣсти „Капитанская дочка“, Полн. собр. соч. т. IV, изд. 3-е, 207 и у графа *Л. Н. Толстаго*, въ Войнѣ и мирѣ, Полн. собр. соч. 1885, т. VIII, 24—25.

[3]) *Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство въ Россіи: „оно (дворянство) находилось почти въ такой же крѣпостной зависимости отъ правительства, какъ отъ него крѣпостные“, 147; см. 143—148.

[4]) *Болотовъ*, много разъ; *Фонъ-Визинъ*, Чистосердечное признаніе — Сочиненія. С.-Пб. 1866, 533.

щины и т. п. [1]); повторяю, въ умѣ тогдашнихъ людей вѣра въ Бога и въ злую сверхъестественную силу была одинаково и очень искренна и тверда; въ отношеніи суевѣрій тогдашніе мелкіе помѣщики очень еще не далеко ушли отъ своихъ крестьянъ и уже далеко отстали отъ своей молодежи.

Особенно религіозны и суевѣрны были, конечно, женщины; онѣ, впрочемъ, вообще мало выступаютъ предъ нами въ памятникахъ того времени; образованы онѣ были еще менѣе мужчинъ; очень многія изъ нихъ были еще неграмотны, даже въ домахъ богатыхъ; подыскать себѣ въ невѣсты дѣвушку, которая была бы любознательна, охотница читать—оказывалось почти невозможнымъ [2]); встрѣчаемъ также много упоминаній о женщинахъ сварливыхъ, мелочныхъ, любившихъ все пересуживать, во все мѣшаться, всѣмъ недовольныхъ, крайне вспыльчивыхъ, или привѣтливыхъ съ гостями, и своенравныхъ и жестокихъ съ домашними [3]); но это недостатки болѣе или менѣе всегда свойственные женщинамъ и неизбѣжные при томъ отсутствіи всякой, мало мальски общественной жизни, которое тогда окружало женщину и которое у мужчинъ отчасти парализовалось вліяніемъ военной службы; но было бы, впрочемъ, совершенно невѣрно представлять себѣ всѣхъ тогдашнихъ женщинъ именно такими—много среди нихъ было и очень не глупыхъ и безъ образованія, отличныхъ матерей и хозяекъ, которыхъ лучшіе мужчины очень уважали и почитали.

Однимъ изъ наиболѣе частыхъ и уважаемыхъ гостей у помѣщиковъ средней руки былъ ихъ сельскій священникъ; онъ былъ обыкновенно и избираемъ приходомъ и находился въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ прихожанами, былъ своимъ во всѣхъ домахъ и пользовался нерѣдко не только уваженіемъ, но даже и вліяніемъ; онъ зналъ, все-таки, многое и кромѣ необходимаго въ домашнемъ обиходѣ, могъ поговорить и о чемъ-нибудь божественномъ, какъ грамотѣй могъ иногда подать совѣтъ и относительно приказныхъ дѣлъ—тѣмъ болѣе, что часто священники, особенно одного села, не ладили между собою

---

[1]) *Винскій*, 91; Разказы бабушки, 40—41; *Трудолюбивая Пчела* 1759, стр. 37; ком. „О время!" Сочиненія *Екатерины II*, ч. II, стр. 5—57, г-жа Чудихина; *Лепехинъ*, Дневныя записки, I, 72—76; *Болотовъ*, II, 689, 786—789, III, 48.

[2]) *М. А. Дмитріевъ*, 17; Разказы бабушки, 60; *Болотовъ*, II, 478 и 554: см. также—*Вяземскій*. Очерки и воспоминанія, *Русск. Архивъ* 1877, I, 307 и сл.; *Дашкова*, Записки, Лондонъ, 1859, 14.

[3]) *Болотовъ*, II, 532; Разказы бабушки, 46; *Винскій*, 181.

и среди духовныхъ встрѣчались большіе охотники судиться [1]); въ общемъ по развитію и знаніямъ они были очень близки къ тогдашнимъ помѣщикамъ: встрѣчаемъ еще жалобы, что священники были еле грамотны, евангеліе и проповѣди читали, сами плохо понимая содержаніе ихъ, въ сороковыхъ еще годахъ предполагалось требовать отъ желающихъ быть священниками не только умѣнья читать и писать; изъ приходскихъ училищъ, гдѣ получали образованіе священники до царствованія Екатерины, выходили люди не съ богословскимъ образованіемъ, а преимущественно лишь начетчики, то-есть, люди, сколько-нибудь знакомые со Священнымъ Писаніемъ [2]) и священникъ, который былъ „умнѣе сотни другихъ сельскихъ поповъ", удивлялся богословскимъ знаніямъ мальчика, разъ прочитавшаго Камень вѣры и Четьи Минеи, и придерживался множества предразсудковъ и суевѣрій; даже въ семидесятыхъ годахъ встрѣчаемъ еще отзывы о сельскихъ священникахъ, сходящіеся съ отзывами о нихъ Посошкова и Татищева, что отъ нихъ „несетъ навозомъ", и что они совсѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны" [3]); впрочемъ, иначе и быть не могло при тогдашнемъ состояніи духовныхъ школъ и притомъ условіи, что деревенскіе священники поставлены были въ весьма невыгодныя матеріальныя условія; они получали весьма небольшую плату отъ прихода и то не всегда, за требы собирали иногда еще менѣе, чѣмъ установлено было синодомъ, хотя и синодская такса была очень не высока, часто сами должны были обработывать свой участокъ земли и иногда пополнять свои, слишкомъ скудные даже для удовлетворенія необходимыхъ расходовъ, достатки какою-нибудь посторонней работою, напримѣръ, переплетомъ книгъ, обученіемъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ [4]) и т. п.; впослѣдствіи, при большемъ развитіи помѣщичьей

---

[1]) *Знаменскій*, Приходское духовенство со времени реформы Петра. Казань. 1873, 18—31; *Болотовъ*, III, 47, IV, 1080; *Батенковъ*, 255; *Болотовъ* I, 149, 150; *Добрынинъ*, 4, 6.

[2]) Путешествіе *Кокса*, *Русск. Стар.*, XIX, 46; *Шаховской*, Записки. С.-Пб. 1872, 262—263; *Знаменскій*, Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. Казань. 1881, вступленіе.

[3]) *Болотовъ*, I, 148, 233; II, 794—795; Путешествіе *Кокса*, 46; *Татищевъ*, Духовная, по изданію 1773, 48—50; по изданію 1885 г. оказывается, однако, что это есть вставка самого Друковцева; но и она для насъ интересна, какъ отзывъ человѣка XVIII же столѣтія.

[4]) *Знаменскій*, Приходское духовенство, 669—695; *В. Семевскій*—Сельскій священникъ во второй половинѣ XVIII вѣка, *Русск. Стар.* т. XIX, 501—538; статья

жизни въ деревняхъ, священники, хотя тоже въ общемъ улучшившіеся, утратили свое вліяніе и стали сами смотрѣть на дворянъ скорѣе какъ на господъ, чѣмъ какъ на равныхъ, ѣздили къ нимъ не въ гости уже, а на поклонъ; дворяне, съ своей стороны, стали относиться къ духовенству какъ къ низшимъ, а не какъ къ равнымъ [1]); но и относительно духовенства должно имѣть въ виду то же, что̀ и относительно дворянства—и тутъ, какъ тамъ, грубость жизни несомнѣнна, но эта грубость есть отсутствіе всякой цивилизаціи, а не развращенность, не испорченность; ничего, что̀ заставляло бы признать какъ господствующій фактъ испорченность духовенства—нѣтъ въ матеріалахъ, рисующихъ намъ жизнь его достаточно ясно.

Такова была тогда жизнь небогатыхъ помѣщиковъ; она отличалась, какъ видимъ, крайнею простотою; всѣ, которые ее помнили и имѣли случай сравнить съ создавшеюся потомъ жизнью,—такъ именно и вспоминали ее, какъ очень простую, почти патріархальную, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень твердую; семейныя начала тогда имѣли большую силу; иноземцы отмѣчали какъ общій фактъ чрезвычайно сильную и искреннюю любовь русскихъ къ женамъ и дѣтямъ; старшіе пользовались большимъ почетомъ и уваженіемъ, семейныя связи были очень прочны и если родные не были между собою въ ссорѣ, то жили чрезвычайно дружно, чрезвычайно близко принимали къ сердцу интересы другъ друга [2])—индифферентность, холодность

эта заключаетъ въ себѣ извлеченіе и пересказъ записокъ священника Іоанна Матусевича и скорѣе всего она есть именно матеріалъ; тѣмъ непонятнѣе восклицаніе: „Вотъ во что обходилось крестьянину спасеніе души!"—то-есть, содержаніе церкви и причта, дѣлаемое г. Семевскимъ послѣ разчета, что крестьянинъ платилъ на это въ годъ по 45 к. съ души, слѣдовательно съ семьи въ четыре души м. п. 1 р. 80 к.; г. Семевскій самъ же долженъ въ этой статьѣ отмѣчать, что священникъ жилъ очень бѣдно, бралъ за требы иногда даже ниже синодской таксы, что каждое приношеніе было вполнѣ добровольнымъ, не вымогалось священникомъ, который былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ съ крестьянами; положительно недоумѣваешь: что значитъ это восклицаніе и къ чему или къ кому оно относится: къ священнику ли, къ крестьянамъ ли, или еще къ чему-нибудь другому?

[1]) *Болотовъ*, III, 47; *Добрынинъ*, 286.

[2]) *И. И. Дмитріевъ*, Взглядъ на мою жизнь, М. 1866. 20—21; *Батенковъ*, *Р. А.* 1881, т. II, 254—255: „Старая жизнь! я помню ее еще во всей ея цѣлости. Простота, безденежье, дешевизна, трудъ,—могучая, характерная жизнь"; „что представляетъ мнѣ сравненіе новой жизни со старой? одна была тверда, покойна; другая дѣятельна, безпрестанно стремится въ даль. безконечность; одна была ясна, другая свѣтлѣе..., тогда были ь государство,

въ отношеніяхъ были рѣдкостью; чувства непремѣнно опредѣленно выражались въ ту или другую сторону; типы вообще опредѣлялись тогда очень рѣзко, иногда можетъ быть, даже съ излишнею рѣзкостью и потому-то недостатки такъ рѣзко бросаются въ глаза при ознакомленіи съ источниками исторіи того времени; малая привычка къ обществу и общественной жизни содѣйствовала развитію типа людей или очень угрюмыхъ, нелюдимыхъ, или очень горячихъ, вспыльчивыхъ [1]); простота обстановки выработывала много людей скупыхъ, особенно часто встрѣчавшихся тогда въ средѣ дворянъ мелкихъ; случалось, напримѣръ, что хозяинъ самъ на столѣ солилъ кушанья, опасаясь довѣрить соль слугамъ, или что у человѣка очень не бѣднаго—едва набирали въ домѣ, чѣмъ накормить заѣзжаго [2]), хотя въ общемъ, какъ я уже говорилъ, было распространено гостепріимство; вообще, мы не можемъ не видѣть, что это жизнь, конечно, грубая, чуть не первобытная, но грубая она лишь въ смыслѣ отсутствія цивилизаціи, въ смыслѣ отсутствія малѣйшаго внѣшняго лоска, но никакъ не въ смыслѣ испорченности, развращенности—положительно, и Даниловъ, и Болотовъ, и Державинъ, и Добрынинъ, и Винскій и другіе, оставившіе свои мемуары—упоминаютъ о людяхъ развратныхъ или жестокихъ не чаще, чѣмъ и мы ихъ теперь видимъ; не вѣрно было бы предположеніе, что названные авторы были индифферентны къ такимъ фактамъ и не отмѣчали ихъ, если и встрѣчали—это доказывается тѣмъ, что они упоминаютъ о нихъ, хотя и рѣдко,

---

въ которомъ личность дышетъ какъ въ обширной средѣ, почти отрекаясь отъ себя самой.... Тогда нужно было на все позволеніе главы семейства, теперь начальства". Батенковъ былъ впослѣдствіи въ числѣ декабристовъ; онъ родился въ 1793 г., но въ Сибири—и по всѣмъ описаніямъ его видно, что тогдашняя жизнь тамъ была ближе всего къ жизни въ великорусскихъ губерніяхъ въ годахъ 60—70-хъ; иначе онъ не такъ бы и удивлялся разницѣ.—*Дримпельманъ*, *Русск. Арх.* 1881, I, 37: „Самый простой русскій питаетъ нѣжное чувство къ своей женѣ, и кому же неизвѣстно, какъ страстно любятъ они дѣтей своихъ?". *Кн. Шаховской*, 174—175; *Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство. 481 „Въ запискѣ о Малой Россіи" конца XVIII в. авторъ говоритъ: „Въ Малой Россіи такого дружелюбія и союза между родными нѣтъ, каковы у великорусскихъ дворянъ есть". Примѣры—*Фонъ-Визинъ*, Чистосердечное признаніе, Сочиненія, изд. 1866, 529—530 и *В. Хвостовъ*, Описаніе жизни, *Р. Арх.* 1870, 554.

[1]) *Татищевъ*, Духовная, по изд. 1885 г., 15, *Болотовъ*, II, 649 и др., „*Ни то, ни се*", 1769, 85—95.

[2]) *Винскій*, 90—91; *Болотовъ* I, 256; *Добрынинъ*, 200; довольно часто типъ скупого выводится и въ литературѣ XVIII в.

и еще болѣе самымъ тономъ ихъ разказа о подобныхъ фактахъ. Винскій, напримѣръ, говоритъ, что выпивать, даже довольно много, считалось тогда ни за что, но прибавляетъ, что тѣмъ не менѣе настоящіе пьяницы попадались между дворянами рѣдко и были всѣми презираемы [1]); Болотовъ, который, правда, считалъ не только вполнѣ возможнымъ, но даже необходимымъ ударить и даже подвергнуть продолжительному строгому наказанію крѣпостнаго при нуждѣ [2])— только два раза [3]) говоритъ о постоянно жестокомъ обращеніи господъ со слугами, и изъ его разказа ясно, что такіе факты и тогда представлялись современникамъ фактами исключительными; и читая разказы, или чаще,—уголовныя дѣла, о подобныхъ жестокостяхъ, надо помнить, что современники „содрагались, услышавъ исторію сію и гнушались такимъ звѣрствомъ и семействомъ сихъ извергов, такъ что не хотѣли даже съ симъ домомъ имѣть знакомства никогда"; „на то ль", говорили они,—„даны намъ люди и подданные, чтобъ поступать съ ними столь безчеловѣчно!" [4]); надо помнить, что „явное распутство (молодыхъ людей) было строго наказываемо родителями", что „злодѣй, порочникъ, даже своевольникъ были у всѣхъ и каждаго въ омерзѣніи; начинающаго сочлена безпутствовать каждый отецъ семейства считалъ своимъ долгомъ уговаривать, оговаривать, стыдить, унимать и въ случаѣ неуспѣха въ томъ по крайней мѣрѣ искренно отвергать" [5]); особенно отмѣчаю, что и Болотовъ и Винскій говорятъ здѣсь не о себѣ лично, а безъ всякаго подчеркиванья, вполнѣ просто и естественно, описываютъ окружающее ихъ общество, высказываютъ тутъ не свое только отношеніе къ такимъ фактамъ, а отношеніе всего общества; что же важнѣе и что характеризуетъ большинство тогдашняго дворянства? нѣсколько ли единичныхъ случаевъ, или такія общія характеристики?

Къ этому времени относится и знаменитое, ужасное дѣло Салтычихи [6]); я не считаю нужнымъ повторять общеизвѣстные факты его—

---

[1]) *Винскій*, 90; *Аксаковъ*, 33.

[2]) *Болотовъ*, III, 434, 476; Путеводитель къ истинному человѣческому счастью (*Болотова*). М. 1789, III, 228—240.

[3]) *Болотовъ*, II, 746, 858.

[4]) *Болотовъ*, II, 746; почти дословно эти слова повторяются въ „Трутнѣ"— мѣсто это было уже нами выше приведено—*Трутень*, 1769 г., 148—149.

[5]) *Винскій*, 91.

[6]) Оно подробно и по подлинному дѣлу разказано въ статьѣ г. *Студенкина* „Салтычиха. 1730—1801". *Р. Ст.* X, 497—546.

они слишкомъ возмутительны; но мнѣ кажется, что Салтычиху должно считать не жестокою, или развратною женщиной—а просто женщиной безумною, одержимою особаго рода сумасшествіемъ или припадками умопомраченія; ея поведеніе представляетъ столько странностей, неровностей, столько прямыхъ противорѣчій, что такое заключеніе представляется мнѣ необходимымъ; она убивала большею частью за дурное мытье половъ или бѣлья—а когда подошелъ одинъ крѣпостной и смотрѣлъ, какъ она била кнутомъ дѣвку, загнавши ее позднею осенью въ прудъ, когда, слѣдовательно, можно бы предположить, она была очень раздражена—она просто говоритъ ему: уходи, тебѣ это не пригоже смотрѣть; когда крестьяне, посланные ею убить ея бывшаго любовника, возвращались нѣсколько разъ ничего не сдѣлавши—она опять-таки вовсе ихъ не наказываетъ и снова посылаетъ ихъ же; самый способъ убійствъ, примѣнявшійся ею—заколачиваніе до смерти палкой или полѣномъ, притомъ вовсе не въ минуту сильнаго гнѣва, а медленно, иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней,—столь ужасенъ, столь тягостное, просто уже по медленности своей, не можетъ не произвести впечатлѣніе на человѣка даже звѣрски злого, но сохраняющаго хоть каплю человѣческаго разсудка—что сумасшествіе Салтычихи кажется мнѣ положительно несомнѣннымъ; наконецъ, самое поведеніе ея въ ея ужасномъ заключеніи—не есть ли это поведеніе совершенно животнаго? Гораздо ужаснѣе даже многихъ убійствъ, произведенныхъ сумасшедшимъ, это то, что находились люди, по видимому, знавшіе, что творила Салтычиха, но покрывавшіе ея убійства; вотъ это дѣйствительно ужасно—если только допустить, что они знали точно, а не по какимъ-то неопредѣленнымъ слухамъ, казавшимся имъ совершенно невѣроятными; что Салтычихѣ возможность творить ея звѣрства дало крѣпостное право—это несомнѣнно; но намъ кажется, что въ наше время излишне и странно даже по такому поводу распространяться о его вредѣ и несправедливости. Какъ ни ужасны подробности исторіи Салтычихи, онѣ, несомнѣнно, рисуютъ фактъ совершенно исключительный, совершенно выходящій изъ ряду вонъ и единственный въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и среди милліоновъ людей; столь же исключительны были и другіе факты большой жестокости и разврата—на сколько можно безпристрастно понять тогдашнихъ людей изъ многочисленныхъ ихъ записокъ, писанныхъ почти всегда и не для печати, считать такихъ ужасныхъ людей, а тѣмъ болѣе—людей, почти несомнѣнно, умалишенныхъ—сколько-ни-

будь типичными представителями того вѣка — это самый несправедливый поклепъ на общество, ни мало не заслужившее такого оскорбленія; съ такимъ точно правомъ могъ бы, напримѣръ, какой-нибудь иностранецъ считать каждаго изъ насъ способнымъ на тѣ самые ужасные поступки, которые мы разказывали бы ему съ негодованіемъ и возмущаясь....

Какъ я уже упомянулъ выше, тогда свадьба, похороны были цѣлымъ событіемъ для окружающаго населенія, привлекавшимъ надолго общее вниманіе и общіе разговоры; сейчасъ же являлось множество лицъ, желавшихъ такъ или иначе принять хоть какое-нибудь участіе въ этихъ событіяхъ, и этимъ, мнѣ кажется, надо объяснять тотъ фактъ, что и раньше, и въ это время, и даже еще лѣтъ 25 спустя, случалось, что совершенно постороннее лицо вдругъ мѣшается въ чье-нибудь сватовство и старается его „разбить", какъ тогда говорили, иногда совершенно безкорыстно, на основаніи однихъ, такъ сказать, фантазій; точно также общее вниманіе привлекала и смерть кого-нибудь, и потому точно также существовалъ обычай пышныхъ похоронъ; впрочемъ, подробнаго описанія ихъ я не встрѣчалъ; можно отмѣтить, что тогда помѣщиковъ и членовъ ихъ семейства обыкновенно хоронили въ самой церкви [1]); обряды же сватовства и женидьбы описаны довольно подробно и заслуживаютъ нѣкотораго вниманія.

Сватовство начиналось обыкновенно черезъ свахъ; женихъ имѣлъ большею частью лѣтъ около 25, а невѣсты бывали иногда четырнадцати, и даже тринадцати лѣтъ, такъ что даже по выходѣ замужъ играли еще въ куклы; женились часто вовсе не знакомые, но я не видалъ ни разу упоминанія о выдачѣ замужъ противъ воли. Послѣ неофиціальнаго согласія обѣихъ сторонъ устраивались смотрины, то-есть, пріѣзжалъ женихъ и нѣсколько времени видѣлъ невѣсту, которая почти всегда „по обыкновенію невѣстъ" ничего не говорила, у общихъ знакомыхъ или въ церкви; затѣмъ слѣдовалъ формальный сговоръ, съ молебномъ и обѣдомъ, въ домѣ невѣсты: женихъ, въ сопровожденіи почетныхъ гостей, пріѣзжалъ въ домъ невѣсты, его старшій спутникъ дѣлалъ формальное предложеніе, и ему давали отвѣтъ „по обыкновенной формѣ", но самыхъ формальныхъ словъ я не встрѣчалъ; затѣмъ вводили невѣсту, священникъ совершалъ обрядъ обрученія, обру-

---

[1]) *Татищевъ*, Духовная, въ самомъ началѣ; Разказы бабушки, *Благово*, 58.

ченныхъ затѣмъ поздравляли, съ поцѣлуями, и шли за обѣдъ. Отказаться послѣ сговора значило опозорить себя; жениться безъ соблюденія указанныхъ обрядовъ тоже считалось предосудительнымъ и неприличнымъ; впослѣдствіи, на то и другое стали смотрѣть уже гораздо легче. Въ описываемое время свадьбы справлялись еще очень просто, сравнительно съ тою роскошью, какою начали обставлять ихъ въ концѣ XVIII вѣка; приданое подробно опредѣлялось такъ-называемою „рядною записью"; на канунѣ вѣнчанія приданое, въ томъ числѣ и брачную постель, привозили въ домъ жениха и вносили въ комнаты съ особыми обрядами, на коврахъ; церемонія эта всѣхъ очень интересовала. Обрядъ вѣнчанія совершался въ церкви ближайшей къ домамъ жениха и невѣсты; невѣсты надѣвали тогда вѣнокъ не изъ флердоранжа, а изъ красныхъ розъ. По совершеніи обряда ѣхали въ домъ жениха, при чемъ дорогу для болѣе состоятельныхъ людей освѣщали горящими смоляными бочками. Въ то время въ деревняхъ кареты были еще рѣдкостью, но сколько-нибудь порядочный женихъ старался непремѣнно достать карету, также какую-нибудь музыку, которая тогда тоже бывала еще въ очень немногихъ домахъ и состояла изъ двухъ, трехъ человѣкъ, кое-какъ игравшихъ на „скрипочкахъ". Музыка встрѣчала свадебный поѣздъ и играла во все время вечера и ужина, за исключеніемъ только того момента, когда молодые прикладывались къ образамъ при входѣ въ домъ. Свадебный ужинъ всегда былъ по возможности изобиленъ и вкусенъ, но ѣли мало, а все больше пили здоровье молодыхъ; у небогатыхъ людей въ то время лакеевъ еще не было, и раздавалъ кушанья, заранѣе уже поставленныя на столъ, младшій изъ гостей. Послѣ ужина шли за такъ-называемые „сахары", то-есть, къ столу, уставленному вареньями, конфектами, фруктами, преимущественно же ягодами и орѣхами. Послѣ того, „по извѣстному древнему и глупѣйшему обыкновенію", гости, ночевавшіе у жениха, а такихъ было не мало, ложились спать только уже послѣ поздравленія новобрачной „съ опорожниваніями всѣми покаловъ и изъявленіями радости"; этотъ обычай отчасти сохранялся и впослѣдствіи; родителей невѣсты, не бывавшихъ ни въ церкви, ни на свадебномъ ужинѣ, немедленно извѣщали о „благополучномъ окончаніи", и у нихъ сейчасъ же пили здоровье молодыхъ; на другой день мужъ пріѣзжалъ къ нимъ благодарить за содержаніе и воспитаніе его молодой жены и пригласить на такъ-называемый „княжой пиръ"; затѣмъ бывалъ пиръ у родителей

жизни въ деревняхъ, священники, хотя тоже въ общемъ улучшившіеся, утратили свое вліяніе и стали сами смотрѣть на дворянъ скорѣе какъ на господъ, чѣмъ какъ на равныхъ, ѣздили къ нимъ не въ гости уже, а на поклонъ; дворяне, съ своей стороны, стали относиться къ духовенству какъ къ низшимъ, а не какъ къ равнымъ [1]); но и относительно духовенства должно имѣть въ виду то же, что̀ и относительно дворянства—и тутъ, какъ тамъ, грубость жизни несомнѣнна, но эта грубость есть отсутствіе всякой цивилизаціи, а не развращенность, не испорченность; ничего, что̀ заставляло бы признать какъ господствующій фактъ испорченность духовенства—нѣтъ въ матеріалахъ, рисующихъ намъ жизнь его достаточно ясно.

Такова была тогда жизнь небогатыхъ помѣщиковъ; она отличалась, какъ видимъ, крайнею простотою; всѣ, которые ее помнили и имѣли случай сравнить съ создавшеюся потомъ жизнью,—такъ именно и вспоминали ее, какъ очень простую, почти патріархальную, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень твердую; семейныя начала тогда имѣли большую силу; иноземцы отмѣчали какъ общій фактъ чрезвычайно сильную и искреннюю любовь русскихъ къ женамъ и дѣтямъ; старшіе пользовались большимъ почетомъ и уваженіемъ, семейныя связи были очень прочны и если родные не были между собою въ ссорѣ, то жили чрезвычайно дружно, чрезвычайно близко принимали къ сердцу интересы другъ друга [2])—индифферентность, холодность

эта заключаетъ въ себѣ извлеченіе и пересказъ записокъ священника Іоанна Матусевича и скорѣе всего она есть именно матеріалъ; тѣмъ непонятнѣе восклицаніе: „Вотъ во что обходилось крестьянину спасеніе души!"—то-есть, содержаніе церкви и причта, дѣлаемое г. Семевскимъ послѣ разчета, что крестьянинъ платилъ на это въ годъ по 45 к. съ души, слѣдовательно съ семьи въ четыре души м. п. 1 р. 80 к.; г. Семевскій самъ же долженъ въ этой статьѣ отмѣчать, что священникъ жилъ очень бѣдно, бралъ за требы иногда даже ниже синодской таксы, что каждое приношеніе было вполнѣ добровольнымъ, не вымогалось священникомъ, который былъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ съ крестьянами; положительно недоумѣваешь: что значитъ это восклицаніе и къ чему или къ кому оно относится: къ священнику ли, къ крестьянамъ ли, или еще къ чему-нибудь другому?

[1]) *Болотовъ*, III, 47; *Добрынинъ*, 286.

[2]) *И. И. Дмитріевъ*, Взглядъ на мою жизнь, М. 1866. 20—21; *Батенковъ*, *Р. А.* 1881, т. II, 254—255: „Старая жизнь! я помню ее еще во всей ея цѣлости. Простота, безденежье, дешевизна, трудъ,—могучая, характерная жизнь"; „что представляетъ мнѣ сравненіе новой жизни со старой? одна была тверда, покойна; другая дѣятельна, безпрестанно стремится въ даль, безконечность; одна была ясна, другая свѣтлѣе..., тогда были города, въ нихъ семьи; теперь государство,

въ отношеніяхъ были рѣдкостью; чувства непремѣнно опредѣленно выражались въ ту или другую сторону; типы вообще опредѣлялись тогда очень рѣзко, иногда можетъ быть, даже съ излишнею рѣзкостью и потому-то недостатки такъ рѣзко бросаются въ глаза при ознакомленіи съ источниками исторіи того времени; малая привычка къ обществу и общественной жизни содѣйствовала развитію типа людей или очень угрюмыхъ, нелюдимыхъ, или очень горячихъ, вспыльчивыхъ [1]); простота обстановки выработывала много людей скупыхъ, особенно часто встрѣчавшихся тогда въ средѣ дворянъ мелкихъ; случалось, напримѣръ, что хозяинъ самъ на столѣ солилъ кушанья, опасаясь довѣрить соль слугамъ, или что у человѣка очень не бѣднаго—едва набирали въ домѣ, чѣмъ накормить заѣзжаго [2]), хотя въ общемъ, какъ я уже говорилъ, было распространено гостепріимство; вообще, мы не можемъ не видѣть, что это жизнь, конечно, грубая, чуть не первобытная, но грубая она лишь въ смыслѣ отсутствія цивилизаціи, въ смыслѣ отсутствія малѣйшаго внѣшняго лоска, но никакъ не въ смыслѣ испорченности, развращенности—положительно, и Даниловъ, и Болотовъ, и Державинъ, и Добрынинъ, и Винскій и другіе, оставившіе свои мемуары—упоминаютъ о людяхъ развратныхъ или жестокихъ не чаще, чѣмъ и мы ихъ теперь видимъ; не вѣрно было бы предположеніе, что названные авторы были индифферентны къ такимъ фактамъ и не отмѣчали ихъ, если и встрѣчали—это доказывается тѣмъ, что они упоминаютъ о нихъ, хотя и рѣдко,

---

въ которомъ личность дышетъ какъ въ обширной средѣ, почти отрекаясь отъ себя самой.... Тогда нужно было на все позволеніе главы семейства, теперь начальства". Батенковъ былъ впослѣдствіи въ числѣ декабристовъ; онъ родился въ 1793 г., но въ Сибири—и по всѣмъ описаніямъ его видно, что тогдашняя жизнь тамъ была ближе всего къ жизни въ великорусскихъ губерніяхъ въ годахъ 60—70-хъ; иначе онъ не такъ бы и удивлялся разницѣ.—*Дримпельманъ*, *Русск. Арх.* 1881, I, 37: „Самый простой русскій питаетъ нѣжное чувство къ своей женѣ, и кому же неизвѣстно, какъ страстно любятъ они дѣтей своихъ?". *Кн. Шаховской*, 174—175; *Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство, 481 „Въ запискѣ о Малой Россіи" конца XVIII в. авторъ говоритъ: „Въ Малой Россіи такого дружелюбія и союза между родными нѣтъ, каковы у великорусскихъ дворянъ есть". Примѣры—*Фонъ-Визинъ*, Чистосердечное признаніе, Сочиненія, изд. 1866, 529—530 и *В. Хвостовъ*, Описаніе жизни, *Р. Арх.* 1870, 554.

[1]) *Татищевъ*, Духовная, по изд. 1885 г., 15, *Болотовъ*, II, 649 и др., „*Ни то, ни се*", 1769, 85—95.

[2]) *Винскій*, 90—91; *Болотовъ* I, 256; *Добрынинъ*, 200; довольно часто типъ скупого выводится и въ литературѣ XVIII в.

и еще болѣе самымъ тономъ ихъ разказа о подобныхъ фактахъ. Винскій, напримѣръ, говоритъ, что выпивать, даже довольно много, считалось тогда ни за что, но прибавляетъ, что тѣмъ не менѣе настоящіе пьяницы попадались между дворянами рѣдко и были всѣми презираемы [1]); Болотовъ, который, правда, считалъ не только вполнѣ возможнымъ, но даже необходимымъ ударить и даже подвергнуть продолжительному строгому наказанію крѣпостного при нуждѣ [2])— только два раза [3]) говоритъ о постоянно жестокомъ обращеніи господъ со слугами, и изъ его разказа ясно, что такіе факты и тогда представлялись современникамъ фактами исключительными; и читая разказы, или чаще,—уголовныя дѣла, о подобныхъ жестокостяхъ, надо помнить, что современники „содрагались, услышавъ исторію сію и гнушались такимъ звѣрствомъ и семействомъ сихъ извергов, такъ что не хотѣли даже съ симъ домомъ имѣть знакомства никогда"; „на то ль", говорили они,—„даны намъ люди и подданные, чтобъ поступать съ ними столь безчеловѣчно!" [4]); надо помнить, что „явное распутство (молодыхъ людей) было строго наказываемо родителями", что „злодѣй, порочникъ, даже своевольникъ были у всѣхъ и каждаго въ омерзѣніи; начинающаго сочлена безпутствовать каждый отецъ семейства считалъ своимъ долгомъ уговаривать, оговаривать, стыдить, унимать и въ случаѣ неуспѣха въ томъ по крайней мѣрѣ искренно отвергать" [5]); особенно отмѣчаю, что и Болотовъ и Винскій говорятъ здѣсь не о себѣ лично, а безъ всякаго подчеркиванья, вполнѣ просто и естественно, описываютъ окружающее ихъ общество, высказываютъ тутъ не свое только отношеніе къ такимъ фактамъ, а отношеніе всего общества; что же важнѣе и что характеризуетъ большинство тогдашняго дворянства? нѣсколько ли единичныхъ случаевъ, или такія общія характеристики?

Къ этому времени относится и знаменитое, ужасное дѣло Салтычихи [6]); я не считаю нужнымъ повторять общеизвѣстные факты его—

---

[1]) *Винскій*, 90; *Аксаковъ*, 33.

[2]) *Болотовъ*, III, 434, 476; Путеводитель къ истинному человѣческому счастью (*Болотова*). М. 1789, III, 228—240.

[3]) *Болотовъ*, II, 746, 858.

[4]) *Болотовъ*, II, 746; почти дословно эти слова повторяются въ „Трутнѣ"— мѣсто это было уже нами выше приведено—*Трутень*, 1769 г., 148—149.

[5]) *Винскій*, 91.

[6]) Оно подробно и по подлинному дѣлу разказано въ статьѣ г. *Студенкина* „Салтычиха. 1730—1801". *Р. Ст.* X, 497—546.

они слишкомъ возмутительны; но мнѣ кажется, что Салтычиху должно считать не жестокою, или развратною женщиной—а просто женщиной безумною, одержимою особаго рода сумасшествіемъ или припадками умопомраченія; ея поведеніе представляетъ столько странностей, неровностей, столько прямыхъ противорѣчій, что такое заключеніе представляется мнѣ необходимымъ; она убивала большею частью за дурное мытье половъ или бѣлья—а когда подошелъ одинъ крѣпостной и смотрѣлъ, какъ она била кнутомъ дѣвку, загнавши ее позднею осенью въ прудъ, когда, слѣдовательно, можно бы предположить, она была очень раздражена—она просто говоритъ ему: уходи, тебѣ это не пригоже смотрѣть; когда крестьяне, посланные ею убить ея бывшаго любовника, возвращались нѣсколько разъ ничего не сдѣлавши—она опять-таки вовсе ихъ не наказываетъ и снова посылаетъ ихъ же; самый способъ убійствъ, примѣнявшійся ею—заколачиваніе до смерти палкой или полѣномъ, притомъ вовсе не въ минуту сильнаго гнѣва, а медленно, иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней,—столь ужасенъ, столь тягостное, просто уже по медленности своей, не можетъ не произвести впечатлѣніе на человѣка даже звѣрски злого, но сохраняющаго хоть каплю человѣческаго разсудка—что сумасшествіе Салтычихи кажется мнѣ положительно несомнѣннымъ; наконецъ, самое поведеніе ея въ ея ужасномъ заключеніи—не есть ли это поведеніе совершенно животнаго? Гораздо ужаснѣе даже многихъ убійствъ, произведенныхъ сумасшедшимъ, это то, что находились люди, по видимому, знавшіе, что творила Салтычиха, но покрывавшіе ея убійства; вотъ это дѣйствительно ужасно—если только допустить, что они знали точно, а не по какимъ-то неопредѣленнымъ слухамъ, казавшимся имъ совершенно невѣроятными; что Салтычихѣ возможность творить ея звѣрства дало крѣпостное право—это несомнѣнно; но намъ кажется, что въ наше время излишне и странно даже по такому поводу распространяться о его вредѣ и несправедливости. Какъ ни ужасны подробности исторіи Салтычихи, онѣ, несомнѣнно, рисуютъ фактъ совершенно исключительный, совершенно выходящій изъ ряду вонъ и единственный въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и среди милліоновъ людей; столь же исключительны были и другіе факты большой жестокости и разврата—на сколько можно безпристрастно понять тогдашнихъ людей изъ многочисленныхъ ихъ записокъ, писанныхъ почти всегда и не для печати, считать такихъ ужасныхъ людей, а тѣмъ болѣе—людей, почти несомнѣнно, умалишенныхъ—сколько-ни-

будь типичными представителями того вѣка — это самый несправедливый поклепъ на общество, ни мало не заслужившее такого оскорбленія; съ такимъ точно правомъ могъ бы, напримѣръ, какой-нибудь иностранецъ считать каждаго изъ насъ способнымъ на тѣ самые ужасные поступки, которые мы разказывали бы ему съ негодованіемъ и возмущаясь....

Какъ я уже упомянулъ выше, тогда свадьба, похороны были цѣлымъ событіемъ для окружающаго населенія, привлекавшимъ надолго общее вниманіе и общіе разговоры; сейчасъ же являлось множество лицъ, желавшихъ такъ или иначе принять хоть какое-нибудь участіе въ этихъ событіяхъ, и этимъ, мнѣ кажется, надо объяснять тотъ фактъ, что и раньше, и въ это время, и даже еще лѣтъ 25 спустя, случалось, что совершенно постороннее лицо вдругъ мѣшается въ чье-нибудь сватовство и старается его „разбить", какъ тогда говорили, иногда совершенно безкорыстно, на основаніи однихъ, такъ сказать, фантазій; точно также общее вниманіе привлекала и смерть кого-нибудь, и потому точно также существовалъ обычай пышныхъ похоронъ; впрочемъ, подробнаго описанія ихъ я не встрѣчалъ; можно отмѣтить, что тогда помѣщиковъ и членовъ ихъ семейства обыкновенно хоронили въ самой церкви [1]); обряды же сватовства и женидьбы описаны довольно подробно и заслуживаютъ нѣкотораго вниманія.

Сватовство начиналось обыкновенно черезъ свахъ; женихъ имѣлъ большею частью лѣтъ около 25, а невѣсты бывали иногда четырнадцати, и даже тринадцати лѣтъ, такъ что даже по выходѣ замужъ играли еще въ куклы; женились часто вовсе не знакомые, но я не видалъ ни разу упоминанія о выдачѣ замужъ противъ воли. Послѣ неофиціальнаго согласія обѣихъ сторонъ устраивались смотрины, то-есть, пріѣзжалъ женихъ и нѣсколько времени видѣлъ невѣсту, которая почти всегда „по обыкновенію невѣстъ" ничего не говорила, у общихъ знакомыхъ или въ церкви; затѣмъ слѣдовалъ формальный сговоръ, съ молебномъ и обѣдомъ, въ домѣ невѣсты: женихъ, въ сопровожденіи почетныхъ гостей, пріѣзжалъ въ домъ невѣсты, его старшій спутникъ дѣлалъ формальное предложеніе, и ему давали отвѣтъ „по обыкновенной формѣ", но самыхъ формальныхъ словъ я не встрѣчалъ; затѣмъ вводили невѣсту, священникъ совершалъ обрядъ обрученія, обру-

---

[1]) *Татищевъ*, Духовная, въ самомъ началѣ; Разказы бабушки, *Благово*, 58.

ченныхъ затѣмъ поздравляли, съ поцѣлуями, и шли за обѣдъ. Отказаться послѣ сговора значило опозорить себя; жениться безъ соблюденія указанныхъ обрядовъ тоже считалось предосудительнымъ и неприличнымъ; впослѣдствіи, на то и другое стали смотрѣть уже гораздо легче. Въ описываемое время свадьбы справлялись еще очень просто, сравнительно съ тою роскошью, какою начали обставлять ихъ въ концѣ XVIII вѣка; приданое подробно опредѣлялось такъ-называемою „рядною записью"; на канунѣ вѣнчанія приданое, въ томъ числѣ и брачную постель, привозили въ домъ жениха и вносили въ комнаты съ особыми обрядами, на коврахъ; церемонія эта всѣхъ очень интересовала. Обрядъ вѣнчанія совершался въ церкви ближайшей къ домамъ жениха и невѣсты; невѣсты надѣвали тогда вѣнокъ не изъ флердоранжа, а изъ красныхъ розъ. По совершеніи обряда ѣхали въ домъ жениха, при чемъ дорогу для болѣе состоятельныхъ людей освѣщали горящими смоляными бочками. Въ то время въ деревняхъ кареты были еще рѣдкостью, но сколько-нибудь порядочный женихъ старался непремѣнно достать карету, также какую-нибудь музыку, которая тогда тоже бывала еще въ очень немногихъ домахъ и состояла изъ двухъ, трехъ человѣкъ, кое-какъ игравшихъ на „скрипочкахъ". Музыка встрѣчала свадебный поѣздъ и играла во все время вечера и ужина, за исключеніемъ только того момента, когда молодые прикладывались къ образамъ при входѣ въ домъ. Свадебный ужинъ всегда былъ по возможности изобиленъ и вкусенъ, но ѣли мало, а все больше пили здоровье молодыхъ; у небогатыхъ людей въ то время лакеевъ еще не было, и раздавалъ кушанья, заранѣе уже поставленныя на столъ, младшій изъ гостей. Послѣ ужина шли за такъ-называемые „сахары", то-есть, къ столу, уставленному вареньями, конфектами, фруктами, преимущественно же ягодами и орѣхами. Послѣ того, „по извѣстному древнему и глупѣйшему обыкновенію", гости, ночевавшіе у жениха, а такихъ было не мало, ложились спать только уже послѣ поздравленія новобрачной „съ опорожниваніями всѣми покаловъ и изъявленіями радости"; этотъ обычай отчасти сохранялся и впослѣдствіи; родителей невѣсты, не бывшихъ ни въ церкви, ни на свадебномъ ужинѣ, немедленно извѣщали о „благополучномъ окончаніи", и у нихъ сейчасъ же пили здоровье молодыхъ; на другой день мужъ пріѣзжалъ къ нимъ благодарить за содержаніе и воспитаніе его молодой жены и пригласить на такъ-называемый „княжой пиръ"; затѣмъ бывалъ пиръ у родителей

невѣсты, и молодые объѣзжали всѣхъ знакомыхъ, бывшихъ на ихъ свадьбѣ [1]).

Когда рождались дочери, то очень многіе были имъ не рады: что въ нихъ, говорили они, вѣдь онѣ смотрятъ не въ домъ, а изъ дому. Для сохраненія жизни слабыхъ новорожденныхъ иногда принимались какія-то странныя мѣры; такъ, напримѣръ, Державинъ разказываетъ, что его вскорѣ послѣ рожденія какъ-то „запекали въ хлѣбъ, чтобы придать хоть сколько-нибудь живости“ [2]), такъ какъ онъ былъ чрезвычайно слабъ. До средины XVIII вѣка еще встрѣчался иногда обычай, столь распространенный въ Московской Руси, звать человѣка не тѣмъ именемъ, какимъ крестили, а совершенно другимъ; такъ, напримѣръ, Энгельгардта крестили Харлампіемъ, а звали потомъ Львомъ; есть и другіе такіе примѣры [3]); въ обычаѣ также было, что одно и то же лицо крестило всѣхъ дѣтей у какого-нибудь хорошаго своего знакомаго; обычай этотъ мѣстами удерживался сравнительно еще очень недавно; крестины обыкновенно сопровождались большимъ пиромъ; часто также бывало у одного ребенка по два отца крестныхъ и по двѣ матери крестныхъ [4]). Нужно еще также отмѣтить, что большею частью родители тогда относились почти равнодушно къ смерти своихъ малолѣтнихъ дѣтей, считая, что это Богъ беретъ ихъ къ Себѣ, пока они еще не нагрѣшили,—а тогда дѣти умирали въ младенчествѣ гораздо больше, чѣмъ теперь: тогда ежегодно осенью и весной съ большою силою повсемѣстно свирѣпствовали заразныя болѣзни—лихорадки, горячки, особенно оспа, и противъ нихъ почти не знали средствъ [5]).

По многимъ описаніямъ и разказамъ мы можемъ съ достаточною полнотою воспроизвести тогдашнее воспитаніе и обученіе дѣтей. Можно сказать, что тогда какихъ-либо теоретическихъ, болѣе или менѣе общепринятыхъ способовъ воспитанія не было еще выработано,—различія же, всюду неизбѣжныя вслѣдствіе различія взглядовъ роди-

---

[1]) *Болотовъ*, I, 38, 704; II, 310, 491, 522, 537—554; IV, 380, 1061; Памятникъ временъ протекшихъ, 86; Духовная, по изд, 1885, 10—12; Разказы бабушки, 46—47; 63—66; *Аксаковъ*, 37, 154; Ком. „О время“, Сочиненія *Екатерины II*, т. II, 48.

[2]) *Болотовъ*, II, 648; *Аксаковъ*, 3, *Державинъ*, 402.

[3]) *Энгельгардтъ*, 8; *Мордвиновъ*, Записки, С.-Пб. 1868, 6; *Даниловъ*, 7.

[4]) *Болотовъ*, II, 348, 649; IV, 233; I, 31.

[5]) *Болотовъ*, III, 197, 763, 1065; II, 649. Дѣтская Философія, I, 266 — 272; *Аксаковъ*, 183.

телей, проявлялись въ очень рѣзкой формѣ. Такъ, въ однихъ домахъ дѣтямъ „давалось слишкомъ много вольности, не употреблялось противъ нихъ ни малѣйшей строгости", и даже за явную дурную шалость наказывали не своего ребенка, а мальчика, взятаго ему въ товарищи, приговаривая своему сыну или внуку: не бойся, другъ мой, тебя я сѣчь никогда не буду [1]); или ужъ родители придерживались того взгляда, что „дѣти, воспитанныя въ строгости, болѣе наклонны будутъ къ добру", и держали ихъ въ строжайшемъ повиновеніи и страхѣ, за всякія шалости и проказы „наказанія розгами случались ежедневно, не рѣдко съ повтореніями и не обходя праздниковъ": иной день родители, „полѣнившись" сѣчь, поручали это кому-нибудь другому [2]); въ однихъ домахъ дѣтей ни мало не отучали отъ грубыхъ манеръ, грубыхъ отвѣтовъ, которымъ научались они частью у дворни, частью же у родныхъ или знакомыхъ, а въ другихъ дѣти не смѣли сѣсть при родителяхъ безъ позволенія, отвѣчали старшимъ не иначе, какъ вставши, и т. п. [3]). Та и другая крайность имѣла одинаковый результатъ: дѣти привыкали или не слушаться родителей, или не бояться и не стыдиться наказаній, привыкали къ лжи, упрямству, капризамъ, сами начинали бить прислугу, ничему не желали учиться, всѣхъ пересмѣивали; съ дѣтства, конечно, пугали ихъ Богомъ и букой, заставляли и молиться, но часто все религіозное воспитаніе ограничивалось тѣмъ, что ребенокъ „помотаетъ рукою да наболмошъ прочтетъ молитвы". Затѣмъ, подросши, дѣвушки цѣлые дни ничего не дѣлали, только смотрѣлись въ зеркало, думая о женихахъ, а мальчики все время проводили въ шалостяхъ, нерѣдко дикихъ и опасныхъ чуть не для жизни, играли въ чехарду и т. п. игры съ ребятами, „рѣзвились съ людьми", бѣгали постоянно къ нимъ въ людскую, лазили на голубятню, крали лакомства, допивали тихонько изъ рюмочекъ; подобныя занятія и общество крѣпостной прислуги имѣли слѣдствіемъ то, что въ такихъ домахъ парни лѣтъ 15—16, ничему не учившіеся, ничего не знавшіе, едва умѣвшіе читать, но здраво разсуждавшіе о свойствахъ лошади или борзой собаки, „отъ простыхъ шалостей посягали уже на дальнѣйшее и худшее",

---

[1]) *Болотовъ*, I, 33, 226; *Даниловъ*, 42—44.
[2]) Жизнь *А. С. Пишчевича*, имъ самимъ описанная, М. 1885, 12; *Винскій*, 82, 83.
[3]) *Энгельгардтъ*, 6; Дѣтская Философія, I, 29, 98—120; Разказы бабушки, 27, 28, 29.

„предавались порокамъ, свойственнымъ такому возрасту“, какъ находили тогда, но какъ, конечно, нельзя находить въ наше время, устраивали „разныя глупѣйшія игралищи съ отвратительнымъ сквернословіемъ“, носились по деревнѣ на лошадяхъ, угнанныхъ у работавшихъ на гумнѣ мужиковъ, и „орали во все горло глупѣйшія и вздорнѣйшія деревенскія пѣсни“, собирали зимою по ночамъ дворовыхъ и катались съ ними съ горъ, соединяя это съ разными непристойными шутками и т. п.; инымъ уже въ 13 лѣтъ происходилъ „большой вредъ касательно нравственности“. И такъ было еще при живыхъ родителяхъ, если они не умѣли съ самаго начала держать дѣтей въ послушаніи и внушать имъ добрыя правила, а у какихъ-нибудь старухъ-бабушекъ выростали и такіе молодчики, что били ихъ самихъ полѣньями, когда тѣ уговаривали ихъ оставить безобразія [1]). Воспитаніе при полномъ почти отсутствіи общества, на полной свободѣ, въ средѣ крѣпостныхъ, оказывалось вреднымъ еще въ одномъ отношеніи: дѣти становились или слишкомъ дикими, нелюдимыми, или еще чаще выростали крайне несдержанными, были „корыстолюбивы, рьяны, горячи, вспыльчивы и неуступчивы, завидливы, безъ малѣйшаго образованія душъ и просвѣщенія и потому не имѣющіе никакихъ благородныхъ склонностей и правилъ“; недостатокъ сдержанности въ молодыхъ людяхъ и, какъ причину его, недостатокъ общества при воспитаніи указывалъ еще Татищевъ; но долго еще существовала та же причина и производила то же слѣдствіе. Отъ излишней горячности, впрочемъ, молодые люди въ значительной степени отучались во время военной службы, которую они проходили непремѣнно въ строгомъ подчиненіи у многихъ; такое значеніе службы многіе сознавали тогда и выставляли его какъ доказательство неудобства отмѣнить обязательную службу, и въ этомъ отношеніи они были правы [2]). Вообще, какъ мы видимъ, тогдашнее воспитаніе представляло картину часто чрезвычайно печальную; это — то воспитаніе, которое вывелъ Фонъ-Визинъ

---

[1]) *Энгельгардтъ*, 6; *Болотовъ*, I, 243 — 244; Дѣтская Философія, I, 28 — 29, 130—135, 98, 21, *Болотовъ*, I, 244—249; *Пушкинъ*, IV, 205—207, *Болотовъ*, I, 226, 249, 240—241; *Энгельгардтъ*, 10; Дѣтская Философія, I, 98.

[2]) *Болотовъ*, I, 242—243; Инструкція о воспитаніи, *Р. Ст.* XXXI, 660; *Болотовъ*, II, 619; *Татищевъ*, Духовная, 15; слова объ этомъ же А. П. Волынскаго у *Романовича-Славатинскаго*, Дворянство, 187—188: „и недоученнаго меня по всѣмъ наукамъ, даже и по русской грамотѣ, родители рѣшили скорѣе отдать въ военную службу, приговаривая, какъ сейчасъ помню: „военная служба всему душа, тамъ всему выучатъ“. *Левшинъ*, Домашній памятникъ. *Р. Ст.*, т. VIII. 839.

въ „Недорослѣ“; только во время сочиненія „Недоросля“ Митрофанъ былъ уже, такъ-сказать, идеализаціей дурнаго воспитанія; но отъ середины XVIII вѣка мы имѣемъ прямыя свидѣтельства о томъ современниковъ, и по самому ихъ разказу видно, что они описываютъ не единичные случаи, а часто повторявшіеся, хотя уже и ненормальные въ ихъ глазахъ, и хотя люди, воспитанные такимъ образомъ, впослѣдствіи были далеко не въ числѣ лучшихъ изъ тогдашняго общества; надо, кромѣ того, не забывать, что дурное воспитаніе не было безусловно господствующимъ, но, такъ какъ вообще люди останавливаются съ большею подробностью, съ большею полнотою на томъ, что поражаетъ ихъ съ дурной стороны, — то мы не можемъ изобразить тогдашнее хорошее воспитаніе съ такою же полнотою, какъ дурное; но при всемъ томъ, мы можемъ положительно утверждать, что встрѣчалось не мало домовъ не только дворянъ состоятельныхъ, но и очень не богатыхъ, въ которыхъ умные родители умѣли выростить дѣтей не повѣсами, а внушая имъ добрыя правила и истинную, теплую религіозность, такъ что потомъ изъ нихъ выходили если и не очень развитые, то во всякомъ случаѣ очень честные, очень нравственные и искренно вѣрующіе люди, и религіозность сдерживала ихъ на долго отъ дурнаго. Такъ, не малый вѣсъ можетъ имѣть и слѣдующій, хотя бы и единичный, примѣръ: Н. И. Новиковъ, человѣкъ, дѣйствительно достойный быть предметомъ народной гордости, получилъ самое простое, домашнее воспитаніе и до конца жизни не зналъ ни одного иностраннаго языка; многіе и другіе, несомнѣнно хорошіе и развитые люди, хотя и не столь замѣчательные, какъ Новиковъ, съ благодарностью вспоминаютъ дѣтскія впечатлѣнія и родительскія наставленія [1]); кромѣ того, нельзя не признать вѣрнымъ и слѣдующаго замѣчанія: при всѣхъ своихъ важныхъ недостаткахъ такое воспитаніе вблизи народа, жизнь съ народомъ въ раннемъ дѣтствѣ оказывали благотворное вліяніе въ томъ смыслѣ, что твердо и живо оставалось въ человѣкѣ чувство народности; внѣшнюю грубость впослѣдствіи смывало дальнѣйшее ученіе или жизнь и служба, но глубокія впечатлѣнія дѣтства сохранялись, и они были народныя по преимуществу [2]).

---

[1]) *Лонгиновъ*, Новиковъ и московскіе мартинисты, 9: *Лопухинъ*, Записки, *Р. А.* 1884, № 1, 3; *В. Хвостовъ—Р. Арх.* 1870, 552; *Фонъ-Визинъ*, 530—533; *Болотовъ*, I, 118—119.

[2]) Кн. *П. А. Вяземскій*—„Фонъ-Визинъ“, Полн. собр. сочиненій, т. V, 17.

Рядомъ съ воспитаніемъ должно идти и ученіе дѣтей; до манифеста о вольности дворянства дѣло это было подъ ближайшимъ надзоромъ правительства, и собственно говоря, всѣ дворяне должны были учить своихъ дѣтей въ учрежденныхъ правительствомъ гарнизонныхъ училищахъ и затѣмъ въ корпусахъ; учить же дѣтей дома дозволялось только тѣмъ, которые имѣли опредѣленное количество душъ и которые поэтому считались въ состояніи нанять учителей, и тѣмъ, дѣти которыхъ обнаруживали особенно хорошія познанія; но все-таки и для учившихся дома дѣтей обязательны были явки на смотры къ лицамъ администраціи, смотря по мѣсту жительства— въ сенатъ, или къ губернаторамъ и воеводамъ—въ 7, 12, 16 и наконецъ 20 лѣтъ—для опредѣленія на службу; въ первую явку дѣти только записывались; затѣмъ, было опредѣлено, чему должно научиться между каждыми двумя явками, и слѣдующую отсрочку на домашнее образованіе получали только тѣ, которые на смотру удовлетворяли узаконненнымъ требованіямъ; за уклоненіе же отъ ученія и смотровъ грозила каторжная работа или ссылка въ Оренбургъ; были даже и случаи примѣненія этихъ наказаній [1]). Профессоръ Владимірскій-Будановъ справедливо замѣчаетъ, что дворянство бѣжало собственно не отъ ученья, а отъ этого рода службы, далеко не легкаго, не отъ школъ, а именно отъ этихъ смотровъ. Съ уничтоженіемъ этой обязательности образованія и съ улучшеніемъ, при Екатеринѣ II, учебныхъ заведеній сразу замѣчается переполненіе школъ, прежде, при принудительной системѣ, почти никогда не набиравшихъ установленнаго минимума [2]). И конечно, странно было бы обвинять тогдашнихъ людей, которые сами еще не были образованы, что они сразу не поняли всей пользы самого образованія, самого ученія, совершенно отдѣляя эту пользу отъ тѣхъ тяжелыхъ служебныхъ условій, съ которыми оно было тогда соединено; совершенно естественно, что среди людей вовсе не образованныхъ, иногда даже не грамотныхъ, образованіе не стало сразу потребностью, и было бы даже неестественно, еслибы было иначе. Нечего также

---

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, Государство и народное образованіе, 204—214; *Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство, 125—127.

[2]) *Владимірскій-Будановъ*, Государство и нар. образованіе, 240—242; „Ходячая мысль“, говоритъ авторъ,—„о противоестественномъ отвращеніи отъ образованія въ цѣломъ народѣ, эта мысль (плодъ нашего подчиненія чужимъ мнѣніямъ) должна быть отброшена, какъ совершенно негодная и несогласная ни съ самыми общеизвѣстными законами психологіи, ни съ фактами“, 240.

удивляться и ничтожнымъ почти размѣрамъ тогдашнихъ требованій: тогда такъ трудно было найдти учителей, что и имъ удовлетворять было очень не легко.

Учить мальчиковъ начинали обыкновенно лѣтъ съ семи, но иногда и съ пяти и даже съ четырехъ; первоначально ученіемъ завѣдывалъ или кто-нибудь изъ домашнихъ, или дядька крѣпостной; тутъ дальше грамоты не шло, иногда и на нее употреблялось времени до двухъ лѣтъ; обыкновенно, съ множествомъ всевозможныхъ праздниковъ, въ году было едва ли болѣе ста учебныхъ дней [1]); затѣмъ нанимали какого-нибудь священника, дьячка или пономаря, иногда, наконецъ, отдавали въ женскій монастырь; тутъ учили дѣтей сначала еще тоже по букварю, потомъ по псалтыри и часослову, начинали и писать— у иныхъ учителей сначала мѣломъ на обожженной дощечкѣ, а потомъ уже на бумагѣ; нѣкоторые учились и церковному пѣнію; случалось, что дѣти же должны были исполнять для своего учителя разныя мелкія порученія—ловить рыбу, собирать ягоды, грибы и т. п. [2]). Обыкновенно такіе наставники, сами прошедшіе суровую школу въ духовныхъ училищахъ, считали розги вѣрнѣйшимъ и даже необходимымъ средствомъ возбуждать охоту къ ученію и сѣкли своихъ учениковъ, иные постоянно, за малѣйшую ошибку въ урокѣ, другіе по субботамъ, меньше—тѣхъ, родители которыхъ догадывались имъ что нибудь прислать, больше—тѣхъ, матери которыхъ не понимали, что нужны приношенія или были бѣдны, или, наконецъ, сами сочувствовали примѣненію розогъ [3]).

Но у духовныхъ можно было выучиться обыкновенно только грамотѣ: въ духовныхъ школахъ больше ничего изъ тѣхъ знаній, которыя были по тогдашнимъ требованіямъ обязательны для дворянина, то-есть, не только геометріи, геодезіи и фортификаціи, но даже ариѳметики, не преподавалось, такъ что семинаристы считали чуть не по пальцамъ [4]); поэтому, родители, желавшіе держать дѣтей при себѣ и послѣ втораго смотра, то-есть, отъ 12 до 16 лѣтъ, старались подыскать дальше какого-нибудь учителя. Разныхъ пансіоновъ по городамъ, которые завелись позже въ довольно большомъ числѣ, тогда

[1]) *Фонъ-Визинъ*, 530; *Державинъ*, 402; *Лопухинъ*, 3; *Энгельгардтъ*, 5; *Шевырева*, Исторія Московскаго Университета, М. 1855, 60—61.

[2]) *Даниловъ*, 40—42; *В. Хвостовъ*, 562; *Энгельгардтъ*, 5; *Державинъ*, 402; *Винскій*, 81; *Тимковскій*, 1383—1387.

[3]) *Даниловъ*, 40—42; *Батенковъ*, 265; *Винскій*, 81—82.

[4]) *Знаменскій*, Духовныя школы, 436—454; *Винскій*, 85.

еще не было вовсе, и добыть учителя было очень не легко; найдти возможность учиться ариѳметикѣ, геометріи и черченію у какого-нибудь артиллеріи штыкъ-юнкера, гарнизоннаго школьника (то-есть, ученика гарнизонной школы) было уже удачею, хотя часто они учили безъ всякихъ объясненій и правилъ, не могли растолковать ученику ни одной задачи, такъ что ученикъ писалъ наугадъ разныя цифры и робко подавалъ свое писаніе, а тогда такой учитель осыпалъ ребенка бранью, стиралъ съ доски его цифры, ставилъ свои и приказывалъ переписать это въ тетрадь, которая показывалась отцу и т. п. [1]); въ домашніе учителя попадали, напримѣръ, или старичекъ дворянинъ, горькій пьяница, знавшій, да забывшій, ариѳметику и языки, или какой-нибудь человѣкъ „крайне злой", который дѣтей „сѣкалъ безъ милости"; болѣе уже достаточные нанимали какого-нибудь отставнаго поручика [2]). Для обученія дѣтей языкамъ родители должны были нести большіе расходы, и это стоило многихъ хлопотъ: иные за сравнительно очень дорогую для себя цѣну — рублей до 300 въ годъ, что составляло чуть не весь доходъ ихъ съ имѣнія деньгами, нанимали въ Москвѣ какого-нибудь нѣмца или француза, которому приходилось, вмѣстѣ съ ученьемъ дѣтей, помогать отцу въ присмотрѣ за хозяйствомъ, чтобы вознаградить за издерживаемыя на него деньги; часто приходилось довольствоваться даже очень плохими наставниками: напримѣръ, въ Оренбургѣ учителемъ былъ ссыльный каторжникъ, который училъ очень плохо, безалаберно и притомъ наказывалъ дѣтей „самыми мучительными и даже неблагопристойными штрафами", или попадалъ въ учителя какой-нибудь нѣмецъ унтеръ-офицеръ, который даже сына своего полковника сѣкъ чуть не до безпамятства и не за дѣйствительную вину, а лишь по подозрѣнію, что онъ списалъ, а не рѣшилъ задачу, а затѣмъ, опомнившись, самымъ униженнымъ образомъ просилъ у ребенка прощенія и обѣщанія не жаловаться [3]). Съ трудомъ вѣрится, что такъ было какихъ-нибудь 130 лѣтъ тому назадъ, и глядя на эти способы обученія, почти не возможно ожидать, что чрезъ какія-нибудь 30 лѣтъ произойдутъ такія замѣтныя улучшенія, и дѣйствительно удивляешься, но не тому, что мало и плохо учились и знали, а тому, что все-таки учились и даже развивали въ себѣ любовь къ ученію и стремленіе къ знаніямъ...

Описанные способы ученія примѣнялись и въ домахъ довольно

[1]) *Державинъ*, 406; *И. И. Дмитріевъ*, 13.
[2]) *Болотовъ*, I, 258—260; *Винскій*, 82; *Энгельгардтъ*, 6.
[3]) *В. Хвостовъ*, 552; *Державинъ*, 403; *Болотовъ*, I, 61, 65—68, 71—72.

богатыхъ помѣщиковъ, за невозможностью почти добыть лучшихъ учителей; только тамъ иногда нанимали за большія по тогдашнему деньги—рублей за 300, даже 500,—иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ, иногда заключая съ ними письменныя условія; однако, и среди этихъ гувернеровъ попадались иногда люди не лучше описанныхъ выше [1]).

По окончаніи домашняго ученья молодые дворяне поступали почти всѣ въ дѣйствительную службу; это была очень тяжелая обязанность, и дѣйствительно, съ небольшимъ преувеличеніемъ можно сказать, что дворянство находилось тогда въ такихъ же отношеніяхъ и обязательствахъ къ правительству, какъ къ нему самому—крѣпостные; только мало по малу облегчали дворянамъ эту тягость, ограничивъ сначала службу двадцатипятилѣтнимъ срокомъ, потомъ позволивъ имъ оставлять одного изъ нѣсколькихъ сыновей совсѣмъ дома. Молодые дворяне, не имѣвшіе большой протекціи, въ это время начинали и дѣйствительную службу съ солдатскаго чина и подвергались всѣмъ тяжестямъ и строгостямъ ея; отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ опредѣлялись тогда, конечно, почти исключительно личностью высшаго, и не говоря уже о томъ, что въ тѣ времена всякій начальникъ могъ бранить нижнихъ чиновъ и даже офицеровъ, как ему было угодно, случалось, генералъ-нѣмецъ говорилъ русскому офицеру, что скорѣе повѣритъ одному лифляндскому крестьянину, чѣмъ всѣмъ русскимъ офицерамъ полка, или нѣмецъ же генералъ, за то, что нѣсколько молодыхъ офицеровъ пѣли, проходя мимо дома, гдѣ на домашней всенощной онъ присутствовалъ получали, по его приказанію, въ комнатѣ сосѣдней съ тою, гдѣ шла служба, по 300 ударовъ палками, а генералъ говорилъ, что офицеры должны подавать низшимъ чинамъ примѣръ благоговѣнія, не смотря на то, что по закону офицеры не подлежали тѣлесному наказанію безъ суда. Управленіе въ войскахъ шло тогда въ большой зависимости отъ ближайшаго начальства; не только генералъ, но даже и полковники имѣли право производить до опредѣленнаго чина; очень часто службу облегчала благосклонность полковничьей метрессы и ея мужа, которую легко можно было заслужить подарками [2]). Жизнь офицеровъ была очень

---

[1]) Хроника недавней старины. С.-Пб. 1876, 5; *Дубровинъ*, Пугачевъ и его сообщники, т. I, 277. Къ этому времени должно отнести разказываемый Порошинымъ извѣстный анекдотъ, какъ въ Москвѣ нанялся за француза чухонецъ и выучилъ дѣтей чухонскому языку—*Порошина*, Записки по изд. 1881 г., стр. 237—238.

[2]) *Болотовъ*, I, II, разказы о ген. Короѣ; I, 295, 274—275; *Аксаковъ*, 68.

скучна, и именно скучна, а даже неразгульна, какъ жизнь гвардейцевъ въ столицѣ; мало все-таки образованные, офицеры проводили время свое преимущественно за попойками и за картами, а если иногда, уже отъ нечего дѣлать, готовы были и почитать; то книгъ ни у кого не находили, и потому привезенныя какимъ-нибудь офицеромъ „Аргенида" или „Жилблазъ" читались всѣми офицерами полка по очереди; довольно много занимались также офицеры волокитствомъ, заводили часто любовныя связи, подыскивая себѣ соотвѣтственное знакомство иногда даже въ семействахъ своихъ товарищей [1]); но вообще вся эта жизнь была очень безпокойная отъ частыхъ передвиженій, бивуачная, крайне безпорядочная и вмѣстѣ скучная; ни у кого изъ прошедшихъ ее не сохранилось о ней пріятныхъ воспоминаній; всякій, протянувъ свой срокъ, торопился выйдти или къ статскимъ дѣламъ, или совсѣмъ въ отставку и уѣхать въ свою деревню; туда они являлись уже утомленными, очень уже пожилыми и поселялись въ вышеописанной обстановкѣ.

Мы еще не имѣемъ данныхъ представить въ такихъ же размѣрахъ описаніе жизни служилыхъ людей XVII вѣка, но можно думать, что значительнаго различія между тѣмъ временемъ и XVIII столѣтіемъ мы не нашли бы: современники не отмѣчаютъ ничего для нихъ новаго въ жизни дворянъ до манифеста 1762 года, напротивъ, даже свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ почтеніи къ старинѣ и о строгомъ ея сохраненіи; новы были, конечно, постоянная служба и обязательное ученье дѣтей, въ другихъ отношеніяхъ въ жизни средняго дворянства слѣдствія реформы были еще почти не замѣтны или еще не проникли глубоко въ жизнь большинства; они были замѣтнѣе въ большихъ центрахъ, въ столицахъ; не вдаваясь въ подробное описаніе жизни тамъ, замѣтимъ только, что современники, имѣвшіе случай сравнить бытъ въ столицѣ и въ провинціи, находили, что въ столицахъ еще въ 40-хъ—50-хъ годахъ входили въ обыкновеніе та „свѣтская жизнь" и тотъ „тонкій вкусъ во всемъ", которые потомъ распространились по всей Россіи [2]); главное отличіе жизни въ столицахъ составляли лучшая внѣшняя обстановка, интересы не только хозяй-

---

[1]) *Болотовъ*, I, 330, 772 и др.; *Лунинъ*, 451.

[2]) „Все, что хорошею жизнью нынѣ называется, тогда только что заводилось, равно какъ входилъ въ народъ и тонкій вкусъ во всемъ", пишетъ Болотовъ (I, 179) въ 1789 г. въ деревнѣ, разказывая о своемъ пребываніи въ 1752 г. въ Петербургѣ.

ственные, распространяющаяся любовь къ чтенію, лучшее воспитаніе дѣтей, бо̀льшая общественность, большее разнообразіе жизни; тутъ встрѣчаемъ рядомъ, въ пестромъ смѣшеніи, и крайнее уже увлеченіе новымъ, и упорную еще защиту стараго; новое общество формируется тутъ въ борьбѣ противоположныхъ крайностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе быстро, и стремленіе къ новому, измѣненія стараго все болѣе и болѣе одерживаютъ верхъ; вскорѣ въ ту же сторону стала измѣняться жизнь и провинціальнаго дворянства знаменитый манифестъ о вольности дворянства сразу далъ провинціи множество новыхъ членовъ, множество новаго элемента, и притомъ при особыхъ условіяхъ, именно тогда, когда появленіе этихъ новыхъ элементовъ должно было отозваться особенно благопріятно на улучшеніи общественной жизни. Къ разсмотрѣнію этихъ условій и начавшихся перемѣнъ мы теперь и обратимся.

III.

Царствованіе императрицы Елизаветы, много теряющее при поверхностномъ обзорѣ сравнительно съ блестящимъ царствованіемъ Екатерины II, прекрасно разъяснено и оцѣнено у С. М. Соловьева. По весьма мѣткому замѣчанію его, Н. И. Панинъ не могъ бы сказать, что его чуть не убилъ параличъ при чтеніи дѣла о Волынскомъ, если бы между правленіемъ Анны и временемъ Екатерины II не стояло царствованіе Елизаветы. Современники очень хорошо вспоминали объ этихъ двадцати годахъ „кроткаго правленія женскаго"; въ правленіе это почти забылись, должны были казаться уже далекимъ воспоминаніемъ времена Бироновщины; кончились среди русскаго правительства раздоры и борьба за власть, которую вели тамъ иноземцы, чуждые интересовъ русскаго народа; главными руководителями дѣлъ стали люди истинно русскіе, направленіе внутренней политики опредѣлилось и не мѣнялось въ теченіе двадцати лѣтъ; во все царствованіе дочери Петра главное вниманіе и заботы правительства направлены были на удовлетвореніе насущныхъ потребностей народа; въ законодательствѣ постоянно шло смягчающее вліяніе, ограничены пытки, уничтожена смертная казнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ злоупотребленія рѣже оставались безнаказанными; уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ и заставъ устранено множество затрудненій во внутреннихъ, особенно торговыхъ сношеніяхъ; много принято прямыхъ и

косвенныхъ мѣръ для распространенія просвѣщенія: учреждены университетъ, четыре гимназіи, развито изданіе книгъ, основанъ театръ; въ сношеніяхъ съ другими государствами интересы и достоинство России постоянно и твердо охранялись, и между тѣмъ почти все царствованіе прошло въ мирѣ и тишинѣ; только подъ самый уже конецъ правленія Елизаветы Россія вела тяжелую войну, начатую вслѣдствіе сознанной и дѣйствительной потребности удержать „скоропостижнаго короля", задержать, если не остановить, слишкомъ замѣтное усиленіе сосѣда, какъ несомнѣнно доказано Соловьевымъ, такъ что теперь уже неумѣстны всякія предположенія, будто бы главнымъ поводомъ къ вмѣшательству Россіи послужили лично для императрицы непріятные отзывы Фридриха [1]. Вступленіе на престолъ Петра III во время самой войны — имѣло слѣдствіемъ, что тяжелая и побѣдоносная война кончилась безъ видимыхъ выгодъ для насъ, но она далеко не осталась безплодною вполнѣ: она еще болѣе усилила значеніе Россіи въ средѣ европейскихъ государствъ и много содѣйствовала распространенію образованности среди нашего дворянства. Впервые русскіе вели войну съ европейскимъ цивилизованнымъ государствомъ не у себя въ землѣ и не на крайнемъ сѣверѣ, а въ центрѣ, можно сказать, Европы; значительная часть нашей арміи была почти пять лѣтъ въ государствѣ болѣе цивилизованномъ и благоустроенномъ, при чемъ большая область была принята нами въ свое управленіе, и въ ней установлено почти правильное, почти мирное, обыкновенное теченіе жизни. Въ это время чуть не всѣ молодые русскіе дворяне, которыми была наполнена армія во всѣхъ чинахъ, побывали за границей, увидали тамъ совершенно новую жизнь, болѣе развитое общество, имѣли подъ руками обширную литературу, сдѣлавшуюся имъ теперь доступною, и пользовались ею, узнали новые, лучшіе способы хозяйства; они писали въ Россію о томъ, что̂ видѣли тутъ новаго; съ нѣкоторыми офицерами жили въ тогдашней столицѣ Пруссіи, Кенигсбергѣ, и ихъ семейства, сюда же пріѣзжало по разнымъ дѣламъ изъ Россіи много народу, дворянъ и купцовъ; наконецъ, сначала изъ Московскаго университета, а потомъ и такъ, изъ богатыхъ домовъ, присылали учиться въ Кенигсбергскомъ университетѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые занимались хорошо,

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, тт. 22—24.

и которымъ ученье это принесло потомъ большія выгоды [1]); во время войны вообще усилились наши сношенія съ Вѣной, Парижемъ; въ свитѣ пословъ, гонцами, не мало тамъ побывало дворянъ, которые безъ этого случая никогда туда не попали бы; наконецъ, возбуждено было общественное вниманіе, расшевелена умственная дѣятельность, и это не мало, конечно, значило для общества на той степени развитія, на которой находилось тогда русское. И по словамъ одного современника, дворяне, „насмотрѣвшись нѣмецкихъ, лучшихъ порядковъ, потомъ въ состояніи были перемѣнить и всю свою прежнюю и весьма недостаточную экономію и приведя ее въ несравненно лучшее состояніе—чрезъ самое то придать и всему государству иной и предъ прежнимъ несравненно лучшій видъ и образъ" [2]); слѣдовательно, самимъ даже современникамъ этихъ событій замѣтно было, что послѣ Семилѣтней войны многое перемѣнилось къ лучшему; самое улучшеніе сельскаго хозяйства не могло бы быть сдѣлано, еслибы не произошло вообще нѣкотораго умственнаго движенія впередъ.

18-го февраля 1762 года Петръ III издалъ свой знаменитый манифестъ о вольности дворянства, которымъ разрѣшалось дворянамъ служить и выходить въ отставку по собственному желанію, жить, гдѣ угодно, въ Россіи и за границей и учить дѣтей чему и какъ кто хочетъ. Хотя послѣднее право было вскорѣ опять отчасти ограничено [3]), но этотъ манифестъ есть, дѣйствительно, важнѣйшій актъ въ развитіи правъ и привилегій дворянства: онъ именно обращалъ его въ сословіе привилегированное, надѣляемое особыми правами, изъ сословія служилаго и несшаго службу иногда, дѣйствительно, очень тяжелую, ибо, не говоря объ отдѣльныхъ тягостяхъ военной службы, и по ограниченіи ея двадцатипятилѣтнимъ срокомъ, бывали случаи даже переселенія дворянъ изъ одного мѣста въ другое въ видахъ правительства и по его лишь предписанію, безъ согласія переселяемыхъ; уклониться же отъ своей тяжелой службы дворянство не имѣло рѣшительно никакихъ легальныхъ способовъ [4]). Въ этомъ отношеніи манифестъ о вольности дворянства, кажется намъ, значительно отличается даже и отъ не менѣе знаменитой жалованной грамоты дворянству 21-го апрѣля 1785 года, ибо эта

---

[1]) Факты у *Болотова*, I, 995, 974; II, 313; III, 59, 1026.
[2]) *Болотовъ*, II, 453.
[3]) П. С. З., №№ 11414, 11531.
[4]) *Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство, 145—147.

послѣдняя, хотя и даруетъ дворянамъ важныя права и широкое самоуправленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ налагаетъ на нихъ исполненіе нѣкоторыхъ обязанностей, касающихся не дворянскаго только сословія, а всѣхъ обывателей мѣстности [1]), такъ что слова князя М. М. Щербатова, что жалованная грамота есть „болѣе лишеніе, чѣмъ даніе правъ" [2]), совершенно справедливы, хотя не вѣрны въ томъ смыслѣ, что характеризуютъ не главное содержаніе этого акта, а указываютъ лишь частность его; манифестъ 18-го февраля 1762 года не возлагаетъ на дворянъ въ обыкновенное мирное время никакихъ обязанностей, и если дворяне уже давно тяготились службою, давно желали свободы отъ нея, то появленіе этого манифеста именно послѣ Семилѣтней войны было и наиболѣе естественно, такъ какъ теперь, вслѣдствіе указанныхъ выше обстоятельствъ, съ особенною силою должно было пробудиться въ дворянахъ желаніе свободы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе полезно, такъ какъ дворяне, которые могли поселиться теперь по деревнямъ, должны были внести много новаго, благотворнаго для развитія общества.

Дворяне немедленно широко воспользовались предоставленною имъ свободою; тотчасъ всѣ дороги изъ Петербурга и Москвы покрылись дворянами, которые оставили службу и спѣшили по своимъ домамъ [3]) и такимъ образомъ явились въ провинціи, по всѣмъ угламъ Россіи, люди еще не старые, какими, бывало, пріѣзжали дворяне въ деревню прежде, люди еще живые, насмотрѣвшіеся петербургской жизни, привыкшіе къ ней; если и прежде, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, пріѣхавшему изъ Петербурга деревенскіе дворяне казались „сущими шутами и простаками" [4]), то теперь дворяне, особенно побывавшіе за границей, несомнѣнно должны были найдти еще болѣе различія между тою жизнью, къ которой они привыкли, и тою, которая встрѣчала ихъ въ деревнѣ; люди въ большинствѣ случаевъ еще бодрые, еще съ энергіей, съ кое-какими знаніями, любящіе общество, съ зародившимся стремленіемъ впередъ, съ желаніемъ улучшеній, люди, увидавшіе на дѣлѣ плоды образованія и выгоды знанія, они не могли, конечно, въ массѣ подчиниться тому, что должны были увидать по деревнямъ, а должны были, напротивъ,

---

[1]) П. С. З., № 16186.
[2]) О поврежденіи нравовъ въ Россіи, *Р. Ст.* III, 685.
[3]) *Болотовъ*, II, 149, 294.
[4]) *Болотовъ*, I, 157.

оказать болѣе сильное воздѣйствіе на простое, необразованное, разрозненное, деревенское общество. Екатерининское правительство, съ своей стороны, особенно въ началѣ, старалось тоже содѣйствовать смягченію нравовъ, заботилось объ улучшеніи судопроизводства, о поднятіи училищъ, старалось не только дать ходъ всему хорошему, но еще возбуждать и поддерживать стремленіе къ нему; много новаго, много улучшеній въ общественной жизни не замедлило обнаружиться; и время съ начала шестидесятыхъ до конца семидесятыхъ годовъ, до введенія новаго порядка въ губернской администраціи— важнѣйшаго, безъ сомнѣнія, факта внутренней жизни Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка—было приготовленіемъ къ той, совершенно новой жизни, которая началась въ провинціи съ областной реформы. Мы не будемъ подробно описывать здѣсь бытъ въ эту эпоху именно потому, что общій фонъ его былъ еще старый, потому что много было еще въ немъ того, о чемъ говорено было выше,—постараемся только отмѣтить главнымъ образомъ то направленіе, которое стала принимать общественная жизнь, указать лишь въ общихъ чертахъ начало движенія и путь, которымъ оно пошло; послѣднія, болѣе ясныя и отличныя отъ прежнихъ формы быта, къ которымъ пришла общественная жизнь въ провинціи въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, будутъ описаны далѣе.

Встрѣчалось еще и въ 60-хъ годахъ по усадьбамъ не мало прежнихъ людей „старичковъ простенькихъ, ничего почти не знающихъ“, такихъ, съ которыми „нельзя было молвить разумнаго словца и побесѣдовать прямо дружески“, людей, не бравшихъ книги въ руки; еще и въ это время люди, которые „славились ученостью, почитались умнѣйшими и любопытнѣйшими“, имѣли „все сіе въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ“; встрѣчались еще нерѣдко люди, исключительно занятые собаками, разными птицами, страстные охотники до боевыхъ гусей и другіе подобные типы, прежде составлявшіе все деревенское общество [1]); но уже и они вели далеко не такую замкнутую, уединенную жизнь, какъ прежде; вновь поселившіеся помѣщики значительно увеличили число провинціальнаго дворянства, принесли съ собою и сообщили и прежнимъ помѣщикамъ бо́льшую привычку къ обществу, бо́льшую потребность во взаимномъ общеніи; кругъ знакомствъ необходимо становился шире, и знакомые чаще видались между собою; вошло въ обычай раза три-четыре въ годъ выѣзжать изъ

[1]) *Болотовъ*, II, 359, 410; III, 132, 49, 508.

своихъ домовъ и недѣли въ двѣ-три объѣхать всѣхъ знакомыхъ на довольно значительномъ разстояніи. Домашній образъ жизни многихъ помѣщиковъ оставался таковъ же, каковъ былъ и прежде, препровожденіе времени въ гостяхъ не измѣнилось существенно: играли въ фанты, карты, разговаривали по прежнему о хозяйствѣ, объ охотѣ, любовь къ которой все болѣе и болѣе усиливалась, о тяжбахъ, о прошедшей войнѣ, долго еще сохранялась любовь къ качелямъ, къ катаньямъ съ горъ и тому подобнымъ увеселеніямъ, которыя прежде были почти единственнымъ развлеченіемъ помѣщиковъ; сейчасъ же послѣ войны мы еще не видимъ въ большинствѣ дворянъ средняго состоянія какихъ-нибудь болѣе общихъ, болѣе отвлеченныхъ интересовъ, по прежнему центромъ умственной жизни околодка служитъ какая-нибудь тяжба, чья-нибудь свадьба или смерть; но все-таки жизнь стала разнообразнѣе, общество сблизилось, а это было уже своего рода прогрессомъ, облегчало дальнѣйшее движеніе впередъ, и движеніе это, дѣйствительно, мы видимъ постоянно [1]). Въ то же время приведена была въ исполненіе одна правительственная мѣра, которая уничтожила огромное число поводовъ къ тяжбамъ и тѣмъ отвлекла, конечно, интересы и вниманіе дворянства отъ приказныхъ дѣлъ; мы говоримъ о генеральномъ размежеваніи, къ которому давно уже собирались приступить, и которое произведено было въ 60-хъ годахъ. Къ этому же времени относится и другой замѣчательный фактъ Екатерининскаго царствованія—созваніе коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Правда, мы не имѣемъ отзывовъ современниковъ, въ которыхъ высказывалось бы признаніе за нею большой пользы: напротивъ, многіе находили, что она была совершенно излишнею и безплодною, что никакого дѣла изъ нея не вышло, такъ какъ большинство дворянъ по своему развитію было еще весьма далеко отъ возможности быть полезными въ такомъ дѣлѣ [2]). Но если даже не признавать, что намѣреніе императрицы было лишь узнать желанія и нужды сословій [3]), — указаніями депутатовъ очень много воспользовались при составленіи учрежденія о губерніяхъ,—если даже и не признавать этой единственной цѣли, то все же не могъ не оказаться полезнымъ для дворянъ призывъ собраться, обсудить свое положеніе и

---

[1]) *Болотовъ*, II, ч. XI—XIV.

[2]) Слова *Бибикова—Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.*, т. 4, XXIX; *Болотовъ*, II, 654—655.

[3]) *Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.*, т. 4, XXIX.

нужды, обдумать свои желанія и поискать средствъ къ устраненію недостатковъ. Наказы дворянъ своимъ депутатамъ весьма интересны въ томъ отношеніи, что представляютъ весьма обильныя данныя для опредѣленія интересовъ и понятій дворянства всей почти Россіи; видно, что было еще много дворянъ, которыхъ даже такой призывъ недостаточно возбуждалъ къ умственной дѣятельности, которые были, дѣйствительно, вовсе не приготовлены къ рѣшенію поставленнаго вопроса; такъ, напримѣръ, въ одномъ наказѣ первымъ пунктомъ поставлено, что „дворянство, имѣя штабъ- и оберъ-офицерскіе чины, пріѣхавъ въ городъ, за неимѣніемъ при себѣ домовой водки и вина, припуждены бываютъ съ питейныхъ домовъ покупать водку и вино, многимъ съ противными и съ непристойными спеціями и запахомъ; посему дворянство по характерамъ ихъ видѣть принуждены себѣ въ томъ недостатокъ...... посему о дозволеніи о сидкѣ вина каждому помѣщику по достатку доложить коммиссіи“; затѣмъ идетъ предложеніе брать пошлины не съ истца, а съ виноватаго, просьба сложить рублевый окладъ съ бань и въ заключеніе говорится: „что же принадлежитъ до разсужденія объ обществѣ, о томъ вамъ, выбранному отъ насъ депутату, поступать по присяжной должности и по точной силѣ законовъ Ея Императорскаго Величества“ [1]); въ другомъ наказѣ прямо сказано: „мы, будучи въ собраніи, по довольномъ общемъ нашемъ разсужденіи всего Муромскаго дворянства, никакихъ отягощеній и нуждъ не признаваемъ“, и предоставляется все на усмотрѣніе депутата [2]). Но есть не мало наказовъ хорошо обдуманныхъ и хорошо изложенныхъ [3]); слѣдовательно, въ другихъ мѣстахъ собирались дворяне не даромъ, обо многомъ переговорили между собою и кое-что уяснили себѣ.

Значительно пошатнулось въ это время то слѣпое уваженіе къ прежнему, сдѣланному предками, о которомъ говорили мы раньше: безусловнаго почтенія къ старинѣ теперь уже нѣтъ, теперь иные уже скептически относятся къ тому, что̀ прежде казалось „священнымъ отъ древности“; нѣкоторые обычаи старины кажутся уже глупыми;

---

[1]) *Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.*, т. IV, 351—353, наказъ депутату отъ дворянства г. Кадыя (нынѣ заштатный въ Костромской губерніи); депутатомъ былъ избранъ майоръ Мак. Степ. Захаровъ.

[2]) *Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.*, т. VIII, 510—511; депутатъ—отставной л.-гв. капитанъ Ив. Петр. Чаадаевъ.

[3]) Напримѣръ, наказъ Дмитровскаго дворянства. *Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.*, т. VIII, 500—510 и нѣкоторые другіе.

многіе дворяне передѣлываютъ свои дома, измѣняютъ способы хозяйства, между тѣмъ какъ прежде это было бы сочтено „смертнымъ грѣхомъ и неслыханнымъ отважнымъ предпріятіемъ“ [1]). На первое время такое отношеніе къ старинѣ было, можно сказать, только еще отрицательнымъ пріобрѣтеніемъ, такъ какъ мѣсто прежняго уваженія къ старому не заняло еще ни знаніе, ни развитіе, но новый взглядъ былъ залогомъ дальнѣйшаго движенія, открывалъ ему дорогу. Мы видимъ также среди дворянъ расширеніе потребностей, появленіе первыхъ признаковъ чувства изящнаго, и для массы тогдашняго средняго дворянства это тоже было не малымъ шагомъ впередъ: прежнія жилища кажутся теперь уже слишкомъ малыми, тѣсными, похожими на тюрьмы; строятся новые дома, болѣе просторные, комнатъ въ восемь и даже болѣе, и всѣ эти комнаты кажутся „необходимо надобными для спокойнаго обитанія“; онѣ дѣлаются выше, больше, свѣтлѣе; убираются обоями, украшаются какими-нибудь картинами, гравюрами и т. д. [2]); но вся жизнь, вся обстановка въ 60-хъ годахъ еще очень проста, болѣе близка еще къ старому, и нѣтъ почти признаковъ той роскоши, которая получила потомъ широкое распространеніе; впрочемъ, первые ея признаки—множество разнообразной прислуги, роскошные костюмы, экипажи и т. д.—появились уже въ началѣ 70-хъ годовъ [3]).

Въ началѣ 60-хъ годовъ, немедленно же вслѣдъ за манифестомъ о вольности дворянства и именно вслѣдствіе его, рядомъ съ такими простыми, еще прежняго типа дворянами, о которыхъ мы сейчасъ говорили, появились въ провинціи по усадьбамъ люди, по своему времени образованные, большіе любители книгъ, собиравшіе библіотеки, и такъ какъ книги тогда доставать было очень не легко, то даже переписывавшіе ихъ собственноручно; любимымъ чтеніемъ ихъ были исторія Ролленя, въ переводѣ Тредіаковскаго, сочиненія Сумарокова, переводные романы—похожденія Клевеланда, Маркизъ Г***, Жилблазъ, нѣкоторые классики — Квинтъ Курцій, Эпиктетъ и др.; встрѣчались по деревнямъ и такіе люди, съ которыми очень образованный человѣкъ того времени находилъ большое удовольствіе поговорить о разныхъ предметахъ; эти люди осо-

---

[1]) *Болотовъ*, II, 400, 513, 542.

[2]) *Болотовъ*, II, 301, 798—800; описаніе дворянскихъ домовъ у него же, Памятникъ временъ протекшихъ, 188.

[3]) *Болотовъ*, III, 104—105

бенно старались сводить между собою знакомство, видались часто и находили большое удовольствіе „въ ученыхъ и важныхъ разговорахъ" [1]). Конечно, такихъ людей было еще очень мало; Болотовъ, напримѣръ, при своемъ весьма обширномъ вслѣдствіе разныхъ условій знакомствѣ, до 1776 года называетъ въ числѣ своихъ знакомыхъ по именамъ такихъ „любопытныхъ" людей только 12 человѣкъ,—но все-таки важно было и не могло остаться безплоднымъ уже появленіе и этихъ нѣсколькихъ лицъ въ одномъ околодкѣ. Въ 70-хъ годахъ Болотовъ началъ встрѣчать въ домахъ богатыхъ дворянъ, которые теперь тоже селились иногда въ провинціи, людей, отлично знающихъ иностранные языки, знакомыхъ съ французскою и нѣмецкою литературою, „обожающихъ даже Вольтера", „охотниковъ до поэзіи и наукъ свободныхъ" и занимавшихся ими; впрочемъ, до 1776 года онъ называетъ такихъ только шесть человѣкъ. Въ обществѣ такихъ болѣе развитыхъ людей разговоры ведутся о философіи, о преимуществахъ той или другой системы ея, читаются французскіе и нѣмецкіе поэты; такіе дворяне разсуждаютъ о Сумароковѣ и Ломоносовѣ, сравниваютъ ихъ, при чемъ приносятъ изданія ихъ сочиненій и съ восторгомъ прочитываютъ нѣкоторыя ихъ произведенія; обсуждаютъ событія политическія, внутреннія распоряженія; такъ, напримѣръ, манифестъ о межеваніи вызвалъ оживленные толки и разсужденія; теперь вообще все общество стали занимать политическія событія, такъ что, напримѣръ, при первой турецкой войнѣ при Екатеринѣ II въ уѣздахъ многіе стали выписывать газеты, и вообще чѣмъ дальше, тѣмъ все рѣже и рѣже стали попадаться среди помѣщиковъ люди ничего не знающіе, и тѣмъ болѣе рѣзко выставляются они современниками какъ исключенія [2]). Карамзинъ, выросшій въ это именно время, передавая очень близко къ описанному содержаніе бесѣдъ тогдашнихъ лучшихъ помѣщиковъ, съ величайшимъ уваженіемъ говоритъ о томъ духѣ чести и преданности отечеству, который господствовалъ среди ихъ, и вообще вспоминаетъ своихъ знакомыхъ деревенскихъ жителей изъ этого круга съ величайшимъ уваженіемъ [3]).

---

[1]) *Болотовъ*, II, 1009, 605, 853, 356, 862—863; *И. И. Дмитріевъ*, 20—21; *М. А. Дмитріевъ*, 46; *И то и се*, 1769, л. X; „*Трутень*", 1769, 42.

[2]) *Болотовъ*, III, 186; II, 1011; III, 164; II, 626, 742; *И. И. Дмитріевъ*, 20—21.

[3]) Сочиненія *Карамзина*, изд. *Смирдина*, 1848, III, 264, „Рыцарь нашего времени": „Добрые люди, миръ вашему праху! Пусть другіе называютъ васъ дикарями: Леонъ въ дѣтствѣ слушалъ съ удовольствіемъ вашу бесѣду словохотную,

При болѣе близкихъ сношеніяхъ въ средѣ дворянства, установившихся тогда, отъ людей образованныхъ кое-что мало по малу приставало къ другимъ; теперь не смотрятъ уже на чтеніе, какъ на нѣчто опасное и вредное, теперь уже во всякомъ почти домѣ можно найдти хоть какую-нибудь книгу, какой-нибудь романъ, или хоть пѣсенникъ или придворный календарь [1]). Мы имѣемъ очень подробныя указанія на интересы дворянъ того времени въ наказахъ, данныхъ дворянами своимъ депутатамъ въ коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Какъ выше уже указано, нѣкоторые наказы очень замѣтно выдаются изъ общаго уровня въ ту или другую сторону, но большинство сходны между собою въ главныхъ чертахъ; въ этихъ наказахъ высказывается желаніе сохранить соединеніе дворянства, созданное для выборовъ предводителя и депутата, и самую должность предводителя, и черезъ него дать дворянству извѣстную долю участія въ мѣстномъ управленіи; затѣмъ дворянство проситъ точнаго размежеванія земель, подробнаго опредѣленія порядка наслѣдства, учрежденія нѣкоторыхъ судебныхъ органовъ по провинціямъ, упрощенія судопроизводства, новыхъ мѣръ противъ ябедничества и лихоимства; въ нѣкоторыхъ наказахъ говорится о промышленныхъ предпріятіяхъ, о торговлѣ крестьянъ; въ еще меньшемъ числѣ наказовъ — объ учрежденіи училищъ для дворянскихъ дѣтей: учрежденіе многихъ училищъ тогда еще не представлялось большинству возможнымъ, но пользу образованія сознавали уже очень многіе; ученіе къ тому же освобождено было отъ прежней тяжелой связи со службою, отъ прежнихъ смотровъ, и люди, сами не получившіе образованія, теперь болѣе, чѣмъ прежде, стараются научить своихъ дѣтей чему возможно. И прежде случалось, что небогатые люди отдавали своихъ дѣтей въ дома болѣе достаточныхъ — для компаніи ихъ дѣтямъ, а иногда и для совмѣстнаго ученья съ ними; теперь же отдаютъ дѣтей къ знакомымъ именно для ученья, и притомъ, не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ, и учатъ ихъ, кромѣ грамоты и ариѳметики, еще и закону Божію, и рисованію, отчасти и „нравоученію“, которое соединяло въ себѣ части тепе-

---

отъ васъ заимствовалъ Русское дружелюбіе, отъ васъ набрался духу Русскаго и благородной дворянской гордости, которой онъ послѣ не находилъ даже и въ знатныхъ бояpaxъ: ибо спѣсь и высокомѣріе не замѣняютъ ее; ибо гордость дворянская есть чувство своего достоинства, которое удаляетъ человѣка отъ подлости и дѣлъ презрительныхъ. Добрые старики, миръ вашему праху!“

[1]) *И. И. Дмитріевъ*, 15; *Аксаковъ*, 92.

ренчаго катехизиса и нѣкоторыя физическія свѣдѣнія [1]). Можно думать, что примѣромъ и побужденіемъ для обычая учить дѣвочекъ, послужило учрежденіе института для бѣдныхъ дворянскихъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ. Въ это время облегчилась возможность ученія дѣтей въ провинціи тѣмъ, что вслѣдъ за появленіемъ тамъ большаго числа дворянъ, во многихъ городахъ устроились пансіоны для дѣтей, въ иныхъ даже по нѣскольку, съ курсомъ предметовъ приблизительно такимъ же, какъ указанный выше, и о пансіонахъ этихъ мы имѣемъ далеко не одни дурные отзывы; многіе брали учителями студентовъ Московскаго университета, иные, за невозможностью учить дѣтей дома, посылали своихъ сыновей для ученья даже въ другіе города подъ присмотромъ надежнаго слуги [2]). Теперь попадаются нерѣдко и любознательныя, склонныя къ чтенію, хорошія и разумныя молодыя дѣвицы, хотя на ряду съ ними встрѣчается не мало дѣвушекъ, по прежнему, безъ всякаго образованія; вмѣстѣ съ тѣмъ, теперь можно встрѣчать не мало „московскихъ модницъ", которыхъ остерегались и молодые, но серьезные люди. Болотовъ, въ своей „Дѣтской философіи", которая, очевидно, заключаетъ въ себѣ портреты его знакомыхъ, выводитъ и такую дѣвушку, и вѣроятно, его описаніе близко къ дѣйствительности, именно потому, что онъ не пытался создать типы въ литературной формѣ. По его изображенію, такія барышни постоянно скачутъ, вертятся, напѣваютъ модныя пѣсеньки, только и говорятъ, что про наряды, смѣются дѣвушкамъ скромнымъ и учащимся, говорятъ, что еслибы вздумали родители хоть одну зиму не повезти ихъ въ Москву, то онѣ ѣсть бы не стали, слегли бы въ постель, а заставили бы туда ѣхать; имъ все равно, чего бы ни стоили модные наряды, мать должна ихъ доставать, собирая деньги съ крестьянъ, хоть бы тѣ переколѣли [3]). Еще въ это время, значитъ, зародились тѣ типы, которые потомъ были предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ въ литературѣ, и тогда же они были встрѣчены порицаніемъ.

Поѣздки въ Москву вошли теперь во всеобщее употребленіе, и

---

[1]) *Даниловъ*, 41, 45—46; *Болотовъ*, III, 102, 117 и др.; *В. Хвостовъ*, 553; часть курса „нравоученія" и представляютъ два напечатанные тома „Дѣтской философіи" Болотова.

[2]) *И. И. Дмитріевъ*, 11—13; *Энгельгардтъ*, 8; *Винскій*, 85; *Тимковскій*, 1412 *Шевыревъ*, Исторія Моск. университета, 106; „Инструкція о воспитаніи" 1772—1775, *Р. Ст.*, XXXI, 659—661.

[3]) *Болотовъ*, II, 671, 824; Дѣтская философія, I, 378—401, II, 1—35.

даже прежніе скупые домосѣды стали теперь ежегодно посѣщать столицу; на масляницу, на Рождество ежегодно съѣзжалось сюда множество дворянъ; здѣсь они вели веселую жизнь, ѣздили въ маскарады, въ театръ, который всѣмъ нравился, такъ что многіе, проживъ въ Москвѣ недѣли двѣ-три, не пропускали ни одного представленія, а если театръ и въ наше время имѣетъ значеніе болѣе чѣмъ одно развлеченіе, то конечно, еще важнѣе и благотворнѣе было его вліяніе тогда на общество несравненно менѣе просвѣщенное и развитое. Въ Москвѣ же дѣлались разныя закупки: покупали провизію, платье, экипажи, нѣкоторые, наконецъ, книги; только здѣсь были доктора, аптеки, хотя, правда, и тѣ, и другія были еще очень плохи [1]). Въ городскомъ обществѣ, по замѣчанію современниковъ, тоже произошли значительныя измѣненія: „свѣтское" городское обращеніе 60-хъ годовъ уже далеко оставляло за собою „свѣтское" обращеніе конца 40-хъ, и если еще тогда пріѣзжему изъ столицы деревенскіе дворяне казались простаками и шутиками, то конечно, и теперь не могли не дѣйствовать на многихъ деревенскихъ дворянъ развивающимъ образомъ столкновенія съ людьми, болѣе привыкшими къ обществу, къ разнообразной жизни; притомъ отсутствіе многаго, что казалось прежде „свѣтскимъ" въ обращеніи, теперь показалось бы уже просто ужасною грубостью: по нѣкоторымъ бѣглымъ замѣчаніямъ, по сравненіямъ современниковъ можно думать, что чуть не все тогдашнее свѣтское обращеніе состояло въ томъ, чтобъ имѣть въ домѣ достаточное число мебели, не браниться и не драться съ прислугою при гостяхъ, не брать кушаньевъ съ блюдъ прямо руками и т. п. [2]).

Таково было дворянское общество въ провинціи, таковы были въ немъ движенія въ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка; сѣмена прогресса были уже въ него брошены; но возникалъ вопросъ: получатъ ли эти сѣмена дальнѣйшее развитіе, дано ли будетъ этому развитію надлежащее направленіе, и будетъ ли оказана ему необходимая поддержка, или оно, предоставленное самому себѣ, будетъ идти медленно, въ тяжелой борьбѣ съ неподвижностью прежнихъ привычекъ и прежнихъ понятій? Волынскій не безъ основанія, вѣроятно, высказывалъ на своемъ плохопонятномъ теперь языкѣ, что наше дворянство вообще на столько не честолюбиво, на столько не

---

[1]) *Болотовъ*, II, 340, 663—656, 598; III, 117; *Вечера*, 1772, II, 105—111.
[2]) *Болотовъ*, II, 366; I, 200; II, письма, 125-е—127-е, III, письмо 154-е.

энергично, что принудительная служба ему же полезна и необходима для интересовъ государства; графъ Сиверсъ тоже писалъ, что манифестъ о вольности дворянства имѣетъ ту невыгодную сторону, что, при неразвитости большинства далекихъ дворянъ, въ нихъ можетъ совершенно заглохнуть сознаніе общихъ интересовъ и своихъ обязанностей предъ государствомъ; и дѣйствительно, въ 1766 г. одинъ дворянинъ, на приглашеніе къ выбору предводителя и депутата въ коммиссію, отказался пріѣхать, говоря, что по манифесту о вольности дворянства онъ свободенъ отъ всякой службы [1]). Областная реформа явилась очень кстати и разрѣшила поставленные вопросы въ благопріятномъ смыслѣ.

IV.

Царствованіе Екатерины II вызывало у насъ самыя различныя оцѣнки. Современники, особенно поэты, и нѣсколько ближайшихъ поколѣній прославляли его какъ блестящую эпоху, какъ золотой вѣкъ, называли Екатерину Великою и Премудрою; потомъ начали находить въ немъ то тотъ, то другой недостатокъ, стали упрекать его въ лживости, въ порчѣ общественныхъ нравовъ, въ забвеніи истинныхъ обязанностей въ отношеніи къ разнымъ сословіямъ и въ другихъ, не менѣе тяжкихъ винахъ, такъ что наконецъ отношеніе къ этому царствованію перешло, можно сказать, въ отрицательное, чуть не во враждебное. Подобное различіе сужденій о немъ, впрочемъ, понятно: богатство въ немъ выдающихся событій, обиліе произведенныхъ реформъ, затронувшихъ чуть не всѣ стороны жизни, и важность произведенныхъ этими реформами слѣдствій могутъ, болѣе или менѣе, дать основаніе для самыхъ противорѣчивыхъ выводовъ. Но надобно, вопервыхъ, строго различать исторію Россіи вообще, исторію русскаго общества, отъ исторіи самой императрицы и окружавшей ее аристократіи, вовторыхъ, надобно помнить, что какъ весьма значительные,

---

[1]) „Правда, что въ неволѣ служить зѣло тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, извѣстно, что народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и не трудолюбивъ и для того, если нѣкотораго принужденія не будетъ, то, конечно и такіе, которые ѣдятъ въ своемъ домѣ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ чрезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ что всякій захочетъ лежать въ своемъ домѣ; развѣ останутся одни холопы и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить и съ той чести надлежащія мѣста отдавать имъ“ и т. д. См. *Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство, 187.

бросающіеся въ глаза недостатки, такъ и замѣтные успѣхи въ извѣстныхъ только отношеніяхъ не даютъ еще права изрекать ни безусловной похвалы, ни безусловнаго порицанія всему царствованію; такое общее сужденіе, общая оцѣнка станутъ научно возможными только тогда, когда внимательно будетъ разобрано и изучено тогдашнее состояніе Россіи со всѣхъ сторонъ, когда будутъ изслѣдованы всѣ движенія въ тогдашней жизни; вообще такое общее сужденіе не можетъ предупреждать, а должно сопровождать строго научную, непремѣнно полную и даже талантливую исторію того времени, а не изученіе отдѣльныхъ факторовъ или сторонъ его; но такой исторіи царствованія Екатерины II мы еще не имѣемъ, а по тому ненаучно и рѣзкое, рѣшительное осужденіе его; можетъ быть даже, что еще и рано писать такую исторію, такъ какъ историку будетъ слишкомъ трудно, если не не возможно, остаться вполнѣ безпристрастнымъ: очень многіе вопросы внутренней и внѣшней тогдашней жизни государства волнуютъ еще и насъ; многіе интересы, дѣйствовавшіе тогда, раздѣляютъ еще и теперешнихъ людей. Но если, при теперешнемъ состояніи науки русской исторіи, еще не время высказывать окончательный приговоръ царствованію Екатерины II, то все-таки наша обязанность по мѣрѣ силъ подготовлять возможность такого сужденія тщательнымъ и безпристрастнымъ изученіемъ отдѣльныхъ сторонъ тогдашняго быта, отдѣльныхъ вопросовъ исторіи того времени; многіе изъ нихъ теперь стали уже въ значительной степени доступны обработкѣ, а многіе еще ждутъ ея; къ числу послѣднихъ относится исторія быта и правовъ тогдашняго дворянства, о чемъ я уже говорилъ выше; упомянуто было также, что къ тогдашнему обществу дворянъ начали высказывать все чаще и чаще, особенно послѣднее время, очень враждебное отношеніе, стали изображать его очень мрачными красками, и что вмѣстѣ съ тѣмъ еще не сдѣлано и попытки прослѣдить постепенныя измѣненія въ бытѣ и правахъ дворянства за время царствованія Екатерины II: ограничивались лишь „характеристиками“ тогдашняго общества, въ извѣстный только моментъ, и притомъ характеристиками, въ самомъ составленіи которыхъ уже замѣтны иногда предвзятыя цѣли.

Выше мы указали, на основаніи возможно полнаго и безпристрастнаго изученія источниковъ, каково было тогдашнее дворянское общество въ царствованіе Елизаветы и въ первыя 15 лѣтъ царствованія Екатерины II, указали и начавшееся движеніе впередъ, при чемъ въ общихъ чертахъ отмѣчали тѣ правительственныя мѣры, которыя оказывали

наиболѣе замѣтное вліяніе на измѣненіе быта и нравовъ общества; теперь перейдемъ къ изученію общества, какимъ оно было въ послѣднюю четверть прошлаго вѣка, то-есть, послѣ введенія областной реформы, которая оказала чрезвычайно большое и благотворное вліяніе на всю общественную жизнь въ провинціи, и притомъ изложимъ сначала внѣшнюю сторону тогдашней жизни, оставляя болѣе подробную характеристику умственнаго и нравственнаго состоянія общества до послѣдней главы.

Современники и очевидцы областной реформы оставили намъ весьма интересныя замѣчанія о ней и объ ея слѣдствіяхъ, и если мы можемъ, ближе ознакомившись съ авторами этихъ отзывовъ, признать ихъ за людей добросовѣстныхъ, достаточно развитыхъ, чтобы понимать свое время, и достаточно знавшихъ его, чтобы видѣть происшедшія перемѣны, то не можемъ не придавать ихъ замѣчаніямъ высокаго значенія, какъ для самой оцѣнки фактовъ, которые, конечно, каждому изъ нихъ въ его кругу, въ томъ кругу, куда вводитъ онъ насъ, были извѣстны лучше и въ большемъ количествѣ, чѣмъ узнаемъ мы изъ его словъ, такъ и для констатированія тѣхъ или другихъ, особенно общихъ фактовъ, для пониманія общаго фона того времени, не всегда легко для насъ уловимаго. Всѣ эти отзывы почти единогласно сходятся въ признаніи за областною реформою чрезвычайно важнаго и благодѣтельнаго вліянія на всю внутреннюю жизнь Россіи.

Такъ, Болотовъ, замѣчая вообще, что реформы Екатерины производятъ „великое потрясеніе умовъ, заставляютъ всѣхъ дворянъ мыслить, хлопотать и заботиться", пишетъ про учрежденіе о губерніяхъ, что „всѣ читали его съ особливымъ вниманіемъ и готовились заблаговременно уже ко всѣмъ перемѣнамъ, долженствующимъ проистечь изъ сего важнаго преобразованія", и что „эпоха эта была, по всей справедливости, самая достопамятная во всей новѣйшей исторіи нашего отечества и послѣдствіями своими произвела во всемъ великія перемѣны" [1]). Винскій, человѣкъ, вообще желчный въ своихъ отзывахъ, замѣчаетъ однако, что „самое славное изъ Екатерининскихъ дѣлъ—права, данныя дворянству и городамъ", и что „они были бы дѣйствительно полезны, еслибы дворяне умѣли читать и понимать". Конечно, можетъ быть, дарованіе этихъ правъ и не принесло тѣхъ именно плодовъ, какихъ ждали иные современ-

---

[1]) *Болотовъ*, II, 627, III, 574.

ники, но изъ записокъ самого же Винскаго видно, что вообще пользу они принесли замѣтную: онъ самъ же указываетъ, вскорѣ послѣ введенія въ Уфѣ губернскихъ учрежденій, много улучшеній, находящихся въ непосредственной зависимости отъ этого факта [1]. Добрынинъ, описывая открытіе Бѣлорусскаго намѣстничества, прибавляетъ: „Такимъ образомъ вся губернія восприняла новый видъ управленія, подъ которымъ обѣ бѣлорусскія губерніи, какъ и вся имперія, благоденствовали, покоились, торжествовали, черезъ всѣ счастливые годы ея (Екатерины II) царствованія, исключая только частныхъ какихъ-нибудь непорядковъ, какими отличались иногда начальники губерній по недовѣдѣнію или по употребленію во зло данной имъ власти, отъ чего, однако, вѣроятно нигдѣ и никогда никакое правленіе свободно быть не можетъ“ [2]. Княгиня Дашкова также пишетъ въ своихъ запискахъ: „Новое раздѣленіе Россіи на области, какъ первый шагъ къ введенію порядка и цивилизаціи въ такой обширной странѣ было истинно великимъ дѣломъ Екатерины. Вслѣдствіе его дороги сдѣлались безопасны и удобны, внутренняя торговля оживилась и частное благосостояніе скоро проявилось въ улучшеніи городовъ. Въ разныхъ городахъ были построены на государственный счетъ соборы и прекрасные домы для воеводъ; но что всего главнѣе— императрица, не забывавшая мѣткой русской пословицы до Бога высоко, до царя далеко — учредила мѣстные суды и полицію и тѣмъ обезпечила народное довѣріе и спокойствіе“ [3]. Кн. Ѳ. Н. Голицынъ пишетъ объ областной реформѣ: „Отъ сего учрежденія проистекла для имперіи большая польза. Прежде одинъ воевода съ товарищемъ управлялъ цѣлою губерніею, въ дѣлахъ была большая проволочка и неудобность. Дворянство, живущее въ деревняхъ, не имѣло столько способовъ въ воспитаніи дѣтей и, мало между собою сообщаясь, оставалось въ совершенной праздности и безъ всякой пользы для отечества; нравы не обработывались и оставались загрубѣлыми, особливо же въ отдаленныхъ губерніяхъ; народъ или крестьяне не имѣли понятія о нѣкоторомъ общемъ порядкѣ и не столько имѣли способовъ къ промышленности. Симъ общеполезнымъ средствомъ распространилось нѣкоторое нужное просвѣщеніе и обходительность. Находили только, что въ начертаніяхъ о губерніяхъ излишнія учре-

---

[1]) *Винскій*, 179, 186—187.

[2]) *Добрынинъ*, 201.

[3]) Записки кн. *Дашковой*, 288—289.

жены присутственныя мѣста первой инстанціи, что, кажется, послѣ и поправлено уничтоженіемъ нѣкоторыхъ. Въ разсужденіи пространства нашей имперіи и свирѣпыхъ свойствъ нашего народа нужно было ввести сельскую полицію или благочиніе. Съ того времени, дѣйствительно, менѣе слышно о какихъ-либо злодѣяніяхъ" [1]). Гр. Сиверсъ, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Екатерины въ дѣлѣ губернской реформы, указывалъ, что она должна привлечь къ участію въ государственной дѣятельности массу новыхъ людей, нѣсколько ограничить этимъ вліяніе одной придворной аристократіи и устранить то невыгодное слѣдствіе манифеста о вольности дворянства, что, при тогдашнемъ невысокомъ еще развитіи и образованіи, дворяне могли потерять всякое сознаніе общихъ интересовъ и своихъ обязанностей передъ государствомъ; кромѣ того, онъ и потомъ свидѣтельствовалъ о благотворномъ вліяніи этой реформы на жизнь и нравы дворянства [2]). Наконецъ, Карамзинъ еще въ 1801 году писалъ объ этой реформѣ совершенно въ томъ же духѣ. „Новое учрежденіе о губерніяхъ составляетъ", говоритъ онъ,—„вторую [3]) важную эпоху въ ея (Екатерины Великой) правленіи и мало по малу удивительнымъ образомъ перемѣнило Россію какъ въ умахъ, такъ и въ нравахъ"; Затѣмъ, указавъ, что послѣ манифеста 1762 года многіе дворяне, поселившіеся въ помѣстьяхъ, „вели спокойную, но праздную и для государства мало полезную жизнь", Карамзинъ говоритъ, что учрежденіе намѣстничества открыло дворянамъ новое поле дѣятельности, вывело ихъ изъ произвольнаго заточенія, соединило и болѣе познакомило между собою, возвысило цѣну добраго мнѣнія о человѣкѣ, дало болѣе средствъ достойнымъ образомъ воспитывать дѣтей, открыло новые способы для торговли и благодѣтельно повліяло даже на улучшеніе сельскаго хозяйства, и что подъ вліяніемъ сношеній съ дворянами, живущими по городамъ, улучшились нравы и торговыхъ людей, прежде грубые, а жизнь въ провинціи стала безопаснѣе. Вообще Карамзинъ находитъ, что „Россія въ 34 года дѣятельнаго царствованія, котораго главною цѣлью было народное просвѣщеніе, столь преобразилась, возвысилась духомъ, созрѣла умомъ, что отцы наши, еслибы теперь воскресли, не узнали бы Россіи" [4]). Мы ограничиваемся здѣсь при-

---

[1]) Записки кн. *Ѳ. Н. Голицына* въ *Р. Арх.* 1874, 1293—1294.

[2]) *Иловайскій*, Сочиненія, 540—541, 546, 548, 570—572.

[3]) Первою онъ признаетъ созваніе коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія.

[4]) *Карамзинъ*, „Историческое похвальное слово Екатеринѣ II", Сочиненія, изд. 1848 г., т. I, 275—380, особенно 329—370.

веденными отзывами, хотя можно привести и еще не мало самыхъ благопріятныхъ отзывовъ о царствованіи Екатерины II вообще, а особенно—объ областной реформѣ [1]). Несомнѣнно, мнѣ кажется, что отзывы столь многихъ лицъ, отзывы, имѣющіе цѣлью охарактеризовать именно общее положеніе Россіи, столь удивительно согласные между собою, отражаютъ фактъ дѣйствительной жизни, фактъ важный, крупный, рѣзко бросающійся въ глаза, и тѣмъ удивительнѣе, что эпоха эта проходитъ вовсе не замѣченною во всѣхъ почти трудахъ по исторіи XVIII вѣка. Намъ извѣстенъ лишь одинъ несочувственный отзывъ объ этой реформѣ, именно кн. М. М. Щербатова, который въ своемъ извѣстномъ политическомъ памфлетѣ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи" дѣлаетъ, между прочимъ, такой упрекъ Екатеринѣ: „Составлены учрежденія, которыя не стыдились законами называть, и содѣланныя намѣстничества, наполня безъ разбору людьми, съ нарушеніемъ всего перваго, къ вреду общества, къ умноженію ябедъ и раззоренія народнаго, да и за тѣми надзиранія не имѣютъ, исправляютъ ли точно по даннымъ наставленіямъ. Испекли законы, правами дворянскими и городовыми названные, которые болѣе лишеніе, нежели даніе правъ въ себѣ вмѣщаютъ и всеобщее дѣлаютъ отягощеніе народу" [2]). Но этотъ отзывъ, по самой страстности тона возбуждающій уже подозрѣніе въ своей справедливости, совершенно недоказателенъ, не означаетъ недостатковъ этихъ учрежденій прямо, между тѣмъ какъ всѣ противоположные отзывы прямо и опредѣленно указываютъ, въ чемъ именно выражалась польза этихъ учрежденій,

---

[1]) *Мих. Ал. Фонъ-Визинъ* говоритъ въ своихъ Запискахъ, что царствованіе Екатерины II—„время самое блистательное въ нашей исторіи"; „небывалая въ Россіи до нея кротость и умѣренность въ дѣйствіяхъ верховной власти и нѣкоторое уваженіе къ законамъ ознаменовали царствованіе Екатерины II; этимъ Россія обязана была уваженію императрицы къ энциклопедистамъ и желанію быть ими прославляемой"; по его словамъ, учрежденіе губерній и городовое положеніе, давъ мѣстнымъ жителямъ право выбирать чиновниковъ мѣстнаго управленія и судопроизводства, „улучшили управленіе губернское и уѣздное". *Р. Ст.*, XLII, 57, 58. *В. Селивановъ*, въ статьѣ „Изъ давнихъ воспоминаній", пишетъ: „Конечно, Шишковскій страшный человѣкъ, но все-таки при Екатеринѣ какъ-то всѣ были довольны и забывали даже о Шишковскомъ", *Р. Арх.* 1869, 165; *Энгельгардтъ* говоритъ: „Царствованіе его (Павла I) было для всѣхъ чрезвычайно тяжело, особливо для привыкшихъ благоденствовать подъ кроткимъ правленіемъ обожаемой монархини. Конечно, и при ней были несправедливости, но онѣ были рѣдки и претерпѣвали ихъ частныя лица, а не все цѣлое", стр. 199.

[2]) Кн. *М. М. Щербатовъ*, „О поврежденіи нравовъ въ Россіи", *Р. Ст.*, III, 685.

и на сколько, съ своей стороны, отзывы эти обобщаютъ относящійся сюда матеріалъ изъ источниковъ для исторіи того времени, на столько же въ свою очередь подкрѣпляются и подтверждаются сами всѣмъ, что̀ и предъ нами ясно выступаетъ изъ этихъ источниковъ, если, конечно, обращать вниманіе и придавать значеніе не единичнымъ фактамъ, а общему смыслу и характеру разказовъ, общему фону, который выступаетъ при чтеніи тогдашнихъ мемуаровъ и другихъ подобныхъ матеріаловъ.

„Къ важному и навѣки достопамятному для города дню" открытія въ немъ намѣстничества происходили великія приготовленія: готовили домы для намѣстника, губернатора и другихъ высшихъ чиновниковъ, для присутственныхъ мѣстъ, для дворянскаго собранія, при чемъ присутственныя мѣста приходилось иногда на первое время помѣщать въ монастырскихъ зданіяхъ, въ семинаріи, а для зала дворянскаго собранія обращать одинъ изъ самыхъ большихъ домовъ города въ одну комнату; приготовляли деревянный театръ, фейерверкъ, помѣщеніе для маскарада, потому что открытіе намѣстничества сопровождалось разными увеселеніями. Въ городъ собиралось все окрестное дворянство, пріѣзжали и изъ сосѣднихъ губерній, такъ что городъ „никогда еще не видывалъ толь великаго множества и знатнаго, и средняго, и мелкаго дворянства"; въ Новгородъ, напримѣръ, съѣхалось на открытіе намѣстничества до 650, въ Тверь до 500 дворянъ; чиновникъ Добрынинъ, не имѣвшій еще знакомыхъ въ Могилевѣ, куда пріѣхалъ искать мѣста, пишетъ, что дворяне, собравшіеся на открытіе губерніи, „пили, ѣли и играли"; но Болотовъ, вращавшійся въ средѣ самаго дворянства, даетъ въ своихъ запискахъ ясно понять, что они были очень заинтересованы долженствующими совершиться событіями; о нихъ преимущественно разсуждали и разговаривали, были очень возбуждены. Другіе источники свидѣтельствуютъ также, что мѣстные дворяне сближались съ вновь прибывшими чиновниками, которые чаще были люди сравнительно знающіе и образованные, и что вообще настроеніе общества было таково, какого только можно было желать [1]).

Въ назначенный для открытія день всѣ дворяне являлись въ соборъ; тамъ, на молебнѣ, читали манифестъ, и затѣмъ всѣ ѣхали въ залъ дворянскаго собранія, такъ-называемый „красный"; въ немъ у

---

[1]) *Болотовъ*, III, 715—720; *Треф*о*левъ* „А. П. Мельгуновъ", *Р. Арх.* 1865, 895; *Иловайскій*, Сочиненія, 554, 568, 569; *Добрынинъ*, 193, 194; *Винскій*, 179.

передней стѣны сооружался тронъ, и за нимъ ставился портретъ императрицы; со ступенекъ трона намѣстникъ, окруженный чиновниками и гостями изъ другихъ губерній, говорилъ привѣтственную рѣчь, которую собраніе слушало стоя, затѣмъ предлагалъ трехъ кандидатовъ въ губернскіе предводители дворянства, и начиналась баллотировка, которую большинство тутъ только впервые узнало: дворянамъ, сидѣвшимъ на скамьяхъ, раздавали по шарику и потомъ обносили ихъ баллотировочными ящиками; губернскій прокуроръ считалъ шары на виду всѣхъ. На другой и на третій день, подъ предсѣдательствомъ уже губернскаго предводителя, выбирали уѣздныхъ предводителей и съ ними, послѣ назначенія двѣнадцати кандидатовъ въ засѣдатели въ совѣстный судъ, въ верхній земскій судъ и въ приказъ общественнаго призрѣнія, выбирали и на эти должности и въ уѣздные судьи и засѣдатели; выбранныхъ водили къ намѣстнику, онъ ихъ утверждалъ „въ сихъ чинахъ" и поздравлялъ; на четвертый день избранныхъ приводили къ присягѣ, на пятый — намѣстникъ открывалъ присутственныя мѣста и „садилъ" тамъ чиновниковъ. Въ эти же дни происходили разныя увеселенія: спектакли труппы, набранной изъ чиновниковъ, маскарадъ и фейерверкъ, которыхъ многіе никогда прежде не видывали; въ то же время давали вечера и парадные обѣды намѣстникъ, предводитель, иногда даже мѣстный архіерей. Увеселеніями торжества открытія и заканчивались; открытіе новыхъ уѣздныхъ городовъ и присутственныхъ мѣстъ въ нихъ производили губернаторы безъ всякой торжественности [1]). Пріѣзжіе возвращались по домамъ со множествомъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ интересовъ, новыхъ темъ для разговоровъ и размышленій. Особенно въ первое время было замѣтно благотворное вліяніе областной реформы. Мы не знаемъ, кто были ближайшими сотрудниками императрицы при составленіи Учрежденія о губерніяхъ [2]); но очевидно, что этотъ актъ былъ очень тщательно и внимательно обдуманъ;

---

[1]) *Болотовъ*, III, 720—728, 746; *Русскій Архивъ* 1865, 913.

[2]) „Сиверсъ впослѣдствіи разказывалъ, что совѣтникомъ императрицы въ настоящемъ случаѣ собственно былъ онъ одинъ, и никто изъ министровъ тутъ не участвовалъ, даже и князь Вяземскій. Екатерина хотѣла сначала ввести новыя учрежденія только въ Твери, въ видѣ опыта. „Но, говоритъ Сиверсъ, совѣтъ, состоявшій изъ придворныхъ льстецовъ, бросился къ ея ногамъ и со слезами умолялъ немедленно обратить въ законъ такое великое благодѣяніе. Ея Величество уступила и проектъ сдѣлался закономъ"; *Иловайскій*, Сочиненія, 540.

главнѣйшимъ матеріаломъ для него послужили, по видимому, заявленія депутатовъ въ коммиссіи 1766 года, особенно дворянскіе наказы, и нельзя не отмѣтить, что и самоуправленіе, и участіе въ судебныхъ и другихъ общихъ дѣлахъ округа, и опека и все прочее, чего просили дворяне, было имъ дано, и дано въ формахъ гораздо болѣе совершенныхъ, законченныхъ, такъ-сказать, государственныхъ, чѣмъ представляли себѣ дворяне въ своихъ наказахъ; реформа эта вводилась постепенно, но безъ замедленій и съ измѣненіями, необходимость которыхъ указывала практика [1]); людямъ очень хорошо образованнымъ, большею частью даже талантливымъ, выдающимся, выбирать которыхъ такъ умѣла императрица Екатерина, поручены были теперь по двѣ, по три губерніи, и многіе изъ намѣстниковъ очень ревностно заботились о выгодахъ и улучшеніи края, ввѣреннаго ихъ управленію; вмѣсто прежнихъ воеводъ, своими поступками опозорившихъ самое это имя, губернаторами назначались, особенно въ первое время, большею частью люди честные, благонамѣренные и даровитые; они съ замѣтнымъ успѣхомъ направляли свою дѣятельность на улучшеніе дѣлопроизводства и судопроизводства, заботились о подъемѣ торговли и промышленности, о распространеніи знаній: во многихъ городахъ во время самыхъ торжествъ открытія губерніи рѣшали учредить училища, на нихъ тутъ же собирались деньги, и они дѣйствительно основывались; суммы, которыя въ другихъ городахъ жертвуемы были на памятники императрицы, она приказывала обращать на школы. Вновь учрежденныя училища, сравнительно съ прежними, были, поставлены очень хорошо; въ управленіи, какъ уже указано выше, приняли теперь участіе многіе дворяне, сосредоточившіеся, такимъ образомъ, въ болѣе значительномъ числѣ въ городахъ; въ иныхъ губернскихъ городахъ заведены типографіи, и началась при содѣйствіи высшихъ мѣстныхъ властей даже журнальная дѣятельность [2]); во всей общественной жизни, въ развитіи массы дворянства, не замедлили оказаться многія и весьма важныя измѣненія.

Общественная жизнь была рѣшительно выбита изъ прежней колеи, въ которой развитіе ея, какъ мы видѣли, шло довольно ме-

---

[1]) П. С. З., №№ 14816, 15280.

[2]) *Иловайскій*, Сочиненія, 572, 558, 569—570, 578; *Державинъ*, VI, 556, 558, 563; Путешествіе *Кокса*, *Р. Ст.*, XIX, 24; Ст. *Трефолева* о А. П. Мельгуновѣ, *Р. Арх.*, 891—892; П. С. З., № 14927.

дленно. Теперь всякій помѣщикъ долженъ былъ жить не только для своего дома, отдѣльно отъ всѣхъ и всего; теперь онъ имѣлъ новыя права, новыя обязанности, новые интересы; у помѣщиковъ были теперь поводы, собираясь, говорить не объ одномъ своемъ хозяйствѣ, не объ однѣхъ собакахъ, а обсуждать то, другое, говорить о дѣлахъ всей губерніи, и въ рѣшеніи многихъ изъ нихъ теперь каждый дворянинъ, прямо или косвенно, могъ принимать участіе. И нельзя, дѣйствительно, не отмѣтить, съ какимъ умѣньемъ реформа была направлена именно къ устраненію той обособленности, того отсутствія дѣятельности, которыя угрожали дворянству, поселившемуся теперь въ провинціи, полнымъ застоемъ, опасностью облѣниться, измельчать умственно, отдавшись вполнѣ однимъ только домашнимъ, хозяйственнымъ заботамъ. Та общественная жизнь, которая началась на торжествахъ открытія губерній, уже не прекращалась. Въ городахъ теперь постоянно живетъ довольно много дворянъ; присутственныя мѣста наполнены судьями и засѣдателями изъ дворянъ; все это люди большею частью еще не старые, болѣе или менѣе развитые, интересующіеся разными вопросами; они сближаются, живутъ въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, и даже въ отдаленныхъ, прежде отличавшихся грубостью нравовъ, городахъ, начинается такая живая, интересная общественная жизнь, что многіе поселяются тамъ, переѣзжая даже изъ столицы; иногда губернаторъ собираетъ около себя все общество, предлагая молодежи танцы и игры, а людямъ пожилымъ умные, интересные разговоры о политикѣ, литературѣ и искусствахъ, устраивая у себя вечера, балы, концерты, спектакли; у иныхъ губернаторовъ большія библіотеки, которыя они предоставляютъ въ пользованіе желающихъ читать, завязывая съ таковыми дружественныя отношенія, хотя бы это были и люди, занимающіе въ обществѣ не высокое положеніе; часто пріѣзжаютъ въ городъ и жители деревень, собираясь въ особенно большомъ количествѣ черезъ каждые три года „на выборы и имѣющія быть увеселенія“; исчезаетъ почти различіе, прежде столь рѣзкое, между жителями деревень и городовъ; „грубость и скотство“, прежде господствовавшія въ городахъ, отдаленныхъ отъ главныхъ центровъ, „тотчасъ принуждены уступить мѣсто людскости, вѣжливости и другимъ качествамъ, свойственнымъ благоустроеннымъ обществамъ“, замѣчаетъ Винскій. Это—еще то же общество, что было и прежде, но обстоятельства измѣнились, и оно мѣняется; связанное и сплоченное общими интересами

оно „занимается общежитіемъ", по выраженію Сиверса [1]). Въ запискахъ, напримѣръ, Болотова можно замѣтить, что значительно перемѣнились въ это время къ лучшему многіе его знакомые, люди уже не молодые, выросшіе еще при прежнихъ обстоятельствахъ и учившіеся не въ Петербургѣ или Москвѣ, а дома, и измѣнились именно потому, что въ благопріятную сторону измѣнены были условія общественной жизни: у нихъ есть теперь кое-какіе умственные интересы, у нихъ пробуждена умственная дѣятельность. Теперь у дворянъ болѣе зажиточныхъ можно встрѣтить часто цѣлое общество такихъ людей, которые были прежде на перечетѣ, людей образованныхъ и могущихъ говорить „обо всемъ"; во многихъ домахъ собираются значительныя библіотеки, картины, коллекціи эстамповъ, разныхъ рѣдкостей и т. д.; цѣлое общество собирается слушать переводы изъ иностранныхъ книгъ; попадаются въ отдаленныхъ даже городахъ люди, которые ведутъ какъ бы мѣстную лѣтопись, записываютъ разные слухи, анекдоты, у которыхъ можно даже получить „рѣдкія и тайныя" (запрещенныя) сочиненія; чрезвычайно распространяется любовь къ чтенію: въ Богородскѣ, напримѣръ, подъ самою, значитъ, Москвою, до 1779 года никто не зналъ о журналахъ, издававшихся Новиковымъ, а теперь многіе выписываютъ всѣ русскіе журналы и газеты, даже и иностранные, съ нетерпѣніемъ ждутъ почты, съ особенною любовью слѣдятъ за тѣмъ или другимъ изданіемъ [2]). Благодаря дѣятельности Новикова, оказавшаго на этомъ поприщѣ чрезвычайно важныя услуги Россіи, заведена торговля книгами во многихъ провинціальныхъ городахъ; въ послѣднее двадцатипятилѣтіе прошлаго вѣка торговля книгами разрослась въ Россіи необыкновенно: прежде въ Москвѣ была лишь одна книжная лавка,— теперь ихъ стало до 20, продававшихъ въ годъ книгъ на сумму до 200000 рублей [3]); много значилъ тутъ, конечно, и указъ о вольныхъ типографіяхъ. Теперь, даже въ отдаленныхъ городахъ попадается не мало молодыхъ людей, очень хорошо образованныхъ, ведущихъ жизнь „философическую", какъ тогда говорили, или занимающихся на-

---

[1]) *Державинъ*, 556—557; *Винскій*, 183, 179; *Русскій Архивъ* 1865, 931—932; *Болотовъ*, IV, 100; III, 806—807; *Иловайскій*, Сочиненія, 572; *Курьеръ изъ ада* 1788 г., 57.

[2]) *Болотовъ*, III, 859, 930, 1020 и др.; IV, 245, 275, 340, 513, 686, 709, 845, 886 и мн. др.; Памятникъ временъ протекшихъ, 32; *Винскій*, 183.

[3]) *Карамзинъ*, Сочиненія, изд. 1848 г., т. III: „О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи", 545—550; *И. И. Дмитріевъ*, 46, 52, 57.

уками, напримѣръ, ботаникой, изученіемъ электричества и т. п.; современники сами отмѣчаютъ, что въ 80-хъ годахъ поднялась наконецъ и въ Россіи „заря наукъ" [1]); впрочемъ, люди, жившіе и нѣсколько позже, бывшіе въ то время еще молодыми, вспоминали, что хотя въ массѣ дворянства и стали распространяться тогда свѣдѣнія, но большею частью безъ системы, а что серьезно, упорно учиться принялись у насъ лишь съ 1808 года, когда установленъ былъ образовательный цензъ для чиновниковъ [2]); попадаются „артисты", то-есть, любители изящныхъ искусствъ, знатоки театра; иные занимаются литературой; вскорѣ даже любовь къ литературнымъ упражненіямъ дошла до смѣшной страсти, до смѣшнаго увлеченія стихотворствомъ, такъ что чуть не всякій считалъ себя обязаннымъ писать стихи [3]), — но это есть увлеченіе совершенно естественное при томъ быстромъ пробужденіи умственныхъ силъ, которое тогда происходило. Все чаще и чаще встрѣчаемъ мы упоминанія о „знающихъ и многими достоинствами одаренныхъ людяхъ"; многіе изъ богатыхъ молодыхъ людей бывали за границей; потомъ и это обратилось тоже почти въ моду [4]), стало признаваться многими уже не средствомъ, а цѣлью: извѣстны многочисленныя нападки тогдашнихъ журналовъ на обычай странствовать по чужимъ краямъ; но эти нападки были направлены на увлеченіе путешествіями, на путешествія безъ пользы, а мы имѣемъ не мало указаній, что путешествія за границу приносили и должную пользу: что молодые люди возвращались, много передумавши, многое узнавши, познакомившись съ состояніемъ западной науки и литературы. Появились въ обществѣ и люди, увлеченные идеями XVIII вѣка, такъ-называемые вольтеріанцы, и даже

---

[1]) *Болотовъ*, III, 914; IV, 517, 928, 1153; *Винскій*, 86; *Почта духовъ* 1789 г., 87, свидѣтельствуетъ также о развитіи научной любознательности, хотя и въ нѣсколько юмористическомъ тонѣ: „хотя за большое невѣжество почитается не знать именъ современныхъ писателей, или названій вновь выходящихъ твореній—но никто ихъ не читаетъ": обстоятельная библіографія въ такихъ журналахъ, какъ *Академическія извѣстія*, *С.-Петербургскія ученыя вѣдомости*, *Россійскій магазинъ*, доказываетъ, что этотъ сатирическій отзывъ имѣлъ все-таки основаніе въ дѣйствительной жизни.

[2]) *М. А. Дмитріевъ*, 18, 78.

[3]) *Болотовъ*, IV, 928; Памятникъ, 42, *Добрынинъ*, 118; *И. И. Дмитріевъ*, 59—разказъ о встрѣчѣ съ Д. И. Фонъ-Визинымъ; яркій примѣръ—помѣщикъ Струйскій,—о немъ *М. А. Дмитріевъ*, 85—88.

[4]) Письма *Пикара* къ князю А. Б. Куракину, изъ Петербурга, 1781—1782 г., *Р. Ст.*, I, 129—130.

атеисты, стали слышаться даже насмѣшки надъ религіей,—но это, опять-таки, есть естественный, и всегда сопровождающій быстрое движеніе, переходъ въ противоположную крайность отъ воспитанія исключительно на духовныхъ книгахъ, царившаго прежде [1]); кромѣ того, такое поклоненіе Вольтеру и безвѣріе, что̂ тогда почти всегда соединяли, никогда не было господствующимъ и даже сильно распространеннымъ; въ общемъ современники не любили и старались избѣгать такихъ молодыхъ людей, они замѣчали также, что вольтеріанцы вскорѣ дѣлались меланхоликами, усталыми людьми [2]): это и есть психологически естественное слѣдствіе сильнаго подчиненія чуждому увлеченію, для котораго окружающая жизнь не представляла необходимой почвы.

Вообще, въ теченіе немногихъ сравнительно лѣтъ, въ провинціи создается образованное, развитое общество; отъ прежняго своего состоянія оно быстро идетъ къ тому, что̂ мы видимъ вокругъ себя теперь; Карамзинъ былъ въ значительной мѣрѣ правъ, говоря, что предки ихъ не узнали бы Россіи, еслибы встали изъ гробовъ; но совершившіяся измѣненія были вполнѣ естественны: это было развитіе, улучшеніе старой жизни, а не нѣчто постороннее, не нѣчто вполнѣ новое; никакого разрыва съ предшествующею эпохою мы не видимъ ни изъ какихъ источниковъ; напротивъ, если общество заключало въ себѣ много новаго, то оно носило еще въ себѣ не мало и явныхъ остатковъ старины. Образованные молодые люди были въ это время уже чужды прежнихъ суевѣрій, но за то мы встрѣчаемъ значительное распространеніе вѣры въ магію, въ таинственныя гаданія, которыя были въ концѣ прошлаго столѣтія весьма распространены въ западной Европѣ и оттуда проникли къ намъ; въ иныхъ городахъ появляются, привлекая общее вниманіе, разные заѣзжіе „страшные астрологи и провѣщатели"; мы видимъ и теперь, даже у людей образованныхъ, такіе интересы и занятія, которые намъ не могутъ не казаться смѣшными, напримѣръ, „придумываніе разныхъ замысловатыхъ алфабетовъ, которыхъ разгадать не возможно",

---

[1]) *Болотовъ*, IV, 350, 484, 790; III, 164; IV, 203, 112; *Шугуровъ* въ статьѣ „Ученіе и ученики въ XVIII вѣкѣ" приводитъ интересныя слова Полѣнова о Тюбингенскомъ университетѣ, *Р. Арх.* 1866, 318; также отличается самостоятельнымъ, серьезнымъ взглядомъ „Журналъ путешествія" *Зиновьева—Р. Ст.*, XXIII; не говорю уже о путешествіяхъ Фонъ-Визина, Радищева, Карамзина; *М. А. Дмитріевъ*, 50.

[2]) *Болотовъ*, III, 164.

или сочиненіе въ стихахъ разныхъ загадокъ, которыя трудно признать остроумными, или „составленіе изъ красокъ разныхъ цвѣтовъ" и т. п. А любовь къ подобнымъ занятіямъ еще очень недавно, сравнительно, можно было встрѣтить у довольно образованныхъ по старинному, стариковъ [1]). Не измѣнилось рѣзко и отношеніе къ слугамъ; я выше говорилъ уже, что нельзя считать господствовавшимъ въ то время дурное съ ними обращеніе,—таково же осталось оно и въ концѣ XVIII в.; но и теперь, напримѣръ, въ книгѣ, напечатанной Новиковымъ въ 1789 году, и о которой Новиковъ отзывался очень хорошо [2]), между прочимъ говорится, что часто приходится наказывать слугъ, а что если, провинившись, слуга еще станетъ грубо отвѣчать, то придется дать ему оплеуху, если онъ продолжаетъ ворчать себѣ подъ носъ, то прибавить ихъ еще нѣсколько, потомъ потаскать за волосы, наконецъ, если онъ искренно не проситъ прощенія — сѣчь, и наконецъ, прибавляется: „не случается ли часто, что мы такихъ непокорливыхъ рабовъ сажаемъ въ стулья, облагаемъ кандалами, моримъ голодомъ"? Впрочемъ, бить слугу во вспыльчивости, тѣмъ болѣе при постороннихъ, считалось крайне непристойнымъ [3]); обыкновенно наказанія носили по истинѣ отеческій характеръ и вовсе не были слѣдствіемъ презрѣнія къ слугѣ, забвенія въ немъ человѣческаго достоинства: такъ наказывали и самихъ тогдашнихъ дворянъ въ дѣтствѣ, такъ и они наказывали своихъ дѣтей; бабушка, разказываетъ одна современница, которая была въ свое время хорошо воспитана,—какъ на кого изъ дворовыхъ прогнѣвается, сниметъ съ ноги башмакъ и живо отшлепаетъ; если наказанный попроситъ прощенія, то тѣмъ и кончалось; если не попроситъ, то наказаніе усиливалось [4]). Не замѣчаемъ измѣненій и во взглядѣ на крѣпостныхъ; и теперь встрѣчаются люди, заботливо относящіеся къ своимъ крестьянамъ, на столько ими занятые, что только и говорятъ, что о нихъ и ихъ хозяйствѣ, и даже надоѣдаютъ своими разговорами другимъ, которымъ эти предметы кажутся

---

[1]) *Тимковскій*, 1421, *Болотовъ* III, 1201, IV, 68—69.

[2]) Путеводитель къ истинному человѣческому счастію, М. 1784, III, 227—210; отзывъ объ этой книгѣ *Московскія Вѣдомости* 1784, № 16 и слѣдующіе.

[3]) Добрынинъ разказываетъ, какъ личная расправа со своимъ мальчикомъ епископа Кирилла Флоринскаго непріятно поразила помѣщика, у котораго онъ остановился, 62; драку со слугами Болотовъ также отмѣчаетъ, какъ доказательство грубости тамбовскихъ помѣщиковъ.

[4]) Разказы бабушки, 11.

„слушанія недостойными"; это типъ людей, впрочемъ уже не новый: объ освобожденіи крестьянъ говорено было нѣсколькими депутатами еще въ коммиссіи 1766 года; встрѣчаются и потомъ указанія на заботы о крестьянахъ, даже объ обученіи крестьянскихъ дѣтей, и я указываю здѣсь только, что такой типъ не вымиралъ никогда, что среди дворянства всегда помнили, что крѣпостные такіе же люди [1]). Вообще, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отчасти отношеніи, мы видимъ движеніе впередъ—но именно, какъ вполнѣ естественное, органическое развитіе, а не какъ распространеніе новыхъ началъ, отрицающихъ прежнія понятія.

Но если сохранялось еще много стараго, если новое развивалось прямо изъ стараго, то это послѣднее получало рѣшительное преобладаніе. Тотъ „тонкій вкусъ", та „свѣтская жизнь", начало которымъ положено было въ столицахъ еще въ 50-хъ годахъ, въ послѣднюю четверть вѣка вполнѣ и повсюду проникли въ общество; различіе между обществомъ столичнымъ и провинціальнымъ хотя, конечно, существовало, но все болѣе и болѣе сглаживалось; а о жизни въ Петербургѣ (въ 1782 — 1783 г.) одинъ современникъ пишетъ: „Словомъ, всѣ жили весело и пріятно, безъ всякаго принужденія; однакожъ благопристойность строго соблюдалась, ибо старались быть принятыми въ хорошемъ обществѣ, а для того надобно было имѣть репутацію безъ малѣйшаго пятна и тонъ хорошаго воспитанія"; повсюду распространился теперь вкусъ къ удовольствіямъ эстетическимъ, любовь къ музыкѣ, спектаклямъ, такъ что массы публики наполняли постоянно театръ и слушали концерты заѣзжихъ „виртуозовъ", которые теперь стали посѣщать столичные и большіе города; даже у себя въ домахъ многіе помѣщики стали устраивать концерты, спектакли, а болѣе богатые заводили даже цѣлыя труппы собственныхъ актеровъ; въ Москвѣ къ концу вѣка было 15 театровъ, и изъ нихъ лишь одинъ казенный; прежде въ немногихъ домахъ имѣли музыку, состоявшую изъ двухъ-трехъ лакеевъ, игравшихъ „на скрипочкахъ"— теперь же во многихъ, даже не особенно богатыхъ домахъ, составляли изъ дворовыхъ цѣлые оркестры музыкантовъ, обученныхъ у настоящихъ, иногда очень хорошихъ, капельмейстеровъ, которые начали теперь селиться даже по небольшимъ уѣзднымъ городамъ; на

---

[1]) *Болотовъ*, III, 1107; *Сб. Русск. Имп. Ист. Общ.*, т. 34, 54, 55; *Лепехинъ*, Дневныя записки, I, 93; Наказъ управителю (*Рычкова*) въ 16-й книжкѣ *Трудовъ Волн. Экон. Общ.* (XVIII в.), 1—68.

музыку человѣкъ далеко не мотъ издерживалъ иногда до шестой части своихъ годовыхъ расходовъ [1]). Въ концѣ 80-хъ годовъ вошли въ провинціи во всеобщее употребленіе визиты; начались они съ того, что по праздникамъ ѣздили на поклонъ къ главнымъ особамъ города, потомъ стали ѣздить и по знакомымъ; а одно время, въ Тулѣ по крайней мѣрѣ, была какая-то манія на визиты: всѣ только и дѣлали, что рыскали по знакомымъ, оставаясь всюду лишь по нѣскольку минутъ [2]).

Съ этой же эпохи замѣтно болѣе значительное улучшеніе воспитанія и обученія дѣтей и увеличеніе для этого способовъ; кромѣ того, что въ столицахъ увеличилось число учебныхъ заведеній, расширенъ ихъ штатъ и улучшено преподаваніе и воспитаніе учащихся,—теперь во многихъ городахъ, при ближайшемъ участіи родителей, открываются частные пансіоны для маленькихъ дѣтей, гдѣ учатъ французскому и нѣмецкому языкамъ, географіи, исторіи и ариѳметикѣ; въ болѣе значительныхъ городахъ возникли правительственныя школы, въ которыхъ были нерѣдко хорошіе учителя; нѣкоторыя семьи изъ усадебъ нарочно переѣзжаютъ въ городъ, чтобъ учить дѣтей, и не довольствуясь тѣмъ, что̀ преподается въ училищахъ и пансіонахъ, стараются подыскать учителя и другаго языка, а если представляется возможность, то посылаютъ учиться и въ какомъ-нибудь частномъ домѣ; такъ, напримѣръ, у Болотова постоянно жили два, три ученика, собирались въ опредѣленные часы дѣти его знакомыхъ, и онъ толковалъ имъ законъ Божій, физику и другія части естественной науки, училъ ихъ рисованію; замѣтимъ здѣсь, что тогда вообще довольно часто жили въ домахъ болѣе состоятельныхъ людей разныя бѣдныя родственницы или дѣвушки-сироты. Во многихъ домахъ учили дѣтей музыкѣ; считалось необходимымъ выучиться танцамъ; когда собирались вмѣстѣ молодые люди и дѣвушки, то вмѣсто прежнихъ качелей или городковъ, они занимаются разыгрываніемъ музыкальныхъ пьесъ и т. п. [3]). Мы выше видѣли, каково было у многихъ

---

[1]) *Болотовъ*, I, 179, 180; III, 869, 914, 947, 1023; IV, 129, 270, 344, 346, 1150-1298 и др.; *Энгельгардтъ*, 49; Памятникъ, 267, 268; *Державинъ*, 556, 559; о распространеніи въ обществѣ вѣжливости говоритъ *Курьеръ изъ ада* 1788 г., 252.

[2]) *Болотовъ*, IV, 206, 811.

[3]) *Болотовъ*, III, 117, 767—771, 838, 1088; IV, 344, 1150; Записки кн. *И. М. Долгорукаго*, въ Сочиненіяхъ его, т. II, С. 116. 1849, 510—511; *Державинъ*, 556—559; *Левшинъ*, Домашній памятникъ, *Р. Ст.*, VIII, 826—833; Путешествіе *Кокса*, *Р. Ст.*, XVIII, 24; ст. *Трефолева* о Мельгуновѣ, *Русск. Арх.* 1865 г., 891—892.

прежнихъ помѣщиковъ собственно воспитаніе; часто встрѣчали мы отзывы, что дѣти ихъ совсѣмъ не воспитаны или воспитаны плохо; теперь все чаще и чаще читаемъ: воспитаны изрядно, хорошо; въ болѣе достаточныхъ домахъ для дѣтей держатъ и „учителей и мадамъ", часто мужа съ женою; спросъ на такихъ воспитателей былъ такъ силенъ, что породилъ большое зло, такъ какъ наниматься стали въ гувернеры и гувернантки люди, совершенно не подготовленные къ этому дѣлу, даже съ весьма дурнымъ прошлымъ; правительство для ослабленія этого зла установило экзамены, посылало по провинціи ревизовать свидѣтельства гувернеровъ и гувернантокъ, но мѣры эти не были вполнѣ дѣйствительны; жалобы, что французскіе воспитатели и воспитательницы портятъ русское юношество, громко и единогласно слышатся съ разныхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе при необходимости удовлетворять все усиливавшейся потребности времени въ образованіи, тогдашніе люди не могли устранить это зло, не имѣли средствъ болѣе успѣшно съ нимъ бороться; но все-таки теперь уже дѣти не подвергаются жестокому обращенію учителей; какъ исключеніе указываетъ Болотовъ, что ему приходилось одного мальчика „даже наказывать"; такое воспитаніе, какъ описанное въ первой главѣ, теперь удивляетъ и поражаетъ всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ, и они стараются подыскать кого-нибудь, кто „поисправилъ" бы такихъ мальчиковъ [1]).

О женщинахъ, какъ и прежде, встрѣчаемъ не много данныхъ; но все-таки мы узнаемъ, что теперь дѣвочекъ учатъ наравнѣ съ мальчиками; замѣтно, что чаще встрѣчаются женщины почтенныя и образованныя, молодыя дѣвушки хорошо воспитанныя, свѣтскія и разумныя; среди нихъ попадаются охотницы читать, занимающіяся музыкой; считается необходимымъ дѣвушкѣ „для приданія бо́льшаго совершенства природнымъ дарованіямъ" умѣть танцовать, и танцамъ учатся, не смотря даже на рѣзкости вспыльчиваго танцмейстера. Вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ, стремленіемъ къ большимъ удобствамъ и лучшей обстановкѣ, женщины начинаютъ обращать больше вниманія на наряды, моды: въ гости одѣваютъ шитыя золотомъ и серебромъ шелковыя платья; собираясь куда-нибудь не совершенно запросто—одѣваются къ вечеру съ утра; обязательнымъ стало румяниться, такъ что

[1]) Кн. *Долгорукаго* Записки, 502, 504, 511; *Левшинъ*, 830—833; замѣтки на статью „А. П. Мельгуновъ", *Русск. Арх.* 1865, 921—922; *Болотовъ*, IV, 743, 897; *Энгельгардтъ*, 8.

дленно. Теперь всякій помѣщикъ долженъ былъ жить не только для своего дома, отдѣльно отъ всѣхъ и всего; теперь онъ имѣлъ новыя права, новыя обязанности, новые интересы; у помѣщиковъ были теперь поводы, собираясь, говорить не объ одномъ своемъ хозяйствѣ, не объ однѣхъ собакахъ, а обсуждать то, другое, говорить о дѣлахъ всей губерніи, и въ рѣшеніи многихъ изъ нихъ теперь каждый дворянинъ, прямо или косвенно, могъ принимать участіе. И нельзя, дѣйствительно, не отмѣтить, съ какимъ умѣньемъ реформа была направлена именно къ устраненію той обособленности, того отсутствія дѣятельности, которыя угрожали дворянству, поселившемуся теперь въ провинціи, полнымъ застоемъ, опасностью облѣниться, измельчать умственно, отдавшись вполнѣ однимъ только домашнимъ, хозяйственнымъ заботамъ. Та общественная жизнь, которая началась на торжествахъ открытія губерній, уже не прекращалась. Въ городахъ теперь постоянно живетъ довольно много дворянъ; присутственныя мѣста наполнены судьями и засѣдателями изъ дворянъ; все это люди большею частью еще не старые, болѣе или менѣе развитые, интересующіеся разными вопросами; они сближаются, живутъ въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, и даже въ отдаленныхъ, прежде отличавшихся грубостью нравовъ, городахъ, начинается такая живая, интересная общественная жизнь, что многіе поселяются тамъ, переѣзжая даже изъ столицы; иногда губернаторъ собираетъ около себя все общество, предлагая молодежи танцы и игры, а людямъ пожилымъ умные, интересные разговоры о политикѣ, литературѣ и искусствахъ, устраивая у себя вечера, балы, концерты, спектакли; у иныхъ губернаторовъ большія библіотеки, которыя они предоставляютъ въ пользованіе желающихъ читать, завязывая съ таковыми дружественныя отношенія, хотя бы это были и люди, занимающіе въ обществѣ не высокое положеніе; часто пріѣзжаютъ въ городъ и жители деревень, собираясь въ особенно большомъ количествѣ черезъ каждые три года „на выборы и имѣющія быть увеселенія“; исчезаетъ почти различіе, прежде столь рѣзкое, между жителями деревень и городовъ; „грубость и скотство“, прежде господствовавшія въ городахъ, отдаленныхъ отъ главныхъ центровъ, „тотчасъ принуждены уступить мѣсто людскости, вѣжливости и другимъ качествамъ, свойственнымъ благоустроеннымъ обществамъ“, замѣчаетъ Винскій. Это—еще то же общество, что было и прежде, но обстоятельства измѣнились, и оно мѣняется; связанное и сплоченное общими интересами

оно „занимается общежитіемъ", по выраженію Сиверса [1]). Въ запискахъ, напримѣръ, Болотова можно замѣтить, что значительно перемѣнились въ это время къ лучшему многіе его знакомые, люди уже не молодые, выросшіе еще при прежнихъ обстоятельствахъ и учившіеся не въ Петербургѣ или Москвѣ, а дома, и измѣнились именно потому, что въ благопріятную сторону измѣнены были условія общественной жизни: у нихъ есть теперь кое-какія умственные интересы, у нихъ пробуждена умственная дѣятельность. Теперь у дворянъ болѣе зажиточныхъ можно встрѣтить часто цѣлое общество такихъ людей, которые были прежде на перечетѣ, людей образованныхъ и могущихъ говорить „обо всемъ"; во многихъ домахъ собираются значительныя библіотеки, картины, коллекціи эстамповъ, разныхъ рѣдкостей и т. д.; цѣлое общество собирается слушать переводы изъ иностранныхъ книгъ; попадаются въ отдаленныхъ даже городахъ люди, которые ведутъ какъ бы мѣстную лѣтопись, записываютъ разные слухи, анекдоты, у которыхъ можно даже получить „рѣдкія и тайныя" (запрещенныя) сочиненія; чрезвычайно распространяется любовь къ чтенію: въ Богородскѣ, напримѣръ, подъ самою, значитъ, Москвою, до 1779 года никто не зналъ о журналахъ, издававшихся Новиковымъ, а теперь многіе выписываютъ всѣ русскіе журналы и газеты, даже и иностранные, съ нетерпѣніемъ ждутъ почты, съ особенною любовью слѣдятъ за тѣмъ или другимъ изданіемъ [2]). Благодаря дѣятельности Новикова, оказавшаго на этомъ поприщѣ чрезвычайно важныя услуги Россіи, заведена торговля книгами во многихъ провинціальныхъ городахъ; въ послѣднее двадцатипятилѣтіе прошлаго вѣка торговля книгами разрослась въ Россіи необыкновенно: прежде въ Москвѣ была лишь одна книжная лавка,— теперь ихъ стало до 20, продававшихъ въ годъ книгъ на сумму до 200000 рублей [3]); много значилъ тутъ, конечно, и указъ о вольныхъ типографіяхъ. Теперь, даже въ отдаленныхъ городахъ попадается не мало молодыхъ людей, очень хорошо образованныхъ, ведущихъ жизнь „философическую", какъ тогда говорили, или занимающихся на-

---

[1]) *Державинъ*, 556—557; *Винскій*, 183, 179; *Русскій Архивъ* 1865, 931—932; *Болотовъ*, IV, 100; III, 806—807; *Иловайскій*, Сочиненія, 572; *Курьеръ изъ ада* 1788 г., 57.

[2]) *Болотовъ*, III, 859, 930, 1020 и др.; IV, 245, 275, 340, 513, 686, 709, 845, 886 и мн. др.; Памятникъ временъ протекшихъ, 32; *Винскій*, 183.

[3]) *Карамзинъ*, Сочиненія, изд. 1848 г., т. III: „О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи", 545—550; *И. И. Дмитріевъ*, 46, 52, 57.

уками, напримѣръ, ботаникой, изученіемъ электричества и т. п.; современники сами отмѣчаютъ, что въ 80-хъ годахъ поднялась наконецъ и въ Россіи „заря наукъ“ [1]); впрочемъ, люди, жившіе и нѣсколько позже, бывшіе въ то время еще молодыми, вспоминали, что хотя въ массѣ дворянства и стали распространяться тогда свѣдѣнія, но большею частью безъ системы, а что серьезно, упорно учиться принялись у насъ лишь съ 1808 года, когда установленъ былъ образовательный цензъ для чиновниковъ [2]); попадаются „артисты“, то-есть, любители изящныхъ искусствъ, знатоки театра; иные занимаются литературой; вскорѣ даже любовь къ литературнымъ упражненіямъ дошла до смѣшной страсти, до смѣшнаго увлеченія стихотворствомъ, такъ что чуть не всякій считалъ себя обязаннымъ писать стихи [3]), — но это есть увлеченіе совершенно естественное при томъ быстромъ пробужденіи умственныхъ силъ, которое тогда происходило. Все чаще и чаще встрѣчаемъ мы упоминанія о „знающихъ и многими достоинствами одаренныхъ людяхъ“; многіе изъ богатыхъ молодыхъ людей бывали за границей; потомъ и это обратилось тоже почти въ моду [4]), стало признаваться многими уже не средствомъ, а цѣлью: извѣстны многочисленныя нападки тогдашнихъ журналовъ на обычай странствовать по чужимъ краямъ; но эти нападки были направлены на увлеченіе путешествіями, на путешествія безъ пользы, а мы имѣемъ не мало указаній, что путешествія за границу приносили и должную пользу: что молодые люди возвращались, много передумавши, многое узнавши, познакомившись съ состояніемъ западной науки и литературы. Появились въ обществѣ и люди, увлеченные идеями XVIII вѣка, такъ-называемые вольтеріанцы, и даже

---

[1]) *Болотовъ*, III, 914; IV, 517, 928, 1153; *Винскій*, 86; *Почта духовъ* 1789 г., 87, свидѣтельствуетъ также о развитіи научной любознательности, хотя и въ нѣсколько юмористическомъ тонѣ: „хотя за большое невѣжество почитается не знать именъ современныхъ писателей, или названій вновь выходящихъ твореній—но никто ихъ не читаетъ“: обстоятельная библіографія въ такихъ журналахъ, какъ *Академическія извѣстія*, *С.-Петербургскія ученыя вѣдомости*, *Россійскій магазинъ*, доказываетъ, что этотъ сатирическій отзывъ имѣлъ все-таки основаніе въ дѣйствительной жизни.

[2]) *М. А. Дмитріевъ*, 18, 78.

[3]) *Болотовъ*, IV, 928; Памятникъ, 42, *Добрынинъ*, 118; *И. И. Дмитріевъ*, 59—разказъ о встрѣчѣ съ Д. И. Фонъ-Визинымъ; яркій примѣръ—помѣщикъ Струйскій,—о немъ *М. А. Дмитріевъ*, 85—88.

[4]) Письма *Пикара* къ князю А. Б. Куракину, изъ Петербурга, 1781—1782 г., *Р. Ст.*, I, 129—130.

атеисты, стали слышаться даже насмѣшки надъ религіей,—но это, опять-таки, есть естественный, и всегда сопровождающій быстрое движеніе, переходъ въ противоположную крайность отъ воспитанія исключительно на духовныхъ книгахъ, царившаго прежде [1]); кромѣ того, такое поклоненіе Вольтеру и безвѣріе, что̀ тогда почти всегда соединяли, никогда не было господствующимъ и даже сильно распространеннымъ; въ общемъ современники не любили и старались избѣгать такихъ молодыхъ людей, они замѣчали также, что вольтеріанцы вскорѣ дѣлались меланхоликами, усталыми людьми [2]): это и есть психологически естественное слѣдствіе сильнаго подчиненія чуждому увлеченію, для котораго окружающая жизнь не представляла необходимой почвы.

Вообще, въ теченіе немногихъ сравнительно лѣтъ, въ провинціи создается образованное, развитое общество; отъ прежняго своего состоянія оно быстро идетъ къ тому, что̀ мы видимъ вокругъ себя теперь; Карамзинъ былъ въ значительной мѣрѣ правъ, говоря, что предки ихъ не узнали бы Россіи, еслибы встали изъ гробовъ; но совершившіяся измѣненія были вполнѣ естественны: это было развитіе, улучшеніе старой жизни, а не нѣчто постороннее, не нѣчто вполнѣ новое; никакого разрыва съ предшествующею эпохою мы не видимъ ни изъ какихъ источниковъ; напротивъ, если общество заключало въ себѣ много новаго, то оно носило еще въ себѣ не мало и явныхъ остатковъ старины. Образованные молодые люди были въ это время уже чужды прежнихъ суевѣрій, но за то мы встрѣчаемъ значительное распространеніе вѣры въ магію, въ таинственныя гаданія, которыя были въ концѣ прошлаго столѣтія весьма распространены въ западной Европѣ и оттуда проникли къ намъ; въ иныхъ городахъ появляются, привлекая общее вниманіе, разные заѣзжіе „страшные астрологи и провѣщатели“; мы видимъ и теперь, даже у людей образованныхъ, такіе интересы и занятія, которые намъ не могутъ не казаться смѣшными, напримѣръ, „придумываніе разныхъ замысловатыхъ алфабетовъ, которыхъ разгадать не возможно“,

---

[1]) *Болотовъ*, IV, 350, 484, 790; III, 164; IV, 203, 112; *Шугуровъ* въ статьѣ „Ученіе и ученики въ XVIII вѣкѣ“ приводитъ интересныя слова Полѣнова о Тюбингенскомъ университетѣ, *Р. Арх.* 1866, 318; также отличается самостоятельнымъ, серьезнымъ взглядомъ „Журналъ путешествія“ *Зиновьева—Р. Ст.*, XXIII; не говорю уже о путешествіяхъ Фонъ-Визина, Радищева, Карамзина; *М. А. Дмитріевъ*, 50.

[2]) *Болотовъ*, III, 164.

или сочинение въ стихахъ разныхъ загадокъ, которыя трудно признать остроумными, или „составленіе изъ красокъ разныхъ цвѣтовъ" и т. п. А любовь къ подобнымъ занятіямъ еще очень недавно, сравнительно, можно было встрѣтить у довольно образованныхъ по старинному, стариковъ [1]). Не измѣнилось рѣзко и отношеніе къ слугамъ; я выше говорилъ уже, что нельзя считать господствовавшимъ въ то время дурное съ ними обращеніе,—таково же осталось оно и въ концѣ XVIII в.; но и теперь, напримѣръ, въ книгѣ, напечатанной Новиковымъ въ 1789 году, и о которой Новиковъ отзывался очень хорошо [2]), между прочимъ говорится, что часто приходится наказывать слугъ, а что если, провинившись, слуга еще станетъ грубо отвѣчать, то придется дать ему оплеуху, если онъ продолжаетъ ворчать себѣ подъ носъ, то прибавить ихъ еще нѣсколько, потомъ потаскать за волосы, наконецъ, если онъ искренно не проситъ прощенія — сѣчь, и наконецъ, прибавляется: „не случается ли часто, что мы такихъ непокорливыхъ рабовъ сажаемъ въ стулья, облагаемъ кандалами, моримъ голодомъ"? Впрочемъ, бить слугу во вспыльчивости, тѣмъ болѣе при постороннихъ, считалось крайне непристойнымъ [3]); обыкновенно наказанія носили по истинѣ отеческій характеръ и вовсе не были слѣдствіемъ презрѣнія къ слугѣ, забвенія въ немъ человѣческаго достоинства: такъ наказывали и самихъ тогдашнихъ дворянъ въ дѣтствѣ, такъ и они наказывали своихъ дѣтей; бабушка, разказываетъ одна современница, которая была въ свое время хорошо воспитана,—какъ на кого изъ дворовыхъ прогнѣвается, сниметъ съ ноги башмакъ и живо отшлепаетъ; если наказанный попроситъ прощенія, то тѣмъ и кончалось; если не попроситъ, то наказаніе усиливалось [4]). Не замѣчаемъ измѣненій и во взглядѣ на крѣпостныхъ; и теперь встрѣчаются люди, заботливо относящіеся къ своимъ крестьянамъ, на столько ими занятые, что только и говорятъ, что о нихъ и ихъ хозяйствѣ, и даже надоѣдаютъ своими разговорами другимъ, которымъ эти предметы кажутся

[1]) *Тимковскій*, 1421, *Болотовъ* III, 1201, IV, 68—69.

[2]) Путеводитель къ истинному человѣческому счастію, М. 1784, III, 227—210; отзывъ объ этой книгѣ *Московскія Вѣдомости* 1784, № 16 и слѣдующіе.

[3]) Добрынинъ разказываетъ, какъ личная расправа со своимъ мальчикомъ епископа Кирилла Фліоринскаго непріятно поразила помѣщика, у котораго онъ остановился, 62; драку со слугами Болотовъ также отмѣчаетъ, какъ доказательство грубости тамбовскихъ помѣщиковъ.

[4]) Разказы бабушки, 11.

„слушанія недостойными"; это типъ людей, впрочемъ уже не новый: объ освобожденіи крестьянъ говорено было нѣсколькими депутатами еще въ коммиссіи 1766 года; встрѣчаются и потомъ указанія на заботы о крестьянахъ, даже объ обученіи крестьянскихъ дѣтей, и я указываю здѣсь только, что такой типъ не вымиралъ никогда, что среди дворянства всегда помнили, что крѣпостные такіе же люди [1]). Вообще, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отчасти отношеніи, мы видимъ движеніе впередъ—но именно, какъ вполнѣ естественное, органическое развитіе, а не какъ распространеніе новыхъ началъ, отрицающихъ прежнія понятія.

Но если сохранялось еще много стараго, если новое развивалось прямо изъ стараго, то это послѣднее получало рѣшительное преобладаніе. Тотъ „тонкій вкусъ", та „свѣтская жизнь", начало которымъ положено было въ столицахъ еще въ 50-хъ годахъ, въ послѣднюю четверть вѣка вполнѣ и повсюду проникли въ общество; различіе между обществомъ столичнымъ и провинціальнымъ хотя, конечно, существовало, по все болѣе и болѣе сглаживалось; а о жизни въ Петербургѣ (въ 1782 — 1783 г.) одинъ современникъ пишетъ: „Словомъ, всѣ жили весело и пріятно, безъ всякаго принужденія; однакожъ благопристойность строго соблюдалась, ибо старались быть принятыми въ хорошемъ обществѣ, а для того надобно было имѣть репутацію безъ малѣйшаго пятна и тонъ хорошаго воспитанія"; повсюду распространился теперь вкусъ къ удовольствіямъ эстетическимъ, любовь къ музыкѣ, спектаклямъ, такъ что массы публики наполняли постоянно театръ и слушали концерты заѣзжихъ „виртуозовъ", которые теперь стали посѣщать столичные и большіе города; даже у себя въ домахъ многіе помѣщики стали устраивать концерты, спектакли, а болѣе богатые заводили даже цѣлыя труппы собственныхъ актеровъ; въ Москвѣ къ концу вѣка было 15 театровъ, и изъ нихъ лишь одинъ казенный; прежде въ немногихъ домахъ имѣли музыку, состоявшую изъ двухъ-трехъ лакеевъ, игравшихъ „на скрипочкахъ"— теперь же во многихъ, даже не особенно богатыхъ домахъ, составляли изъ дворовыхъ цѣлые оркестры музыкантовъ, обученныхъ у настоящихъ, иногда очень хорошихъ, капельмейстеровъ, которые начали теперь селиться даже по небольшимъ уѣзднымъ городамъ; на

---

[1]) *Болотовъ*, III, 1107; *Сб. Русск. Имп. Ист. Общ.*, т. 34, 54, 55; *Лепехинъ*, Дневныя записки, I, 93; Наказъ управителю (*Рычкова*) въ 16-й книжкѣ *Трудовъ Вольн. Экон. Общ.* (XVIII в.), 1—68.

музыку человѣкъ далеко не мотъ издерживалъ иногда до шестой части своихъ годовыхъ расходовъ [1]). Въ концѣ 80-хъ годовъ вошли въ провинціи во всеобщее употребленіе визиты; начались они съ того, что по праздникамъ ѣздили на поклонъ къ главнымъ особамъ города, потомъ стали ѣздить и по знакомымъ; а одно время, въ Тулѣ по крайней мѣрѣ, была какая-то манія на визиты: всѣ только и дѣлали, что рыскали по знакомымъ, оставаясь всюду лишь по нѣскольку минутъ [2]).

Съ этой же эпохи замѣтно болѣе значительное улучшеніе воспитанія и обученія дѣтей и увеличеніе для этого способовъ; кромѣ того, что въ столицахъ увеличилось число учебныхъ заведеній, расширенъ ихъ штатъ и улучшено преподаваніе и воспитаніе учащихся,—теперь во многихъ городахъ, при ближайшемъ участіи родителей, открываются частные пансіоны для маленькихъ дѣтей, гдѣ учатъ французскому и нѣмецкому языкамъ, географіи, исторіи и ариѳметикѣ; въ болѣе значительныхъ городахъ возникли правительственныя школы, въ которыхъ были нерѣдко хорошіе учителя; нѣкоторыя семьи изъ усадебъ нарочно переѣзжаютъ въ городъ, чтобъ учить дѣтей, и не довольствуясь тѣмъ, что̀ преподается въ училищахъ и пансіонахъ, стараются подыскать учителя и другаго языка, а если представляется возможность, то посылаютъ учиться и въ какомъ-нибудь частномъ домѣ; такъ, напримѣръ, у Болотова постоянно жили два, три ученика, собирались въ опредѣленные часы дѣти его знакомыхъ, и онъ толковалъ имъ законъ Божій, физику и другія части естественной науки, училъ ихъ рисованію; замѣтимъ здѣсь, что тогда вообще довольно часто жили въ домахъ болѣе состоятельныхъ людей разныя бѣдныя родственницы или дѣвушки-сироты. Во многихъ домахъ учили дѣтей музыкѣ; считалось необходимымъ выучиться танцамъ; когда собирались вмѣстѣ молодые люди и дѣвушки, то вмѣсто прежнихъ качелей или городковъ, они занимаются разыгрываніемъ музыкальныхъ пьесъ и т. п. [3]). Мы выше видѣли, каково было у многихъ

---

[1]) *Болотовъ*, I, 179, 180; III, 869, 914, 947, 1023; IV, 129, 270, 344, 346, 1150. 1298 и др.; *Энгельгардтъ*, 49; Памятникъ, 267, 268; *Державинъ*, 556, 559; о распространеніи въ обществѣ вѣжливости говоритъ *Курьеръ изъ ада* 1788 г., 252.

[2]) *Болотовъ*, IV, 206, 811.

[3]) *Болотовъ*, III, 117, 767—771, 838, 1088; IV, 344, 1150; Записки кн. *И. М. Долгорукаго*, въ Сочиненіяхъ его, т. II, С.-Пб. 1849, 510—511; *Державинъ*, 556—559; *Левшинъ*, Домашній памятникъ, *Р. Ст.*, VIII, 826—833; Путешествіе *Кокса*, *Р. Ст.*, XVIII, 24; ст. *Трефолева* о Мельгуновѣ, *Русск. Арх.* 1865 г., 891—892.

[illegible] ихъ мальчиковъ [1]).

О женщинахъ, какъ и прежде, встрѣчаемъ не много [illegible], но все-таки мы узнаемъ, что теперь дѣвочекъ учатъ наравнѣ [illegible] ками; замѣтно, что чаще встрѣчаются женщины [illegible] ванія, молодыя дѣвушки хорошо воспитанныя, [illegible]: среди нихъ попадаются охотницы читать, занимающіяся [illegible] тается необходимымъ дѣвушкѣ „для приданія [illegible] природнымъ дарованіямъ" умѣть танцовать, и [illegible], не смотря даже на рѣзкости вспыльчиваго танцмейстера. [illegible] щимъ развитіемъ, стремленіемъ къ большимъ удобствамъ и [illegible] обстановкѣ, женщины начинаютъ обращать больше вниманія [illegible] ряды, моды: въ гости одѣваютъ шитыя золотомъ и [illegible] ковыя платья; собираясь куда-нибудь [illegible] ваются къ вечеру съ утра; обязательнымъ стало румяниться, [illegible]

[1]) Кн. *Долгорукаго Записки*, 802, 804, 811; [illegible] статью „А. П. Мельгуновъ", *Русск. Арх.* [illegible]; *Энгельгардтъ*, 8.

не нарумянившись пріѣхать въ гости значило поступить невѣжливо; бѣлиться было не обязательно. Мы видѣли, какъ отмѣчено было появленіе въ провинціи „моднаго духа“: къ концу вѣка мы жалобъ на него уже не встрѣчаемъ въ мемуарахъ современниковъ; но, зная, что обстановка жизни вообще улучшилась и имѣя постоянныя нападки на моды въ журналахъ, мы должны заключать, что духъ этотъ сталъ общераспространеннымъ, такъ что никого уже не удивлялъ. Женщины, однако, даже и молодыя, сохранили по прежнему „излишнее“, по мнѣнію даже благочестивыхъ мужчинъ, благочестіе, по прежнему любили предпринимать путешествія къ особенно чтимымъ образамъ, поднимали образа на домъ, служили предъ праздниками на дому всенощныя и готовы были лучше цѣлый день проморить больного голодомъ, чѣмъ дать ему въ постный день скоромной пищи [1]).

Духовенство въ послѣднюю четверть прошлаго вѣка въ общемъ замѣтно превосходило прежнихъ деревенскихъ поповъ, описанныхъ въ первой главѣ; мы имѣемъ, правда, въ блещущихъ юморомъ запискахъ Добрынина, описаніе довольно безобразной жизни Сѣвскаго архіерея Кирилла Фліоринскаго, проводившаго все время въ пьянствѣ, притомъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими духовными лицами, имѣемъ у того же Добрынина указаніе на почти безграмотнаго архіерея Аѳанасія Вольховскаго; но, чтобы придать этимъ фактамъ ихъ истинное значеніе, ихъ надобно разсмотрѣть внимательнѣе и непремѣнно въ связи съ окружающими ихъ указаніями. Кириллъ Фліоринскій былъ все-таки, какъ ясно и изъ записокъ Добрынина, человѣкъ очень не глупый и по своему времени образованный, и только съ теченіемъ времени онъ отдался такому образу жизни, — но онъ былъ психически не вполнѣ здоровъ: каждое новолуніе онъ подвергался какимъ-то припадкамъ и хотя имѣлъ, конечно, возможность подобрать себѣ товарищей для своихъ кутежей, но все вообще духовенство очень не уважало и не любило его за его образъ жизни, даже на столько, что отношеніе это довольно часто ясно прорывалось — все духовенство, напримѣръ, въ городѣ, ему не подчиненномъ, отказывалось съ нимъ служить, и т. п.; Аѳа-

---

[1]) *Болотовъ*, III, 117, 771; *Державинъ*, 556—559; кн. *Долгорукій*, 506; *Болотовъ*, IV, 656, 641 и др.; Разказы бабушки, 27, 114; *Энгельгардтъ*, 8; *Болотовъ*, III, 1019; IV, 22, 684 и др.; на моды особенно нападаютъ журналы *Почта духовъ* 1789, *С.-Петербургскій Меркурій* 1793.

насій же Вальховскій, малограмотность котораго самъ же Добрынинъ отмѣчаетъ, какъ поразительный въ то время фактъ, получилъ каѳедру лишь благодаря тому, что мать гр. А. А. Безбородка, старая старуха, требовала отъ сына для этого Аѳанасія, своего бывшаго духовника, епископской каѳедры, угрожая въ противномъ случаѣ проклятіемъ. Не можемъ здѣсь не спросить съ удивленіемъ: такіе ли это факты, которыми должно характеризовать какое-либо время? [1]) Попадались и теперь, конечно, грубые и мало образованные священники; но если и здѣсь, оставивъ въ сторонѣ отдѣльные случаи, обратимся къ общему, то увидимъ, что большинство молодыхъ священниковъ — люди учившіеся, приличные, и вообще во всѣхъ отношеніяхъ превосходящіе прежнихъ священниковъ и возбуждающіе ихъ зависть; на молодыхъ представителяхъ духовнаго сана ясно замѣтно улучшеніе семинарскаго образованія, произведенное при Екатеринѣ II, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ предполагала учрежденная для этого коммиссія; дворяне, сохранившіе по прежнему близкія отношенія со своими священниками, которые, впрочемъ, не пользовались уже прежнимъ вліяніемъ, а сами ѣздили къ помѣщикамъ на поклонъ, замѣчали только въ нихъ часто излишнюю приверженность къ спиртнымъ напиткамъ, выносимую ими изъ семинарій [2]).

Въ это же время начинаемъ мы, хотя еще изрѣдка, встрѣчать упоминанія и о купцахъ болѣе развитыхъ, отчасти даже образованныхъ, знакомиться съ которыми дворяне не находятъ для себя унизительнымъ и непріятнымъ; дѣти купцовъ и мѣщанъ теперь учатся, въ довольно большомъ числѣ, въ особыхъ училищахъ, и училища эти идутъ иногда очень хорошо; но въ общемъ все-таки по прежнему жизнь и обычаи купечества и мѣщанства кажутся дворянамъ грубыми и грязными [3]).

При Екатеринѣ же, когда такъ развилась общественная жизнь, были почти впервые приняты мѣры къ сохраненію народнаго здра-

---

[1]) *Добрынинъ*, 32, 57—58; 296—297; *Незеленовъ*, Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1774 гг., 4, 5.

[2]) *Болотовъ*, III, 47, 462, 471, 1032; IV, 759, 1191; *Знаменскій*, Духовныя школы, 392, 475 — 479; Памятникъ временъ протекшихъ, 54, 144; *Челищевъ* (Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1792 г. С.-Пб. 1886) служилъ молебны въ сотнѣ церквей, и только два раза говоритъ о духовныхъ дурно, 146 и 268—269; *Тимковскій*, 1412.

[3]) *Болотовъ*, III, 471, 1124; IV, 413; *Челищевъ*, 113, 222—223, 215, 228, 238; Памятникъ временъ протекшихъ, 150.

вія, необходимость чего указывали многіе депутаты еще въ коммиссіи 1766 г., почти каждую весну и осень, особенно свирѣпствовали тогда по деревнямъ, повальныя болѣзни,—горячки, лихорадки, оспа, уносившія множество народу, преимущественно дѣтей, а средства противъ эпидемій были только домашнія, а чаще же всего не употреблялось никакихъ лѣкарствъ, въ ожиданіи, что больной отлежится; многіе обращались за помощью къ знахарямъ, докторовъ же можно было найдти лишь въ главныхъ городахъ, да и то они часто были крайне плохи и недобросовѣстны; аптеки точно также существовали лишь въ большихъ городахъ и были не лучше, чѣмъ доктора: если, напримѣръ, не случалось въ нихъ того лѣкарства, которое спрашивали, то аптекарь безъ стѣсненія давалъ какое-нибудь другое. Въ шестидесятыхъ годахъ медицинская коллегія рѣшила имѣть докторовъ по возможности въ каждомъ городѣ, городоваго и уѣзднаго,— и дѣйствительно, врачей начинаемъ встрѣчать и въ провинціи, но сначала большею частью плохихъ, хотя попадались, конечно, и добросовѣстные и знающіе, — и къ такимъ лѣчиться шли многіе и очень охотно; нѣкоторые современники были недовольны только тѣмъ, что докторамъ и акушеркамъ, которыя тоже упоминаются въ 90-хъ годахъ, платили слишкомъ щедро—рублей 10, 25 и даже, за визитъ въ уѣздъ, рублей 100 (надо помнить, что деньги были тогда гораздо дороже), такъ что человѣкъ небогатый почти никогда не могъ дозваться къ себѣ доктора, вполнѣ обезпеченнаго и безъ него; доктора́, къ неудовольствію дворянъ, начали даже скупать дворянскія имѣнія и земли, тогда какъ дворяне смотрѣли на владѣніе помѣстьями какъ на свое исключительное право, доктора же выходили не изъ дворянъ [1]).

Въ это же время дворянство, черезъ свое участіе въ административныхъ дѣлахъ провинціи, пришло въ болѣе близкое соприкосновеніе съ чиновничествомъ, которое, по сословному дѣленію начала XVIII вѣка, стало почти наслѣдственно и пополнялось исключительно изъ своей же среды, изъ потомковъ прежнихъ подъячихъ, при чемъ достигавшіе опредѣленнаго чина получали дворянство. Прежніе приказные въ глазахъ дворянъ были „пьяницы и негодяи, заслуживающіе презрѣнія“; ихъ продажность, безчестность и безсовѣстность вызвали единодушное желаніе замѣны прежняго административнаго и особенно су-

---

[1]) П. С. З., № 11965; *Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.*, т. VIII, 302—306, 352—360; *Болотовъ*, III, 117—119, 940—941; IV, 109, 461; *Челищевъ*, 166, 243—244.

дебнаго порядка новымъ, съ участіемъ въ немъ дворянъ, высказавшееся въ коммиссіи 1766 г. Екатерина, немедленно по вступленіи на престолъ, приняла усиленныя мѣры противъ лихоимства и злоупотребленій чиновниковъ: помимо строжайшаго преслѣдованія виновныхъ въ этомъ, она, наконецъ, установила опредѣленное жалованье чиновникамъ, вмѣсто котораго прежде имъ полагалось взимать такъ-называемыя „акциденціи", то-есть, нѣчто въ родѣ судебныхъ издержекъ нашего времени, но шедшихъ прямо въ пользу того или другаго лица; эти-то акциденціи, установленныя закономъ, но не опредѣленныя имъ, и подавали множество поводовъ къ самому безсовѣстному взяточничеству [1]). И въ первое время царствованія Екатерины видимъ, дѣйствительно какъ будто меньше взяточничества и другихъ безпорядковъ въ дѣлопроизводствѣ; но вскорѣ это опять сглаживается, и взятка по прежнему дѣлается необходимою; честный секретарь, когда таковой встрѣчается, кажется рѣдкимъ явленіемъ, чуть не чудомъ. Въ эту эпоху, когда такъ сильно подвинулось впередъ вообще развитіе общества, замѣтный умственный прогрессъ совершается и среди чиновниковъ, и въ числѣ ихъ начинаютъ попадаться и знающіе, и интересующіеся политикой и науками, выписывающіе русскіе и иностранные журналы — но нельзя сказать, чтобы происходило и улучшеніе ихъ нравственности; напротивъ, взяточничество вскорѣ снова усиливается, и даже значительно увеличивается размѣръ требуемыхъ подачекъ, продолжаются многочисленныя, разнообразныя злоупотребленія въ разныхъ отрасляхъ управленія, особенно въ хозяйствѣ казенныхъ волостей и при рекрутскихъ наборахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается и халатное, небрежное отношеніе къ дѣлу: чуть праздникъ—не найдешь въ городѣ ни одного должностнаго лица, засѣданія присутственныхъ мѣстъ не могутъ состояться, потому что или всѣ члены въ гостяхъ, или какой-нибудь членъ принимаетъ гостей; въ самыхъ присутствіяхъ чиновники занимаются больше разговорами и шутками, чѣмъ дѣломъ; чтобы чего-нибудь добиться, надо самому постоянно торчать тамъ, гдѣ дѣло производится; возобновляется прежняя волокита, и снова слышатся жалобы, что нужно только попасть дѣлу въ сенатъ, чтобъ и лежать тамъ по нѣскольку лѣтъ; къ сожалѣнію, и тутъ подтверждается старая, печальная истина, что ум-

---

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, Государство и народное образованіе, 118 — 122; *Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство, 134, 152—153; *Болотовъ*, I, 748.

ственное и нравственное развитіе часто далеко не соотвѣтствуютъ другъ другу [1]).

Еще ближе касалось дворянъ общество военныхъ. Еще прежде, въ эпоху обязательной службы и обязательнаго, подготовительнаго прямо къ службѣ, ученія, завелся обычай записывать дѣтей въ службу еще малолѣтними, при чемъ имъ съ дѣтства шли чины, такъ что такимъ молодымъ дворянамъ не приходилось уже нести дѣйствительной службы въ солдатскомъ чинѣ; первоначально, однако, это было привилегіей лишь болѣе знатныхъ и вліятельныхъ фамилій, но мало по малу такой обычай распространился весьма широко, и имъ стали пользоваться всѣ; сдѣлалось почти обязательнымъ, чтобъ отецъ крестный выхлопоталъ новорожденному на зубокъ патентъ на сержантскій чинъ; дѣтей записывали обыкновенно въ гвардію, потому что гвардейскіе чины были гораздо выше армейскихъ; достигши лѣтъ 18 — 20, молодые люди являлись на службу и старались добиться офицерскаго чина въ гвардіи, а это удавалось всегда, болѣе или менѣе скоро, смотря по тому, сколько ищущій могъ заплатить; полезно было подыскать какую-нибудь протекцію, и это было тоже не трудно, потому что въ петербургскомъ высшемъ обществѣ были дамы, большія охотницы хлопотать за всякихъ знакомыхъ своихъ знакомыхъ; попавши же въ гвардейскіе офицеры, всякій начиналъ „просто летѣть далѣе и нерѣдко, лежа на боку, менѣе нежели въ десять лѣтъ дослуживался до капитановъ гвардіи, затѣмъ немедленно переходилъ въ армію полковникомъ и получалъ полкъ съ доходами въ нѣсколько тысячъ, или отставлялся къ штатскимъ дѣламъ „бригадиромъ“ и этимъ перебивалъ дорогу дѣйствительно служившимъ въ арміи“; число же всѣхъ офицеровъ гвардіи къ концу царствованія Екатерины простиралось до 20,000, при чемъ многіе сверхкомплектные получали жалованье. На ряду съ такимъ злоупотребленіемъ въ арміи распространилась большая небрежность въ отношеніи къ дѣламъ и другія многочисленныя зло-

---

[1]) *Соловьевъ*, 26 т., 31 — 33; *Иловайскій*, Сочиненія, 571—572, 576; *Державинъ*, 563, 580; *Болотовъ*, III, 391, 683, 685; IV, 103, 399, 675, 699; *Винскій*, 102; *Добрынинъ*, 167, 202; Памятникъ временъ протекшихъ, 5, 179; Любопытные и достопамятные анекдоты импер. Павла, *Русск. Арх.* 1864 г., 12, 48; ст. о А. П. Мельгуновѣ, *Русск. Арх.* 1865 г., 883; *Трутень* 1769 г. и *Курьеръ изъ ада* 1788 г., 162, 240, свидѣтельствуютъ также объ уменьшеніи взяточничества въ первое время Екатерининскаго царствованія.

употребленія: многіе достигали, напримѣръ, довольно значительныхъ чиновъ, слѣдующимъ путемъ: добивались отставки съ чиномъ, а затѣмъ снова поступали на службу и повторяли такъ по нѣскольку разъ; впрочемъ, одинъ изъ современниковъ, изобразившій состояніе русской арміи въ очень мрачныхъ краскахъ и очень рѣзко говорящій о безпорядкахъ въ ней, утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что уровень офицеровъ вообще очень повысился, и что составъ ихъ очень хорошъ, но только они чрезвычайно распущены, и надо сильно подтянуть всѣхъ, начиная съ высшихъ чиновъ; разказы другаго современника, долго служившаго въ разныхъ полкахъ и очень подробно описавшаго это время своей жизни, подтверждаютъ этотъ отзывъ одинаково съ обѣихъ сторонъ [1]). Лучшіе люди понимали, что существующій порядокъ прохожденія военной службы ненормаленъ, осуждали его, но и сами пользовались имъ, потому что иначе ихъ дѣти должны были бы остаться по службѣ навсегда позади своихъ сверстниковъ; кромѣ того, порядочные люди отпускали дѣтей въ гвардію съ великимъ страхомъ: въ провинціи знали, что гвардейцы ведутъ въ Петербургѣ жизнь очень разгульную, пьютъ, мотаютъ, что въ гвардіи любовныя похожденія придаютъ человѣку извѣстный блескъ и вѣсъ, а имѣть любовницу считается почти необходимымъ для порядочнаго офицера; въ провинціи замѣчали, что вообще молодые люди, пріѣзжающіе изъ столицы, а особенно гвардейцы, развратны, распущены, часто говорили, что гвардія — развратница молодыхъ людей, и потому отпускали дѣтей на службу съ великимъ страхомъ; изъ столицы вообще къ концу вѣка начала распространяться нравственная порча [2]).

Всѣ тѣ измѣненія, которыя мы указали немного выше, все то новое, что мы замѣтили въ обществѣ, появилось въ первыя двадцать приблизительно лѣтъ Екатерининскаго царствованія; нечего и говорить особенно, на сколько это были крупныя измѣненія, на сколько эти шаги значительны. Провинціальное дворянское общество отъ состоянія, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе близкаго къ состоянію теперешнихъ крестьянъ, чѣмъ современной интеллигенціи, обратилось въ это именно

---

[1]) *Левшинъ*, 826; *Болотовъ*, IV, 254, 683; Анекдоты, 22, 61, 62; Записка ген.-пор. *С. М. Ржевскаго* о русской арміи 1780-хъ годовъ, *Русск. Арх.* 1879 г., I, 357—362; *А. С. Пишчевичъ*, Жизнь, 40, 50, 83, 108 и друг.

[2]) *Винскій*, 95 и друг.; *Державинъ*, 447; Изъ старой записной книжки, *Р. Арх.* 1877 г., I, 512; *Пушкинъ*. IV, 45; *Болотовъ*, IV, 218.

время въ общество въ нашемъ смыслѣ слова, въ собраніе людей интеллигентныхъ, связанныхъ сознаніемъ общихъ интересовъ, имѣющее свои опредѣленныя права и обязанности, имѣющее цѣли, выходящія изъ уровня только обыденныхъ, хозяйственныхъ, домашнихъ заботъ. Въ дальнѣйшій періодъ мы не замѣчаемъ уже такого быстраго движенія впередъ, и между 80-ми и 90-ми годами далеко нѣтъ такой разницы, какъ между 60-ми и 70-ми; далѣе развитіе идетъ скорѣе, такъ-сказать, количественное, чѣмъ качественное: мы видимъ все большее и большее распространеніе въ обществѣ людскости, знаній, развитія, а не появленіе новыхъ улучшеній. Кромѣ того, въ 80-хъ же годахъ, вообще въ концѣ царствованія Екатерины, нельзя не замѣтить значительныхъ ухудшеній, значительнаго развитія роскоши и паденія нравовъ во многихъ отношеніяхъ.

Я упомянулъ уже раньше, что съ поселеніемъ въ провинціи большого количества дворянъ послѣ манифеста 1762 года, они стали значительно улучшать свою обстановку и весь свой образъ жизни; улучшеніе это скоро перешло въ роскошь. Помѣщики стали прилагать слишкомъ большія заботы объ украшеніи своихъ усадебъ, строили тамъ большіе каменные дома, разводили сады, парки; обои домовъ замѣняются дорогими картинами альфреско, которыя рисуютъ уже не доморощенные маляры, а нарочно выписанные ученики академіи художествъ; въ садахъ заводятся разныя дорого стоющія затѣи: фонтаны, гроты, искусственныя развалины и т. п.; прежнія небольшія скромныя собранія знакомыхъ замѣняются съѣздами человѣкъ въ 30—50, при чемъ на дворѣ собирается до 20 каретъ, и каждый такой съѣздъ, обращается въ роскошный и дорогой пиръ, продолжающійся дня по два, по три; кромѣ домашнихъ оркестровъ, заведены дорогія музыкальныя машины; явилась большая роскошь въ одеждѣ: почти все, относящееся до нея, стали закупать въ Петербургѣ или Москвѣ, иногда сразу на нѣсколько сотъ рублей, даже скромно жившіе люди; не говоря уже о дорогихъ дамскихъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ платьяхъ, и мужчины должны были имѣть разные дорогіе фраки, сюртуки, жилеты, плащи, шубы, стали носить муфты, по улицамъ ходили не иначе, какъ въ сопровожденіи лакея и вообще держали множество прислуги; прежде въ провинціи карета была рѣдкостью—теперь ихъ надобно имѣть по нѣскольку и довольно часто мѣнять; дома болѣе состоятельныхъ людей украшаются множествомъ картинъ, иные даже золотыми и серебряными статуетками, на которыя во

множествѣ переливали монету; всѣ праздники, особенно сговоры, свадьбы, справляются теперь несравненно роскошнѣе, чѣмъ прежде; женихи должны дѣлать невѣстамъ очень дорогіе подарки, а когда невѣстамъ шьютъ приданое, то весь домъ на нѣсколько недѣль обращается въ обширную швальню; даже люди вовсе не богатые считаютъ нужнымъ обучить и дать въ приданое дочери мальчиковъ—парикмахера, кондитера и т. п. Объ усиленіи роскоши имѣемъ мы множество упоминаній въ журналахъ—чѣмъ ближе къ концу вѣка, тѣмъ больше—и прямыя сообщенія современниковъ; первые признаки ея въ провинціи мы должны видѣть около времени губернской реформы; далѣе она все усиливается и вызываетъ у многихъ стремленіе жить выше средствъ, за чѣмъ слѣдуетъ разореніе, — что и стало нерѣдкостью въ это время, особенно если наслѣдство, деньги доставались молодымъ людямъ [1]). Большія траты, конечно, тяжелѣе ложились на крестьянъ; но впрочемъ, кажется, что тогдашняя роскошь должна была обходиться гораздо дешевле, чѣмъ нынѣшняя, потому, вопервыхъ, что многое дѣлали свои же крѣпостные, вовторыхъ, и потому, что самая тогдашняя „роскошь", едва ли была дѣйствительно такова, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда: если мы имѣемъ указанія, что, напримѣръ, за столомъ у цесаревича лакеи прислуживали безъ перчатокъ, что на раутахъ у бывшаго генералъ-провіантмейстера Обольянинова негдѣ было сѣсть, и свѣчи отъ духоты гасли, что въ довольно богатомъ домѣ прислуга встрѣчала гостя съ сальнымъ огаркомъ въ рукѣ и босикомъ, и что воздухъ въ домахъ знатныхъ баръ былъ тяжелый,—то мы въ правѣ предположить, что самое представленіе о роскоши было тогда еще далеко не таково, какъ теперь, что именемъ роскоши называли тогда совершенно не то, что̀ подразумѣвается подъ этимъ словомъ теперь, М. А. Дмитріевъ прямо говоритъ, что жили тогда не такъ роскошно, какъ барственно. Этими замѣчаніями я не думаю, конечно, опровергать факта распространенія роскоши, но указываю только, что нужно значительно ограничить представленіе о ея размѣрахъ [2]).

Вмѣстѣ съ роскошью усилилась до страшныхъ размѣровъ карточная игра; о развитіи ея въ столицахъ есть упоминанія еще раньше;

---

[1]) *Болотовъ*, III, 900, 1181; IV, 21, 82, 349, 350, 363, 641, 642, 1269 и др.; *Винскій*, 181; *Левшинъ*, 835—837; Анекдоты, 23, 40; *Добрынинъ*, 104—105.

[2]) *Порошинъ*, по изд. 1881 г., 455; *Левшинъ*, 846; *Державинъ*, 524; кн. *Шаховской*, 184; *М. А. Дмитріевъ*, 14.

въ провинціи же она была прежде извѣстна гораздо менѣе и составляла принадлежность лишь общества болѣе богатыхъ и образованныхъ людей; но, начиная съ конца 80-хъ годовъ, дворяне почти только и дѣлаютъ, что сидятъ за картами, и мужчины, и женщины, и старые, и молодые; садятся играть съ утра, зимою еще при свѣчахъ, и играютъ до ночи, вставая лишь пить и ѣсть; засѣданія присутственныхъ мѣстъ иногда прерываются, потому что изъ самаго засѣданія вдругъ вызываютъ членовъ къ кому-нибудь на карты; играли преимущественно въ коммерческія, но много и въ азартныя игры; составлялись компаніи обыграть кого-нибудь навѣрняка; поддерживать себя карточною игрой нисколько не считалось предосудительнымъ. Карточная игра больше всего содѣйствовала тому, что многіе тратили больше, чѣмъ получали, что стали продавать свои имѣнія и даже завели обычай, на первое время всѣхъ сильно поразившій, продавать людей безъ земли, особенно въ рекруты; чиновники растрачиваютъ казенныя деньги, дворяне вступаютъ въ откупа, что̀ тоже удивляетъ большинство, возвышая цѣну на откупъ во время торговъ, а потомъ, чтобы вернуть деньги, безсовѣстно спаиваютъ народъ [1]); вообще повторяю, и по фактамъ изъ источниковъ, и по отзывамъ многихъ современниковъ, общественная жизнь и нравы, совершивъ такое быстрое движеніе впередъ въ первую половину царствованія Екатерины II, въ 80-хъ годахъ начинаютъ падать; „нравы умягчались, но вмѣстѣ съ тѣмъ и распуста становилась виднѣе“, замѣчаетъ одинъ изъ тогдашнихъ мемуаристовъ; появляется опять многое такое, что если и случалось прежде гораздо раньше, то отъ грубости, необработанности нравовъ, а теперь является слѣдствіемъ ихъ паденія, распущенности; являются „славные буяны и забіяки, устрашающіе весь уѣздъ“, усиливается до страшныхъ размѣровъ страсть къ охотѣ; тѣ же самые люди, уже не молодые, которые жили вообще совершенно порядочно, теперь кутятъ, на охотѣ пьютъ, дерутся, сквернословятъ, производятъ отвратительныя безобразія; порча нравовъ приноситъ и новое худое: среди дворянскихъ семей начинаютъ попадаться дѣвицы вольнаго поведенія, встрѣчаются родители, которые содѣйствуютъ тому, чтобы дочь стала фавориткой какого-нибудь вельможи, пріискиваются для нихъ фиктивные мужья, хотя, правда, та-

[1]) П. С. З. №№ 11877, 12263; *Болотовъ*, IV, 19, 393, 420, 613, 632, 839; *Винскій*, 194—195; *Державинъ*, 445, 510, 580; Анекдоты, 12.

кіе случаи вызываютъ почти общее негодованіе и навлекаютъ на такихъ лицъ общее презрѣніе, впрочемъ, скорѣе лишь чувствуемое, чѣмъ явно выражаемое; въ провинціи, однако, кажется, не слишкомъ часты были разводы, на которые жалуется кн. М. М. Щербатовъ. Вообще, изъ всѣхъ мемуаровъ, кромѣ записокъ А. С. Пищчевича, изображающихъ почти исключительно жизнь офицеровъ, нельзя составить представленія, чтобы паденіе семейной жизни достигало такихъ размѣровъ, какъ рисуютъ нѣкоторые журналы, а вслѣдъ за ними, безъ всякой критики, и нѣкоторые изслѣдователи [1]).

Трудно сказать, откуда и какъ возникла эта порча, что вызвало ее. Несомнѣнно, что многое дурное шло съ самаго верху, изъ аристократіи, изъ столицы; такъ упомянутые выше случаи фаворитизма являлись въ провинціи въ непосредственной связи съ появленіемъ тамъ лицъ аристократіи, намѣстниковъ, губернаторовъ; паденіе нравовъ при дворѣ въ концѣ царствованія Екатерины II едва ли можетъ подлежать сомнѣнію; помимо отдѣльныхъ фактовъ, которыми можно подтверждать это, есть и прямыя жалобы на то отъ тѣхъ же лицъ, которыя вспоминаютъ съ самой лучшей стороны этотъ дворъ въ первыя десять лѣтъ царствованія Екатерины; кромѣ даже извѣстныхъ отзывовъ кн. М. М. Щербатова, имѣемъ указанія, что даже въ провинціи императрица Екатерина не пользуется уже къ концу своего царствованія такимъ благоговѣніемъ со стороны своихъ подданныхъ, какъ прежде, или какъ Елизавета Петровна; кромѣ указанныхъ выше жалобъ на дурное вліяніе гвардіи, въ провинцію часто проникаютъ весьма неблагопріятные слухи и факты изъ нравовъ высшей аристократіи; въ провинціи многіе толкуютъ, что правительство награждаетъ сущихъ негодяевъ, что бояре наши производятъ нелады въ дѣлахъ. Мы не вдаемся въ изслѣдованіе причинъ паденія нравовъ въ аристократіи, но констатируемъ его и указываемъ его вліяніе и на остальное общество. Затѣмъ весьма вѣроятно, что не мало вреда наносили и многіе изъ тѣхъ иностранцевъ педагоговъ, которыхъ такъ много завелось въ провинціи, при чемъ большинство ихъ были люди, вовсе не соотвѣтствовавшіе такому дѣлу; родители, нанимав-

---

[1]) *Винскій*, 103; кн. *Щербатовъ*, О поврежденіи нравовъ, 15—16; *Левшинъ*, 835, 836; *Болотовъ*, IV, 61, 178, 834, 421, 1186; *Лукинъ*, 471; *А. Пищчевичъ* въ своей „Жизни" рисуетъ весьма легкіе нравы, разказываетъ свои постоянныя любовныя интриги; но онъ былъ офицеръ-кутила, далеко не пошелъ по службѣ; подыскать же себѣ такое общество, конечно, возможно всегда и вездѣ.

шіе ихъ, сами еще рѣдко были въ состояніи опредѣлить ихъ годность, и потому иногда пріисканіе новаго учителя иностранца возлагалось даже на слугу [1]); быть можетъ, что, и помимо отличія почвы, куда попадало даже истинное ученіе философовъ XVIII в., отъ той, на которой оно возросло, это ученіе такъ-называемое просвѣтительное, и само по себѣ не представляло полнаго преобладанія хорошихъ сторонъ надъ дурными, и само по себѣ приносило нѣкоторый вредъ [2]). Но все-таки, несомнѣнно, что этихъ причинъ мало, и что надо искать причинъ болѣе глубокихъ и дѣйствія болѣе яснаго, почему и какъ общество, въ которомъ прежде мы, признавая грубость, неразвитость, не можемъ указать господства фактовъ нравственной испорченности, теперь, улучшившись въ умственномъ развитіи, начинаетъ въ то же время падать въ отношеніи развитія нравственнаго, хотя, впрочемъ, фактъ паденія нравственности при началѣ быстраго умственнаго движенія повторяется въ исторіи. Быть можетъ, тутъ сказалась еще недостаточная подготовленность нашего общества къ такому быстрому движенію, какое въ немъ совершилось, недостаточная подготовленность его къ критической оцѣнкѣ и выбору многаго изъ того, что̀ приносилось къ намъ съ запада, и черезъ литературу, и непосредственно, черезъ пріѣзжавшихъ къ намъ оттуда и черезъ ѣздившихъ отъ насъ туда. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что многое хорошее, въ сущности и хорошо начавшееся, переходитъ потомъ въ крайность и, какъ крайность, обращается во вредъ. Такъ, было совершенно естественно и дѣйствительно „необходимо для спокойнаго обитанія", нѣкоторое улучшеніе дома, домашней внѣшней обстановки, но оно быстро переходитъ въ роскошь; игра въ карты, на которую смотрѣли сначала, какъ на лучшее средство противъ праздности въ минуты отдыха, какъ на полезную и пріятную умственную гимнастику, сближающую общество, дающую поводъ къ легкой, занимательной бесѣдѣ [3]),

---

[1]) Лордъ *Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II, *Русск. Арх.* 1874, кн. 2, 150 152; *Зиновьевъ*, Журналъ путешествія, 607—611; кн. *Щербатовъ*, О поврежденіи нравовъ, 15—16; *Болотовъ*, IV, 158, 169, 206, 256—257, 525, 812—817; слова *Мессельера*, *Р. Арх.* 1874, 973; *Левшинъ*, 833.

[2]) Нѣкоторыя стороны тогдашней западноевропейской, особенно французской, литературы, которыя не могли приносить особенно благотворныхъ плодовъ, отмѣчены у г. *Незеленова*: „Новиковъ издатель журналовъ", 30—39 и *Щепкиной* „Популярная литература XVIII в."—*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1886, апрѣль.

[3]) *Свободные часы* 1763 г., 230; такіе же взгляды высказываетъ Порошинъ

обращается въ страсть; сближеніе общества, начало свѣтскости, распространеніе вѣжливости, переходитъ въ пустоту жизни, въ преобладаніе одной внѣшности; стремленіе къ образованію, путешествія за границу и изученіе иностранныхъ языковъ, какъ средство достигнуть этого образованія, обращается въ стремленіе къ тому, чтобы нахватать побольше вершковъ, изученіе иностранныхъ языковъ дѣлается цѣлью; путешествія, предпринимаемыя безъ достаточной подготовки и безъ руководства, приносятъ молодымъ людямъ только вредъ; наконецъ, пробужденіе умственной дѣятельности, любовь къ ней, выразившіяся въ стремленіи писать, сочинять, обращается въ смѣшную страсть стихокропательства; и такъ до смѣшнаго и вреднаго доведено было почти все хорошее, проявившееся сначала; но тѣ хорошіе отзывы о событіяхъ во внутренней исторіи Россіи во вторую половину XVIII вѣка, которые приведены выше, и справедливость которыхъ старался я подтвердить группировкою господствовавшихъ фактовъ того времени, написаны всѣ гораздо позже, иные уже въ началѣ нашего вѣка,—а это доказываетъ, что многое хорошее все-таки осталось, что въ общемъ, въ суммѣ, перемѣна произошла все-таки къ лучшему, хотя и нѣкоторое помраченіе этого лучшаго, ухудшеніе нѣкоторыхъ сторонъ быта, тѣхъ именно, которыя составляютъ хорошую сторону быта патріархальнаго, господствовавшаго прежде, также несомнѣнно. Трудно еще теперь, при отсутствіи подготовительныхъ работъ, особенно при неразработанности исторіи нашей литературы XVIII вѣка, вполнѣ раскрыть причины этого явленія; самая быстрота движенія впередъ и вмѣстѣ незрѣлость общества, его неумѣнье опредѣлить полезную и существеннѣйшую сторону новаго и границы его полезнаго примѣненія все-таки кажутся намъ наиболѣе вѣроятною и общею причиною указаннаго упадка нравовъ.

На этомъ мы и останавливаемъ наше изслѣдованіе быта дворянъ въ провинціи въ царствованіе Екатерины II; для изображенія дальнѣйшей эпохи, еще слишкомъ мало матеріаловъ, такъ что еще нельзя надѣяться достигнуть даже относительной полноты; кромѣ того, въ ближайшее время послѣ описаннаго, была произведена сильная попытка реакціи, а такія эпохи всегда требуютъ особенно тщательнаго изученія, которое становится къ тому же воз-

---

разговаривая однажды съ великимъ княземъ, что ему должно будетъ потомъ играть иногда въ карты.

можнымъ лишь послѣ болѣе полнаго выясненія эпохи предшествовавшей; указавъ паденіе нравовъ въ концѣ царствованія Екатерины II, мы, однако, не хотимъ и считаемъ совершенно противнымъ исторической истинѣ приписывать этому времени бо́льшую нравственную испорченность или слишкомъ низкій нравственный и умственный уровень вообще и теперь представимъ свою попытку обрисовать тогдашнее общество съ этой именно стороны, не претендуя впрочемъ еще на полноту очерка: мы остановимся лишь на главныхъ сторонахъ тогдашней умственной и нравственной жизни и попытаемся лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ выяснить разницу тогдашнихъ общихъ взглядовъ и принциповъ отъ нашихъ.

V.

Въ предыдущихъ главахъ я описывалъ бытъ провинціальнаго дворянства преимущественно съ внѣшней, такъ сказать, стороны и указалъ тѣ измѣненія, то движеніе впередъ, въ смыслѣ сближенія общества, улучшенія общественной жизни и распространенія знаній и общаго развитія, которыя произошли въ этомъ обществѣ въ теченіе второй половины XVIII вѣка. Мнѣ кажется, что нѣтъ необходимости здѣсь даже вкратцѣ оглядываться на изложенное: чрезвычайно важныя улучшенія провинціальнаго общества, чрезвычайно большой шагъ его отъ быта почти крестьянскаго къ образу жизни, близкому къ современному намъ, кажется мнѣ несомнѣннымъ и по отзывамъ самихъ современниковъ, и изъ тѣхъ фактовъ, которые мною приведены; если же въ моемъ очеркѣ это и не выступаетъ достаточно рельефно, то только отъ недостатковъ моего изложенія, а въ дѣйствительности такой фактъ несомнѣнно существовалъ. Но очеркъ мой былъ бы не полонъ, еслибъ я не остановился на изображеніи тогдашняго общества въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, особенно въ виду тѣхъ совершенно противоположныхъ мнѣній о русскомъ обществѣ XVIII вѣка, которыя были уже высказаны и приведены мною въ самомъ началѣ статьи. Какъ въ предыдущихъ главахъ, такъ и теперь, я постараюсь строго держаться того метода, который я старался разъяснить въ первой главѣ: по возможности отыскивать именно то, что̀ было господствующимъ, наиболѣе распространеннымъ, а не придавать наибольшее значеніе исключительнымъ, рѣзкимъ проявленіямъ той или другой черты; я воспользуюсь въ этомъ

случаѣ преимущественно литературой того вѣка, особенно журналами: для характеристики умственныхъ интересовъ и нравственныхъ идеаловъ своего времени они представляютъ наиболѣе важный и совершенно достовѣрный матеріалъ, ибо литература не можетъ не отражать на себѣ умственнаго и нравственнаго уровня, общества. Въ тѣхъ самыхъ общихъ чертахъ, въ которыхъ въ настоящее время только и возможна характеристика тогдашняго общества со стороны его умственнаго и нравственнаго развитія, нельзя указать сколько-нибудь значительнаго различія между средой провинціальною и столичною; поэтому я попытаюсь представить лишь общую характеристику русской интеллигенціи конца прошлаго вѣка.

Въ каждомъ періодѣ слѣдуетъ различать нравственность личную и общественную; первая проявляется преимущественно въ частной жизни человѣка и находится въ зависимости отъ господства тѣхъ или другихъ моральныхъ качествъ въ характерѣ его; ее опредѣляютъ общечеловѣческія нравственныя правила, измѣняющіяся, какъ извѣстно, съ большимъ трудомъ, весьма медленно, даже еле замѣтно, такъ что основныя черты этой нравственности остаются почти безъ перемѣны въ теченіе чуть не всей исторической жизни человѣчества и въ настоящее время наблюдаются даже у нѣкоторыхъ не цивилизованныхъ народовъ. Нравственность общественная — это то или другое отношеніе къ различнымъ общественнымъ явленіямъ, та или другая оцѣнка ихъ; она находится въ большей зависимости отъ умственнаго уровня времени, отъ общественнаго и государственнаго строя каждой страны, замѣтнѣе различается по времени и мѣсту и быстрѣе измѣняется: самые нравственные, напримѣръ, люди древности относились совершенно хладнокровно къ рабству, торговлѣ людьми, жизнь раба цѣнили очень низко и т. п., а теперь это возмущаетъ человѣка мало-мальски развитаго. Говоря о нравахъ въ какой-нибудь періодъ необходимо строго различать эти двѣ стороны.

Относительно нравственности личной я уже высказалъ выше убѣжденіе, вынесенное мною изъ изученія XVIII вѣка: люди были тогда въ этомъ отношеніи такіе же, какъ и теперь: также встрѣчались и болѣе добрые и болѣе злые, и эгоисты и готовые жертвовать всѣмъ для другаго, и завистливые и великодушные, и мягкіе и жестокіе, и развратные и воздержные; также признавали они обязательность извѣстныхъ нравственныхъ требованій и также относились съ порицаніемъ къ ихъ нарушенію; также сознавали нравственные

идеалы и стремились къ нимъ; только тогда, въ силу меньшей еще общественности въ жизни, въ силу отсутствія всякой нивеллировки еще съ дѣтства, какъ тѣ, такъ и другія стороны характера, развивались опредѣленнѣе, рѣзче, и чаще одна какая-нибудь черта получала господство надъ всѣми другими; тогда было больше рѣзкихъ типовъ, какъ въ дурную, такъ и въ хорошую сторону, — только хорошіе типы, конечно, труднѣе замѣтить, чѣмъ дурные, потому что дурное впечатлѣніе можно получить очень быстро, и очень сильное, а чтобы составить себѣ твердое, хорошее мнѣніе о какомъ-нибудь человѣкѣ, надо видѣть его долго, постоянно, узнать его очень хорошо; въ то время, какъ для дурной характеристики отдѣльнаго человѣка достаточно иногда указать два-три вѣскіе факта, хорошую доказать, иногда даже формулировать, не легко. Вообще, совершенно невѣрно представлять себѣ вторую половину XVIII вѣка временемъ поразительно низкаго уровня нравственности, широкаго господства только дурныхъ инстинктовъ. Когда читаешь записки Болотова, Тимковскаго, Разказы бабушки, записки Хвостова, Добрынина и мн. др., то видишь людей съ инымъ умственнымъ складомъ, съ инымъ воспитаніемъ, но въ нравственномъ отношеніи совершенно такихъ же, какъ и теперь. С. Т. Аксаковъ, человѣкъ, сравнительно еще недавно жившій, но помнившій XVIII вѣкъ, притомъ человѣкъ, способность котораго понимать внутреннюю жизнь людей никакъ не можетъ быть отрицаема, говоритъ: „Прощайте, мои свѣтлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди или, лучше сказать, образы, въ которыхъ есть и свѣтлыя, и темныя стороны, люди, въ которыхъ есть доброе и худое! Ваша внѣшняя и внутренняя жизнь исполнена поэзіи, также любопытна и поучительна для насъ, какъ мы и наша жизнь, въ свою очередь, будемъ любопытны и поучительны для потомковъ“ и т. д.. Напомню здѣсь также опять слова гр. Л. Н. Толстого: „Въ тѣ времена люди также любили, завидовали, искали истины, добродѣтели, увлекались страстями, та же была сложная, умственно-нравственная жизнь, даже иногда болѣе утонченная, чѣмъ теперь, въ высшемъ сословіи“. Наконецъ, Карамзинъ, самъ человѣкъ XVIII вѣка, человѣкъ, придававшій нравственности и ея требованіямъ такое большое значеніе, вспоминаетъ о концѣ XVIII вѣка съ самой хорошей стороны.

Болѣе надо сказать о нравственности общественной. Она несомнѣнно измѣнилась съ того времени къ лучшему, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ государственной и общественной жизни. Но

одно отличіе прежней нравственности отъ нашихъ понятій, даже сама по себѣ ея отсталость отъ нихъ даютъ ли намъ право порицать и хулить ее? Можемъ ли мы признавать себя виновными предъ тѣми поколѣніями, которыя будутъ развитѣе и лучше насъ, за то, что предшествующая жизнь не дала намъ тѣхъ или другихъ взглядовъ, которые распространятся, можетъ быть, въ будущемъ? Справедливо ли было бы строгое осужденіе нашего вѣка со стороны тѣхъ будущихъ поколѣній, которыя, положимъ, счастливо разрѣшатъ многіе тяжелые вопросы соціальной и экономической жизни, за то, напримѣръ, что мы уживаемся не только довольно спокойно, но и просто совершенно спокойно, съ рѣзкимъ неравенствомъ въ распредѣленіи экономическаго благосостоянія? Мы заранѣе имѣемъ право возразить на подобное обвиненіе; мы можемъ сказать, что мы не умѣли, не могли лучше устроиться, потому что у насъ были другія, еще болѣе существенныя и неотложныя задачи; потому что мы теперь должны еще производить массу такой работы, отъ которой тѣмъ самымъ избавимъ своихъ потомковъ; потому что намъ еще съ трудомъ, еще съ бою достается многое такое, чтò наши потомки будутъ всасывать, такъ сказать, съ молокомъ матери. Мы можемъ заранѣе сказать на такое обвиненіе, что наши взгляды, понятія, интересы не произвольно нами избраны, а суть плодъ и результатъ всего предшествовавшаго историческаго развитія, что мы поставлены были вообще далеко не въ то положеніе, въ какомъ будутъ стоять наши судьи, и что судить насъ надо главнымъ образомъ не за то, въ чемъ наши понятія будутъ расходиться съ понятіями нашихъ судей,—въ такомъ случаѣ мы уже заранѣе осуждены, потому что грядущимъ поколѣніямъ и естественно быть въ общемъ лучше, ибо они будутъ пользоваться плодами бòльшаго количества тружениковъ,—но за то только, гдѣ мы будемъ дѣлать отступленія отъ нашихъ собственныхъ взглядовъ, гдѣ мы будемъ поступать неискренно, гдѣ будемъ изъ личныхъ цѣлей допускать въ жизнь компромиссы со своею совѣстью. Не касаясь съ философской точки зрѣнія вопроса о свободѣ воли и необходимости, всякій можетъ сказать, что въ одномъ отдѣльномъ случаѣ, и даже въ одномъ ряду ихъ, онъ можетъ, а въ другомъ не можетъ поступать такъ или иначе; я могу, напримѣръ, дать или не дать, взять или не взять взятку,—но представить себѣ, что всякій вопросъ, всякое столкновеніе не только въ жизни народовъ, но и частныхъ лицъ, будутъ рѣшены непремѣнно по законамъ строжайшей справедливости, что не нужны теперь ни суды, ни войны, никакое насиліе, — не могу; всякій, напримѣръ,

врачъ вполнѣ можетъ оказать или не оказать безкорыстную помощь больному, но ни врачъ, ни кто другой теперь не можетъ еще руководиться во всей жизни принципомъ, что всѣ люди братья, и т. п. Намъ кажется, что только такая точка зрѣнія дѣлаетъ возможнымъ болѣе спокойное и правильное сужденіе о нравахъ прошлаго, даетъ возможность дѣлать различную оцѣнку разныхъ лицъ одного и того же прежняго общества, — иначе, напримѣръ, всѣ древніе люди окажутся безнравственными, потому что они были рабовладѣльцы и даже проповѣдники и защитники рабства, и крайне ограниченными въ умственномъ отношеніи, потому что ихъ религія есть суевѣріе, пожалуй еще большее, чѣмъ, напримѣръ, убѣжденіе, что человѣка можно приворожить, или что еретица не можетъ выговорить: „да воскреснетъ Богъ". И въ самомъ дѣлѣ, такая сравнительная, такъ сказать, оцѣнка въ области научной, относительно успѣховъ умственныхъ, господствуетъ уже давно; всѣ уже понимаютъ то, что̀ въ извѣстныя эпохи слѣдуетъ признать очень важнымъ, крупнымъ шагомъ, и то, что̀ въ другое время, при иныхъ обстоятельствахъ, становится чуть не смѣшнымъ, — а между тѣмъ почему-то не признаютъ, что точно также было и въ области нравственности общественной, и словно предполагаютъ, что люди всегда имѣли собственно одни и тѣ же взгляды, но какъ-то жили компромиссами, часто и чувствами, и понимали, что дѣлаютъ что-либо дурное, и все-таки дѣлали такъ, иногда не смотря даже на явный вредъ самимъ себѣ. Такъ вотъ относятся обыкновенно изслѣдователи XVIII вѣка къ крупному факту исторіи тогдашняго общества, къ существованію крѣпостнаго права. Я убѣжденъ, что разсуждать теперь о несправедливости и о вредѣ его значитъ оскорбить русское образованное общество, и что можно, слѣдовательно, говорить о немъ, какъ о фактѣ исторіи, совершенно спокойно, безстрастно. Съ такой точки зрѣнія, мнѣ кажется, совершенно возможно уподобить тогдашнее владѣніе крѣпостными теперешнему обладанію большимъ богатствомъ. Какъ мы теперь живемъ и совершенно спокойно дѣлаемъ каждый свое дѣло въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ выросли, такъ точно внимательное и безпристрастное изученіе источниковъ исторіи XVIII вѣка убѣждаетъ насъ, что огромная масса тогдашняго общества и даже лучшіе его представители сживались съ крѣпостнымъ правомъ совершенно, такъ сказать, не сознавая его вреда; они такъ съ нимъ сроднились, что даже не останавливались надъ вопросомъ; а не можетъ ли быть иначе? Онъ имъ и въ голову не приходилъ. Какъ

теперь поражаетъ насъ безумная роскошь, слишкомъ широкое пользованіе своими средствами для чисто личныхъ цѣлей, то-есть, злоупотребленіе богатствомъ, точно также злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ поражали и тогда уже очень многихъ; но какъ и теперь случаются и такія злоупотребленія и гораздо болѣе возмутительные факты, такъ точно и тогда злоупотребленіе крѣпостнымъ правомъ хотя и осуждалось, но встрѣчалось тоже нерѣдко. Ясно, конечно, что хотя владѣніе людьми съ нравственной точки зрѣнія болѣе дурно, чѣмъ владѣніе лишними деньгами, но также и то, что это явленія одного порядка, одного смысла привилегированности однихъ предъ другими. Что тогда жили, такъ сказать, внѣ сознанія этого явленія, почти не представляли себѣ возможности инаго порядка вещей; на это можно привести нѣсколько вѣскихъ доказательствъ. Сумароковъ, напримѣръ, изображая въ видѣ сна идеальное государство, въ которомъ отсутствуютъ невѣжество, взяточничество и прочіе пороки современнаго ему общества, ни слова не говоритъ о крѣпостномъ состояніи [1]). Извѣстны его возраженія на Наказъ; онъ, напримѣръ, не могъ себѣ представить, откуда безъ крѣпостнаго права возмется прислуга? [2]) Фонъ-Визинъ, посвятившій особую комедію осмѣянію спѣси княжескихъ родовъ, въ уста героя этой комедіи, слѣдовательно, лица, долженствовавшаго говорить лишь самыя умныя вещи, влагаетъ, вмѣстѣ съ осужденіемъ излишней спѣси, разсужденія о преимуществахъ благородства, въ смыслѣ именно дворянства, и о неизбѣжности подчиненія однихъ другимъ для развитія общества [3]): такіе два, по нашему, совершенно противорѣчивые взгляда уживаются тогда въ одномъ человѣкѣ. Новиковъ, эта столь высокая въ нравственномъ отношеніи личность, продавалъ своихъ крѣпостныхъ и въ Трутнѣ признавалъ „нужное подчиненіе", котораго только не должно обращать „въ несносное иго рабства" [4]). Радищевъ, прославившійся своимъ смѣлымъ сочиненіемъ, такъ ярко рисовавшимъ несчастное положеніе крестьянъ и какъ бы требовавшимъ ихъ освобожденія, когда типографщикъ Селивановскій отказался напечатать его— вышелъ изъ себя и разругалъ Селивановскаго именно такъ, какъ баринъ

---

[1]) *Трудолюбивая пчела*, 1759, 738—747.

[2]) См. статью *Соловьева* въ *Русск. Вѣстникѣ* за 1861 г., т. XXXV.

[3]) *Фонъ-Визинъ*, „Выборъ гувернера", ком.—Сочиненія, изд. 1866, 111—123.

[4]) Письмо его объ этомъ приложено въ *Библіографическихъ запискахъ*, т. III, 1861, факсимиле; *Трутень*, 1768, 26, 148—149.

мастероваго [1]), и самъ своихъ крѣпостныхъ не отпускалъ на волю. И. В. Лопухинъ, масонъ, другъ Новикова, человѣкъ чрезвычайно добрый, высокихъ нравственныхъ убѣжденій, которыя онъ всегда старался проводить въ жизни, писалъ, что не возможно уничтожить крѣпостное право при тогдашнемъ развитіи крестьянъ и тоже не освобождалъ своихъ крестьянъ. То же писали Болтинъ и Карамзинъ [2]). Но мы ни мало не думаемъ осуждать кого-либо изъ нихъ; они и не могли дѣйствовать иначе, и поступая такъ, они, по своему глубокому и вполнѣ честному убѣжденію, не дѣлали ничего дурнаго; если мы на ихъ отношеніе къ крѣпостному праву смотримъ совершенно иначе, то въ значительной степени обязаны этимъ и имъ, и вообще своимъ предкамъ, выработавшимъ для насъ возможность нашей жизни и нашихъ взглядовъ; намъ, послѣ Карамзина, Пушкина, Тургенева, намъ, читающимъ произведенія Льва Толстого, и нельзя поступать въ этомъ отношеніи такъ, какъ поступали люди, ничего подобнаго не знавшіе. Достаточно уже извѣстно, что западно-европейское вліяніе, ученіе энциклопедистовъ скорѣе поддерживало, чѣмъ ослабляло крѣпостное право: въ этомъ ученіи проводятся идеи, что для того, чтобы свободный былъ вполнѣ свободенъ, необходимо рабу быть вполнѣ рабомъ, что нельзя вдругъ и однимъ общимъ узаконеніемъ дѣлать свободною массу людей [3]) и т. д.

Высокое мнѣніе о дворянскомъ достоинствѣ было сильно распространено; мы видѣли уже, что дворяне вообще неохотно знались съ не-дворянами; часто встрѣчается въ журналахъ та же мысль о чести дворянина, которую высказываетъ фонъ-Визинъ; но основаніемъ благородства и преимуществъ дворянства всегда выставляются заслуги предковъ, ихъ долгая и полезная служба государству,—гордящихся же просто древностью рода всегда осмѣивали, а если и предполагали, что благородный человѣкъ имѣетъ лучшія качества, чѣмъ простой, то потому только, что отъ болѣе образованныхъ, лучшихъ родителей естественнѣе и родиться человѣку съ лучшими задат-

---

[1]) *Незеленовъ*, Н. И. Новиковъ, 76.

[2]) *Порфирьевъ*. Исторія русской словесности, ч. II, отд. II. Казань. 1884, стр. 301—302 и 350—351; приведены выписки изъ Лопухина и Болтина. *Карамзинъ*, Записка о древней и новой Россіи—*Русск. Арх.* 1870, 2229—2350, особ. 2300—2304.

[3]) *Rousseau*, Contrat social, III, 19; *Montesquieu*, L'esprit des lois, liv. XV, ch. XVIII.

ками [1]). Презрѣнія къ низшимъ классамъ нельзя признать господствовавшимъ; даже рабовъ-негровъ признавали одаренными такими же душевными свойствами, какъ и всѣ другіе люди [2]); какъ только нѣкоторые писатели указали, что слово „подлый", значившее прежде просто „человѣкъ низшаго класса", стало принимать презрительный смыслъ, оно быстро вышло изъ употребленія въ прежнемъ значеніи [3]). Не мало есть указаній, что дворянская гордость въ Екатерининскую эпоху была гордость благородная и никому не оскорбительная; есть даже жалобы на то, что строгость императора Павла, а частью и слѣдующія царствованія, значительно ослабили, ухудшили ее, такъ какъ дворянъ и на службѣ, и еще въ корпусахъ стали подвергать разнымъ, иногда унизительнымъ наказаніямъ [4]); мы не рѣ-

---

[1]) *Невинное упражненіе.* М. 1763, 167—173; *Зритель* 1792, III, 150—154; точно такой же взглядъ высказывается и въ самомъ началѣ жалованной грамоты дворянству 1785 г., П. С. З., № 16186.

[2]) *Праздное время въ пользу употребленное* 1759 г., доказывая мысль, что безъ воспитанія и доброе, хорошее сердце дастъ дурные плоды, приводитъ анекдотъ изъ жизни рабовъ-негровъ, 163—168; *И то и се, л.* VI: „Добрый и отличный человѣкъ достоинъ почтенія безъ различія—россіянинъ ли онъ, французъ ли, или татаринъ".

[3]) Болотовъ, напримѣръ, много разъ употребляетъ это слово въ такомъ смыслѣ; между прочимъ, передавая разказы о докторѣ-самоучкѣ Ероѳеичѣ отъ лица, которому Ероѳеичъ помогъ, онъ говоритъ: „Еще сказывалъ мнѣ г. Соймоновъ, что онъ дѣйствительно очень простъ и самый подлецъ, не знающій никакихъ церемоній. „Мой государь!" и то по низовскому, да и только всего", II, 734. Волынскій писалъ даже „подлое шляхетство", въ смыслѣ низшее, мелкое дворянство—*Романовича-Славатинскаго*, Дворянство, 187; вспомнимъ „подлый штиль" у Ломоносова; *Живописецъ* по изд. *Ефремова*, 189.

[4]) Кн. *Ѳ. Н. Голицынъ:* „дворянство въ ея (Екатерины II) царствованіе поднялось духомъ и честію до высокой степени", *Русск. Арх.* 1874, 1279. Слова *Карамзина* изъ повѣсти „Рыцарь нашего вѣка", мы уже указывали. *В. Селивановъ*, передавая въ статьѣ „Изъ давнихъ воспоминаній" разговоры старековъ, очевидцевъ Екатерининской эпохи, пишетъ: „Я ужаснулся той перемѣнѣ, которую нашелъ (въ корпусахъ) теперь (при Александрѣ I). Куда дѣвались вѣжливость, благородное обращеніе! У насъ наказаніе розгами было вещію рѣдкою, а тутъ всякій офицеръ деретъ, когда ему вздумается. Стыдъ наказанія пропалъ, разницы между кадетомъ и солдатомъ не стало", *Русск. Арх.* 1869 г., 160. *Энгельгардтъ* пишетъ: „Царствованіе его (Павла) было для всѣхъ чрезвычайно тяжело, а особливо для привыкшихъ благоденствовать подъ кроткимъ правленіемъ обожаемой монархини. Конечно, и при ней самой были несправедливости, но онѣ были рѣдки и претерпѣвали ихъ частныя лица, а не все цѣлое", 199. Въ такомъ же духѣ пишетъ *А. С. Пишчевичъ*, 215—216.

шаемся говорить объ этомъ положительно, потому что время Павла и Александра I еще слишкомъ мало изучено. Кромѣ того, дворянство въ старину твердо помнило свою обязанность служить государству; понятіе объ обязанности каждаго дворянина посвятить нѣсколько лѣтъ жизни службѣ отечеству постоянно существовало и послѣ манифеста 1762 г.; не только изъ литературы, но даже и изъ жизни, можно привести примѣры, гдѣ даже родители высказываютъ готовность перенести безропотно, если сынъ погибнетъ на службѣ; здѣсь же напомню и тотъ благородный взглядъ на обязанности службы, который указанъ выше [1]). Въ связи съ этимъ стоитъ еще одинъ крупный фактъ тогдашней общественной нравственности: горячій патріотизмъ и живое чувство народности у тогдашнихъ образованныхъ людей; мы привыкли повторять, что тогдашнее русское общество слѣпо подражало и слѣдовало всему французскому, привязано было къ Франціи болѣе, чѣмъ къ своей родинѣ; но это неправильно; увлеченные французскими симпатіями люди, конечно, встрѣчались, и вѣроятно чаще, чѣмъ встрѣчаются они теперь; но это были люди ниже средняго уровня тогдашняго общества, люди худшіе; не говоря уже о замѣчательно національномъ составѣ всей высшей администраціи при Екатеринѣ и о національномъ направленіи въ политикѣ, о начавшемся при ней живомъ изученіи русской народности, о громкой и искренней лирикѣ, блестящимъ представителемъ которой явился Державинъ, о томъ, что переписка аристократіи и государственныхъ людей шла тогда преимущественно на русскомъ языкѣ [2]), — мы видѣли уже ту гордость своими успѣхами, своимъ народомъ, которая ясно проходитъ въ тогдашнихъ журналахъ; совершенно такое же отношеніе къ

---

[1]) Жизнь *Ив. Ив. Неплюева*, имъ самимъ описанная. М. 1870: „Противъ желанія моего (ибо намѣреніе мое было служить до конца жизни) принужденнымъ нашелся просить объ увольненіи“ по болѣзни, 105: о внукѣ онъ говоритъ: „Надежду полагалъ на него, что увижу въ немъ усерднаго слугу отечества, жертвующаго ему жизнью; 111. *Энгельгардту* говорилъ отецъ, отправляя его на службу: „Лучше я хочу услышать, чтобы ты былъ убитъ, нежели бы себя осрамилъ“, 69. „Долгъ, который, всякій сынъ отечества исполнить обязанъ, то-есть, посвятить нѣсколько лѣтъ жизни службѣ отечеству“, *Вечера*, 1772, по изд. 1788, I, 161—166. Въ тахомъ же точно духѣ—*Утренній Свѣтъ* 1778, II, 6; *С.-Петербургскій Меркурій*. Ежемѣс. изданіе на 1793 г., IV, 119, *Прохладные часы* и т. д. 1793, I, 370—387. *Собесѣдникъ*, 1783. IV, 111—137.

[2]) Кн. *П. А. Вяземскій*, Фонъ-Визинъ, 18.

Россіи можно указать и во многихъ мемуарахъ [1]); представители противоположнаго направленія, даже при всей довольно значительной тогда свободѣ печати, никогда не высказывались печатно, никогда не представляли своихъ объясненій и оснований: среди ихъ, значитъ, не было выдающихся людей; выдающіеся люди держались противоположнаго направленія. Рядомъ съ гордостью своимъ временемъ нужно указать самую искреннюю, глубокую вѣру въ возможность быстраго, безостановочнаго, даже какого-то торжественнаго движенія человѣчества впередъ—путемъ распространенія знаній и воспитанія; эта молодая вѣра высказывалась чрезвычайно простодушно, какъ аксіома, и никѣмъ не подвергалась даже сомнѣнію; европейскія событія, впрочемъ, скоро разрушили эти свѣтлыя мечтанія [2]).

Важную сторону тогдашней общественной нравственности составляли недостатки судопроизводства и широкое распространеніе взяточничества. Мы не обинуясь скажемъ, что и то, и другое господствовало въ ужасной мѣрѣ и дѣйствительно составляло крупное зло, заслуживающее жестокаго порицанія, ибо неправильность такого порядка была сознана уже большинствомъ общества и преслѣдовалась правительствомъ и литературой; очень многіе изъ тогдашнихъ людей дѣйствительно виновны въ томъ, что изъ страсти къ деньгамъ долго оставались глухи къ громко провозглашаемому порицанію взятокъ. Но нельзя, однако, не указать, что неправосудіе и взяточничество въ той сильной степени, какъ мы ихъ находимъ, были созданы отчасти историческими обстоятельствами: въ тогдашнемъ обществѣ не было еще развито понятіе объ отвлеченномъ, такъ сказать, характерѣ правосудія; въ плоть и кровь общества еще не вошло представленіе о полной независимости судебныхъ рѣшеній ни отъ какихъ постороннихъ причинъ и вліяній и объ обязанности постоянно-одинаковаго возмездія за одинаковыя преступленія, такъ какъ не существовало единаго, точнаго опредѣленія на каждый случай, но накопилась масса разнообразныхъ, часто противорѣчащихъ другъ другу постановленій, такъ что, съ одной стороны, люди съ умомъ очень не сильнымъ, вовсе и

---

[1]) Напримѣръ, *Болотовъ*, IV, 586, 611, 905 и др.; сюда же относятся и многія, ранѣе указанныя, мѣста изъ мемуаровъ, особенно—говорящія о службѣ отечеству.

[2]) Такой взглядъ сквозитъ въ очень многихъ статьяхъ тогдашнихъ журналовъ; см. также *Н. Н. Страховъ*, Борьба съ западомъ, II, 102—103.

не вступая въ сдѣлку съ совѣстью, не придерживались иногда того, чего требуетъ, по нашимъ понятіямъ, справедливость, а съ другой— люди не очень строгіе къ себѣ, чего и нельзя требовать отъ большинства при тогдашней степени развитія, весьма легко могли вполнѣ оправдывать себя въ своихъ глазахъ. Кромѣ того, и по закону, до Екатерины II приказные не получали опредѣленнаго жалованья, а должны были довольствоваться, какъ уже упомянуто, „акциденціями", то-есть, доходами съ дѣлъ, судебными издержками, такъ сказать; акциденціи эти были установлены закономъ, но не были имъ опредѣлены [1]); естественно, что отсюда не могли не проистекать сильнѣйшія злоупотребленія; они стали даже совершенно привычнымъ явленіемъ, такъ что многіе люди XVIII вѣка высказываютъ къ взяткѣ такое отношеніе, которое невольно поражаетъ насъ. Даже такой сильный умъ, какъ В. Н. Татищевъ, не находилъ ничего несправедливаго и унизительнаго для себя въ томъ, чтобы брать денежныя вознагражденія отъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, говоря, что онъ за это скорѣе окончитъ дѣло, работая надъ нимъ и въ такое время, когда по закону не обязанъ работать; Болотовъ, самъ человѣкъ вполнѣ честный, давалъ взятки совершенно спокойно; точно также и Державинъ; Добрынинъ не скрываетъ, что самъ взялъ дважды взятку, не находя въ этомъ ничего особенно позорнаго, такъ какъ бралъ не изъ жадности, а изъ стыда, что онъ, губернскій стряпчій, живетъ хуже всякаго секретаря; есть даже указаніе, что брали взятки и все сейчасъ же отдавали на содержаніе бѣдныхъ [2]), и этотъ фактъ выступаетъ предъ нами вовсе не какъ кощунственное лицемѣріе, а какъ поступокъ совершенно искренній: ясный примѣръ не компромисса съ совѣстью, а искренняго, хотя и совершенно отличнаго отъ нашего, убѣжденія. Замѣтной и благотворной перемѣны въ этомъ отношеніи можно было ожидать только отъ бо́льшаго развитія общества въ умственномъ отношеніи; хотя, какъ извѣстно, умственное развитіе и нравственное улучшеніе далеко не всегда обусловливаютъ другъ друга, но болѣе развитому человѣку все-таки легче уяснить себѣ ту лживость и неправду, которая ослѣпляла людей менѣе развитыхъ и давала поводы къ сильнымъ злоупотребленіямъ въ области судопроизводства и администраціи.

---

[1]) *Романовичъ-Славатинскій*, Дворянство, 152—153.

[2]) Духовная, по изд. 1885, 17; *Болотовъ*, III, 395, *Державинъ*, 580; *Добрынинъ*, 304—305; *Винскій*, 118.

Мнѣнія изслѣдователей по исторіи XVIII в. объ умственномъ развитіи нашего тогдашняго дворянства мы уже видѣли: г. Семевскій прямо говоритъ, что дворяне въ умственномъ отношеніи были не выше своихъ крестьянъ; г. Незеленовъ называетъ XVIII вѣкъ вѣкомъ поразительнаго невѣжества; г. Дубровинъ отрицаетъ всякіе умственные интересы въ дворянствѣ, видя въ его жизни лишь волокитство, сплетни да стремленіе хорошенько поѣсть и выпить. Мы, съ своей стороны, въ общихъ чертахъ коснулись уже этого вопроса, говоря о бытѣ помѣщиковъ, и указали, что до послѣдней четверти XVIII в., особенно до Семилѣтней войны, умственное развитіе и интересы большинства дворянъ были, дѣйствительно, очень не высоки и не широки; но мы отмѣтили и тотъ огромный шагъ въ этомъ отношеніи, сдѣланный къ концу вѣка, который при внимательномъ изученіи, не возможно не замѣтить. Существуетъ не только большая разница между умственнымъ уровнемъ общества первой половины и конца XVIII вѣка, но даже въ послѣднюю четверть его нельзя не указать весьма значительнаго прогресса; кромѣ того, самое содержаніе тогдашней умственной жизни, самое направленіе умственной дѣятельности тогдашняго общества заслуживаютъ того, чтобы на разсмотрѣніи ихъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Наилучшимъ и вполнѣ достовѣрнымъ, несомнѣннымъ источникомъ для правильнаго разрѣшенія этого вопроса должно послужить изученіе литературы и сравненіе ея состоянія въ разныя эпохи, при чемъ наибольшее вниманіе нужно удѣлить писателямъ второстепеннымъ и третьестепеннымъ, даже и вовсе не выдающимся. Писатели высокодаровитые, дающіе надолго тонъ и направленіе трудамъ писателей болѣе мелкихъ, появляются рѣдко и составляютъ исключеніе, свидѣтельствующее, конечно, о высокомъ умственномъ уровнѣ всего народа; но мы не имѣемъ права приписывать ихъ мысли, мнѣнія, интересы, ихъ слова, самую ихъ логику всему остальному обществу, потому что нерѣдко такіе писатели далеко опережаютъ свой вѣкъ, стоятъ гораздо выше его. Изучать общественную мысль, развитіе, интересы, понятія, взгляды, даже самую логику большинства нужно по сочиненіямъ тѣхъ авторовъ, которые не выдавались изъ среды обыкновенныхъ умныхъ и образованныхъ людей своего времени, которые теперь уже забыты, потому что писали только для своего времени, отражали лишь его, не затрогивая такихъ вопросовъ и не создавъ такихъ образовъ и типовъ, которые интересуютъ и грядущія поколѣнія; такіе писатели подчиняются, конечно, вліянію крупныхъ представителей литера-

уры, но только въ томъ, что̀ соотвѣтствуетъ вообще тогдашнему ıственному уровню; писатель же, стоящій много выше своего времени и затрогивающій болѣе глубокіе и долговѣчные вопросы, обыновенно остается не понятымъ и безъ послѣдователей въ свое время.)бширный матеріалъ для такого изученія представляетъ намъ журıальная литература Екатерининскаго царствованія, и притомъ материалъ, не нуждающійся ни въ какихъ оговоркахъ, ни въ какихъ граниченіяхъ, потому что интересы, взгляды и логика цѣлаго поколѣнія не могутъ не отразиться въ литературѣ его времени; потому и обратно — общее направленіе литературы, такъ сказать, редней рисуетъ намъ направленіе и самаго общества того времени, ı прогрессъ въ общемъ, среднемъ уровнѣ литературы совершенно ıе мыслимъ безъ прогресса въ общемъ развитіи и самаго общества, ıзъ среды котораго выходили писатели, и среди котораго читались ıхъ труды.

Относительно направленія тогдашней русской литературы надо сказать, что оно было серьезное и хорошее. Наши историки литературы признаютъ, что „мораль и исправленіе нравовъ были всеобщею заботою", что „нравственное направленіе составляетъ отличительную черту всѣхъ литературныхъ произведеній Екатерининской эпохи", что отношеніе русскихъ писателей XVIII вѣка къ порочному „чуждо французской легкомысленности; они смотрѣли на него глазами гнѣвной сатиры или, по крайней мѣрѣ, съ комической точки зрѣнія" [1]). Эти замѣчанія совершенно вѣрны и пожалуй еще не вполнѣ выставляютъ хорошую сторону тогдашней литературы, тогдашнихъ умственныхъ интересовъ и тогдашняго направленія. Разсужденія о должномъ и недолжномъ, о различныхъ страстяхъ, объ ихъ вредѣ и о борьбѣ съ ними, объ обязанностяхъ человѣка и о цѣляхъ жизни, о задачахъ и правильныхъ пріемахъ воспитанія, о пользѣ ученія и т. д. составляли главное содержаніе почти всѣхъ тогдашнихъ произведеній; въ журналахъ мы постоянно видимъ статьи, напримѣръ, о зависти, гордости, злорѣчіи, скупости, злобѣ, вспыль-

---

[1]) „В. И. Лукинъ", ст. *А. Н. Пыпина* въ „Сочиненіяхъ Лукина и Ельчанинова", изд. 1868, XVIII; *Порфирьевъ*, Исторія русской словесности, ч. II, отд. II, 358—359; *Галаховъ*, Исторія русской словесности, т. II, С.-Пб. 1875, 169; сочувственно характеризуютъ литературу второй половины XVIII вѣка *Аѳанасьевъ* въ книгѣ „Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 гг.", 1—2, и проф. *Буличъ* въ книгѣ „Сумароковъ и современная ему критика", указывая ея отзывчивость на запросы общественной жизни, IX—X, 4.

чивости, о любви, о дружбѣ, о выборѣ друзей и вообще сообществъ и т. д.; часто одинъ и тотъ же журналъ помѣщаетъ по нѣскольку статей на одну подобныя темы. Рядомъ съ этимъ обсужденіемъ вопросовъ нравственности и общественности, тогдашняя литература постоянно касается ближайшимъ образомъ вопросовъ нашей собственной жизни, говоритъ о состояніи просвѣщенія, правосудія, объ отношеніи къ низшимъ и высшимъ, о преимуществахъ и обязанностяхъ благородныхъ людей и т. д.; нѣтъ почти ни одного журнала, который не касался бы ближайшимъ образомъ этихъ предметовъ; мелкія неважнаго содержанія статьи занимаютъ въ тогдашней журнальной литературѣ мѣсто сравнительно очень небольшое [1]); все, что представляла замѣчательнаго тогдашняя западно-европейская литература, и очень многое изъ литературы классической было у насъ переведено, и нѣкоторые переводы изданы даже по нѣскольку разъ; слѣдовательно, они находили читателей, а знакомство съ древнею литературой было тогда, безъ сомнѣнія, болѣе распространено чѣмъ теперь [2]). По своему преобладающему характеру литература того времени называется дидактическою, и иные обвиняютъ людей XVIII вѣка, въ частности и русское общество, за постоянное дебатированіе вопросовъ нравственности и общественности, въ резонерствѣ [3]). Но что должно значить подобное обвиненіе? Неужели можно предположить, чтобы тогдашніе люди писали обо всемъ этомъ, не интересуясь искренно затрогиваемыми вопросами? Но неужели же въ наше время еще не всѣ знаютъ,

---

[1]) Очеркъ этотъ составленъ преимущественно по слѣдующимъ журналамъ *Праздное время* 1759, V—VI; *Трудолюбивая пчела* 1759, *Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знаній и произведенію удовольствія* 1762, *Невинное упражненіе* 1763, *Свободные часы* 1763, *Полезное съ пріятнымъ* 1769, *И то и се* 1769, *Парнасскій Щепетильникъ* 1770, *Вечера* 1772, *Утренній Свѣтъ* 1778, *С.-Петербургскія ученыя вѣдомости* 1779, *Академическія Извѣстія* за 1779, *Собесѣдникъ любителей россійскаго слова* 1783, *Зеркало свѣта* 1786, *Курьеръ изъ ада съ письмами* 1788, *Почта духовъ* 1789, *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, *Зритель*, *Дѣло отъ бездѣлья*, *Россійскій магазинъ* 1792, *С.-Петербургскій Меркурій* 1793, *Прохладные часы* 1793; болѣе подробныхъ ссылокъ въ этомъ случаѣ я не дѣлаю, въ виду того, что общій характеръ, общій духъ журнала возможно вѣрно понять, лишь ознакомившись со всѣмъ его содержаніемъ. Много воспользовался я также обозрѣніемъ журналовъ и изданій Новикова въ изслѣдованіи г. *Незеленова*, весьма обстоятельномъ въ этихъ частяхъ.

[2]) *М. А. Дмитріевъ*, 46; *Н. Буличъ*, Сумароковъ и современная ему критика, 155, *Кн. П. А. Вяземскій*, Фонъ-Визинъ, 16—17.

[3]) *Незеленовъ*, Новиковъ, издатель журналовъ, 417.

акъ трудно провести въ жизнь какую-нибудь новую идею, какой-нибудь новый взглядъ, особенно въ дѣлѣ, близко касающемся частной жизни массы людей, когда приходится бороться съ множествомъ привычекъ, установившихся подъ прежнимъ вліяніемъ обстоятельствъ и проч.? Несомнѣнно, что тогдашніе люди обсуждали въ литературѣ такіе вопросы, которые были тогда еще многимъ не ясны, не были еще разрѣшены, подобно тому, какъ со временемъ будетъ, конечно, совершенно ясно и несомнѣнно для всѣхъ многое и изъ того, чтѣ мы теперь обсуждаемъ, о чемъ споримъ, въ чемъ колеблемся, чтѣ для насъ еще ново и темно; не возможно же было бы наполнять тридцать лѣтъ десятки разныхъ журналовъ разсужденіями о томъ, въ чемъ и тогда всѣ были увѣрены давно! Такихъ журналовъ никто бы не сталъ читать,—а на дѣлѣ видимъ, совершенно противное. Конечно, нельзя было останавливаться на однихъ разсужденіяхъ, а надо было и проводить ихъ мало по малу въ жизнь; но русское общество XVIII в. на этомъ и не остановилось, и если намъ кажется совершенно простымъ, очевиднымъ то, что тогда обсуждали со всѣхъ сторонъ, если это стало для насъ полною, чуть не прирожденною собственностью, то потому именно, что наши предки, какъ только ходъ исторической жизни поставилъ ихъ въ новыя условія, какъ только началъ расширяться ихъ кругозоръ, какъ только начали они жить не однимъ обычаемъ и преданіемъ старины, такъ немедленно же стали выработывать себѣ свое міросозерцаніе, немедленно обратились къ разработкѣ самыхъ важныхъ вопросовъ общежитія. Въ этомъ смыслѣ русской литературы XVIII в. и ея большая заслуга; полное сходство въ этомъ отношеніи всѣхъ почти журналовъ (не столь ясно отражаютъ такой характеръ только журналы спеціально ученые и спеціально сатирическіе) доказываетъ, что это были искренно поставленныя задачи, серьезно преслѣдуемыя цѣли, а не фальшивое, притворное резонерство, не простая игра мыслями и фразами; еслибы было такъ, то несомнѣнно, явились бы различные виды такого несерьезнаго отношенія къ литературѣ. Въ русскомъ обществѣ того времени нашлось много людей, желавшихъ на этомъ поприщѣ послужить своему отечеству; немедленно является масса писателей, не всегда особенно даровитыхъ, но всегда честныхъ, всегда серьезно относящихся къ дѣлу, преслѣдующихъ нравственные идеалы, никогда не служившихъ распространенію легкихъ нравовъ, чѣмъ отличалась, напримѣръ, тогдашняя французская литература. Эти люди работали сначала въ

очень неблагопріятныхъ условіяхъ. Припоминая общую картину, нарисованную въ первыхъ главахъ, мы легко повѣримъ словамъ журналовъ, что иные старики-дворяне готовы были просто проклясть своего родственника за занятія литературой и прерывали съ нимъ всякія сношенія, что стихотворцы были многими презираемы; но съ теченіемъ времени писатели добились того, что все общество перемѣнило къ нимъ отношеніе, что званіе автора стало даже почетнымъ; какъ мы уже говорили, стремленіе участвовать въ литературѣ дошло потомъ даже до смѣшной страсти къ писанію стиховъ [1]). Что тогдашніе сочинители писали о дружбѣ, о любви, о зависти, гордости, вспыльчивости и т. п. не изъ пустаго резонерства, а искренно интересуясь такими вопросами, серьезно ихъ обдумывая и разбирая, это доказываетъ еще и то огромное улучшеніе, тотъ огромный прогрессъ, который вообще, совершился въ то время въ нашей литературѣ. Профессоръ Буличъ говоритъ совершенно справедливо: „Когда Сумароковъ сошелъ съ литературнаго поприща, русская литература, начавшаяся громкою одою, сдѣлала уже исполинскіе шаги въ развитіи.... Отъ безсознательнаго, крикливаго гимна до сознательной сатиры, кажется, переходъ труденъ и далекъ, а онъ совершился быстро и ровно въ 30 лѣтъ, считая съ Ломоносовской оды на взятіе Хотина. Такими исполинскими шагами шла наша теперь забытая литература“ [2]). Съ своей стороны мы можемъ прибавить, что разница между первыми журналами XVIII в. и журналами конца его громадна; если въ подобныхъ случаяхъ возможно сравненіе, то можно сказать, что она едва ли многимъ меньшая, чѣмъ разница между изданіями конца XVIII вѣка и нашими теперешними журналами.

Въ журналахъ болѣе ранняго времени мы видимъ весьма плохой, не выработанный языкъ, весьма небогатую, мелкую, такъ сказать, мысль: какая-нибудь статейка на восьми крошечныхъ страничкахъ кажется уже большимъ сочиненіемъ [3]); содержаніе статей, доказательства, развитіе мысли—очень слабы; можно даже сказать, что доказательствъ въ нашемъ смыслѣ тогда почти не встрѣчается, и что высказать какую-нибудь мысль считалось уже и доказать ее; въ

---

[1]) *Буличъ*, Сумароковъ и современная ему критика, X; *Свободные часы* 1763, 294—295; *Вечера* 1772, 1—6; *Почта духовъ* 1789, 47—48; *Парнасскій Щепетильникъ* 1770, 16—17, 102—103 и друг.

[2]) *Н. Буличъ*. Сумароковъ и современная ему критика, 97—98.

[3]) *Праздное время* 1759, II, 135—142.

литературѣ тогдашней замѣтно чрезвычайное преклоненіе предъ существующимъ, видна крайняя робкость мысли; ссылка на то, что такъ всегда было, такъ всѣ думаютъ—тоже одно изъ наиболѣе часто приводимыхъ основаній; это есть проявленіе того же отношенія къ старинѣ, о которомъ я говорилъ выше [1]); предметы статей въ тогдашнихъ журналахъ охвачены обыкновенно далеко не со всѣхъ сторонъ, а развѣ съ какой-нибудь одной; поэтому часто въ одномъ и томъ же журналѣ, даже у одного и того же автора, чуть не рядомъ въ двухъ статьяхъ встрѣчаешь совершенно противоположные взгляды; такое отсутствіе выработанныхъ взглядовъ ясно, напримѣръ, замѣтно у Сумарокова, который пользовался великимъ уваженіемъ современниковъ; онъ, напримѣръ, то превозноситъ Петра Великаго на счетъ предшествовавшаго ему времени, то восхваляетъ это время, то называетъ Александра Македонскаго великимъ, героемъ, то пишетъ, что онъ, какъ Катилина, руководствовался только честолюбіемъ, и что если Катилинѣ истина дала имя злодѣя, а Александру имя Великаго, это — лесть, такъ какъ ему случайно удались его предпріятія [2]). Попытки литературной критики въ раннихъ журналахъ — чрезвычайно слабы, ограничиваются обыкновенно просто

---

[1]) Интересно одно замѣчаніе *Челищева*: разсуждая, какъ хорошо было бы, еслибы въ Архангельскѣ губернаторша и другія знатныя дамы взялись за дѣло устройства ткацкой фабрики для дѣвушекъ, онъ говоритъ: „не все то, что не было, еще невозможно“ (Путешествіе, 95); это писано въ 1792 г., слѣдовательно, послѣ французской революціи; онъ высказываетъ также опасеніе, что раскольники могутъ сдѣлаться весьма опасными для государства, если „явится между ними замысловатая, обширная голова“, какъ, напримѣръ, Сулла, Марій, Юлій Цезарь, Кромвель (122); это замѣчаніе также отражаетъ ту боязнь, которая охватила общество въ виду совершавшихся на западѣ событій.

[2]) *Полезное съ пріятнымъ* 1769—л. I—„о воспитаніи“, 5—27; воспитаніе выставляется какъ главное для человѣка; л. II — „о наукахъ“, 1—22, наибольшее значеніе придается знаніямъ. *Трудолюбивая пчела* 1759, 231—234; слова о Петрѣ Великомъ—у *Булича*, Сумароковъ, 172, 175: до Петра, говоритъ Сумароковъ, Россія „не была просвѣщена ни яснымъ о вещахъ понятіемъ, ни полезнѣйшими знаніями, ни глубокимъ ученіемъ; разумъ утопалъ въ мракѣ невѣжества, вредительная тьма разума пріятна была и полезный свѣтъ тягостенъ казался“; а въ другомъ мѣстѣ: „бредятъ люди, которые проповѣдуютъ, что мы до временъ Петра Великаго варвары, или паче скоты были; предъ нами такіе же люди были, какъ и мы“ и т. д. Нѣкоторыхъ колебаній, неизбѣжныхъ именно при вырабатываніи себѣ убѣжденій, нельзя не видѣть и у Новикова, но впрочемъ не въ такой рѣзкой мѣрѣ, какъ выставляетъ г. *Незеленовъ*, Новиковъ, 172 — 174, 184, 199, 225.

выписками мѣстъ, которыя кажутся критику превосходными, хорошими или дурными, и только [1]); въ этихъ журналахъ мы видимъ еще почти полное отсутствіе интересовъ научныхъ; вообще, это такая литература, которая могла интересовать общество еще очень молодое, еще далеко не выработавшее себѣ опредѣленныхъ убѣжденій, очень мало образованное, съ очень еще слабо развитымъ умомъ.

Совершенно не то впечатлѣніе производятъ журналы, начиная съ конца семидесятыхъ приблизительно годовъ и далѣе: они значительно больше по объему и разнообразнѣе по содержанію, но сохраняютъ хорошую сторону прежнихъ журналовъ: точно также имѣютъ они постоянно въ виду интересы общественной жизни, серьезныя нравственныя задачи; точно также, обсуждая вопросы нравственности и общежитія, продолжаютъ они вырабатывать свое міросозерцаніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ появляются разнообразнѣйшія статьи чисто научнаго содержанія, свидѣтельствующія о значительномъ развитіи знаній и интересовъ въ обществѣ; являются даже цѣлые журналы, наполненные спеціально учеными статьями по самымъ различнымъ отраслямъ и вопросамъ—изъ области естествознанія, политической экономіи и статистики, исторіи, географіи, физики и даже математики; въ этихъ журналахъ ведется даже ученая библіографія и обзоръ выдающихся періодическихъ заграничныхъ изданій. Мы не можемъ опредѣлить количество подписчиковъ на эти журналы, но есть указанія, что они расходились хорошо [2]). Конечно, къ тогдашнимъ журналамъ вообще, а особенно къ статьямъ научнымъ, нельзя прилагать мѣрки нашихъ современныхъ періодическихъ изданій, и чтобъ опредѣлить, хороши они были или худы, содержательны или безсодержательны, серьезны или нѣтъ,—мы должны смотрѣть на нихъ не отъ себя, не изъ конца XIX вѣка, а сравнить ихъ съ тѣмъ, чѣмъ были журналы прежде, что̀, слѣдовательно, было для нихъ образцомъ и исходною точкою развитія. Тогда огромный прогрессъ сразу бросается въ глаза; а если есть прогрессъ, то уже нѣтъ поразительнаго невѣжества. Самая постановка вопросовъ, способы изложенія теперь значительно выше прежняго; статьи по объему несравненно болѣе прежнихъ, касавшихся тѣхъ же вопросовъ; вопросъ раз-

---

[1]) *Буличъ*, Сумароковъ, 199—200; *Незеленовъ*, Новиковъ, 175.

[2]) *Утренній свѣтъ* 1778 г. расходился приблизительно въ 600 — 800 экземплярахъ (*Незеленовъ*, Новиковъ, 272), а многіе другіе журналы были несомнѣнно столь же интересны.

бирается всесторонне, доказывается строго логически; самый языкъ теперь уже значительно развитъ и обработанъ. Очень распространено мнѣніе, что тогда господствовало почти каррикатурное смѣшеніе русскаго языка съ французскимъ; въ доказательство приводятъ выписки изъ журналовъ, гдѣ изображенъ разговоръ, почти сплошь составленный изъ французскихъ словъ, только склоняемыхъ и спрягаемыхъ по русски. Но вѣдь и журналы приводили это какъ каррикатуру; стремленіе употреблять въ разговорѣ хоть два-три слова французскихъ встрѣчается въ извѣстныхъ слояхъ общества еще и теперь, когда, какъ мы всѣ знаемъ, смѣшеніе своего языка съ иностранными вовсе не господствуетъ; не господствовало оно въ образованномъ обществѣ и тогда: одинъ изъ журналовъ даетъ объясненіе употреблявшихся тогда въ русскомъ языкѣ иностранныхъ словъ и приводитъ ихъ всего около 250; среди жалобъ на введеніе французскихъ словъ мы видимъ иногда, что возставали противъ уродованія языка и противъ такихъ словъ, которыя теперь пріобрѣли полное право гражданства въ русскомъ языкѣ, каковы залъ, туалетъ, сюртукъ и проч.; И. И. Дмитріевъ упоминаетъ мимоходомъ, что Карамзинъ сталъ писать языкомъ именно близкимъ къ разговорному языку семидесятыхъ годовъ; это свидѣтельство чрезвычайно важно, и конечно, оно вполнѣ опровергаетъ возможность распространить журнальныя каррикатуры разговорной рѣчи на все общество [1]). Замѣтное улучшеніе вообще журналовъ ясно видно изъ книги г. Незеленова: „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.“: чѣмъ болѣе поздній журналъ Новикова онъ обозрѣваетъ, тѣмъ чаще и чаще приходится ему отзываться съ большою похвалой о той или другой статьѣ. Успѣхи сдѣлала и критика, прежде бывшая почти въ младенчествѣ: она высказываетъ теперь требованія, болѣе ясно сознанныя; разборъ произведеній со стороны языка и слова поставленъ болѣе правильно [2]). Эти журналы, наконецъ, самымъ очевиднымъ образомъ, доказываютъ неосновательность жесткаго упрека, высказаннаго тогдашнему обществу, въ отсутствіи у него нравственныхъ идеаловъ. Кромѣ вышеуказаннаго общаго характера тогдашнихъ журналовъ, мы нерѣдко встрѣчаемъ въ нихъ идею, сознательно проводимую, что человѣкъ долженъ постоянно стремиться

[1]) *И то и се* 1769, *лл.* XXVI и XXVII; *И. И. Дмитріевъ*, 86.

[2]) См., напримѣръ, *Собесѣдникъ* 1783, II, 103—117; IV, 11—26, 176—189; *Петербургскій Меркурій* 1793, III, 124—144.

къ нравственному совершенствованію, жить и работать для блага другихъ, а не одного себя [1]). Общество выработывало долго и выработало себѣ, наконецъ, здравыя понятія о воспитаніи; возраженіе, что все это были лишь фразы, не умѣстно: въ такомъ случаѣ никакое стремленіе къ наукѣ, къ истинѣ никому не можетъ быть поставлено въ заслугу, потому что никто не достигалъ такой цѣли вполнѣ. Я уже указывалъ нѣсколько ранѣе на журналъ Зритель 1792 г.: онъ служитъ однимъ изъ лучшихъ доказательствъ того движенія общественной мысли впередъ, того улучшенія ея, которое тогда произошло; статьи этого журнала по очень многимъ вопросамъ отражаютъ мысль зрѣлую и сильную, убѣжденія твердыя и честныя, взгляды широкіе и правильные; этотъ журналъ, повторяю, отличается отъ первыхъ журналовъ Екатерининской эпохи не менѣе, чѣмъ они отъ современныхъ намъ.

Однимъ словомъ, мы видимъ въ теченіе царствованія Екатерины чрезвычайно большой прогрессъ въ той именно литературѣ, которая несомнѣнно вѣрно отражала общественную мысль и развитіе общества того времени. Если мы посмотримъ выше этого средняго условія, то увидимъ такія крупныя, блестящія явленія, какъ лирика Державина и комедія Фонъ-Визина. Наконецъ, если мы взглянемъ нѣсколько впередъ, то должны будемъ признать, что большое и сильное умственное движеніе непремѣнно происходило въ ту эпоху, за которою вскорѣ явились Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, и въ томъ обществѣ, литература котораго въ сто всего лѣтъ прошла отъ Тредіаковскаго до Достоевскаго, Тургенева и Льва Толстаго...

Вотъ въ какихъ чертахъ представляются намъ бытъ, нравы и уровень умственнаго развитія русскаго дворянства во второй половинѣ XVIII вѣка, если приложить къ изученію источниковъ для исторіи того времени методъ болѣе правильный. Въ серединѣ прошлаго вѣка мы видѣли общество еще очень грубое, мало развитое, не образованное; затѣмъ видѣли, какъ въ силу историческаго движенія жизни происходило въ немъ движеніе впередъ, какъ разно-

---

[1]) *Полезное съ пріятнымъ* 1769, предисловіе, л. XI: „приводя людей единственно къ добродѣтели можно сдѣлать общество благополучнымъ"; *Вечера* 1772, 152—156; *Утренній свѣтъ* 1778: „въ томъ состоитъ главная должность человѣка, *чтобъ онъ всегда совершеннѣйшимъ и безпрестанно лучшимъ искалъ становиться*", 7; то же говоритъ *Почта духовъ* 1789, предисловіе, и *Прохладные часы* 1793, 426.

образилась, видоизмѣнялась и улучшалась тогдашняя общественная жизнь; наконецъ, въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія мы оставили въ провинціи общество уже значительно развитое, съ довольно богатою умственною жизнью, съ широкими интересами, такое общество, которому до состоянія современнаго намъ остается шагъ уже сравнительно небольшой; мы видѣли къ тому же въ этомъ обществѣ, на ряду съ нѣкоторыми увлеченіями, на ряду съ крайностями въ сторону не желательную и не содѣйствовавшими прогрессу, много задатковъ хорошаго, прогрессивнаго, что̀ обезпечивало ему дальнѣйшее движеніе впередъ; и намъ представляется довольно ясно, что такое общество, каково описанное нами, совершивъ въ пятьдесятъ, шестьдесятъ лѣтъ тотъ путь движенія впередъ, который мы прослѣдили, совершенно естественно могло дойдти въ семьдесятъ, восемьдесятъ лѣтъ до состоянія, современнаго намъ; выводъ, полученный исторически, сходится тутъ, можно сказать, съ тѣмъ, что̀ мы можемъ вывести и изъ своихъ обыденныхъ наблюденій въ жизни. Мы старались всѣ свои заключенія и выводы строить на основаніи подробнаго и тщательнаго изученія источниковъ; но намъ кажется, и a priori ясно, что признаваніе въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка одпихъ темныхъ, отрицательныхъ сторонъ, отрицаніе въ немъ всякаго движенія впередъ есть заблужденіе; и a priori необходимо признать въ немъ прогрессъ, такъ сказать, часть того прогресса, который привелъ общество къ его современному состоянію отъ его прежняго, несомнѣнно худшаго; историческимъ изученіемъ мы старались болѣе близко опредѣлить самый ходъ этого прогресса въ избранную эпоху, отмѣтить его фазисы и указать, что̀ было наиболѣе благопріятнымъ въ этомъ отношеніи.

